

СЕРИЯ КНИГ О ЛЭНДОНЕ

А Н Н А

ТОДА

*Никак
не меньше*

Читать
осторожно –
горячее
содержание.
можно
обжечься.

18+

НАКОНЕЦ-ТО РАСКРОЕТСЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ИНТРИГА «ПОСЛЕ»!

wattpad

SENSATION IMAGINATORID
www.wattpad.com

Annotation

Лэндон пустился в опасную игру. Еще бы, когда столько соблазнов вокруг, очень трудно оставаться хорошим мальчиком. Ближайшие друзья – Хардин и Тесса – так увлечены своими чувствами, что не замечают ничего вокруг. Вот и приходится делать мучительный выбор самому. И что же победит: здравый смысл или страсть? И не придется ли Лэндону жалеть о своих поступках? Читайте заключительную книгу серии о Лэндоне, в которой раскрывается последняя интрига романа «После»!

- [Анна Тодд](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Слова благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Анна Тодд

Никак не меньше

*Для всех Лэндонов, которые живут ради
других, даже тогда, когда оно того не стоит.
Плюс вам в карму!*

Плей-лист Лэндона:

*Years & Years, «Without»
Nelou, «Echo»
Halsey, «Ghost»
Zayn, «TiO»
Jess Glynne, «Take Me Home»
Arcade Fire, «Crown of Love»
Kevin Garrett, «Control»
John Mayer, «Assassin»
Bon Iver, «I Can't Make You Love Me»
One Direction, «What a Feeling»
Emily Wolfe, «Never Let Me Go»
Ruelle, «War of Hearts»
John Mayer, «Edge of Desire»
Nick Jonas, «Chainsaw»
Zayn, «wRoNg»
The Weeknd, «As You Are»
One Direction, «Something Great»
Nick Jonas, «Unhinged»
Mads Langer, «Death Has Fallen in Love»
Mads Langer, «Last Flower»
Taylor Swift, «I Know Places»
Young the Giant, «Cough Syrup»
Zyan, «iT's YoU»
Emily Wolfe, «Heavy»
One Direction, «Wolves»*

Пролог

Не самое отдаленное будущее...

– Папочка, – во мраке спальни послышался детский писк.

Открываю глаза, включаю лампу, щурюсь от света.

– Аделина? У тебя что-то стряслось? – Сажусь, подоткнув одеяло под грудь и пытаюсь прикрыть гениталии. Краем глаза кошусь на жену, ее голая спина торчит из-под одеяла. Спит она на животе, раскинув в стороны руки и ноги.

Дочка трет кулачком свои карие глазки.

– Уснуть не получается...

Ну, это не самое худшее.

– А овечек считала?

В последнее время она стала плохо спать, но я стараюсь особенно не волноваться. Врач говорит, для ее темперамента это типично, со временем пройдет.

– Да, – кивает малютка. – И пони тоже считала. Одну синюю, одну красную и ту желтую злюку.

– А что, желтая была злюкой? – спрашиваю с серьезным лицом.

– Ага. Она у синей пони печеньку отобрала.

Мама моей крохотульки зашевелилась во сне. Накидываю одеяло на ее голую спину – еще перевернется ненароком.

Гляжу на дочурку. Глазки у нее – точь-в-точь мои, и фантазерка она под стать мне. Весьма изобретательный ребенок для своих лет, даже немножечко чересчур. Постоянно вещает что-то про принцесс, гоблинов и всяких там феечек.

При ней любимый потрепанный мишка. Она носит его везде, куда бы ни направлялась. Ну, разве что кроме школы. Пару раз находил его в собственной «почтальонке», уже в самой школе, когда приходил туда на работу.

– Давай-ка запремся на кухне, и ты расскажешь мне, что было дальше? – целую ее ручку, пока она не успела ее отнять, и добавляю: – Жди меня там, я скоро приду.

Надо же натянуть хотя бы штаны.

Аделина выходит из комнаты, по пути озираясь то на спящую мать, то на меня, и спрашивает:

– А может, съедим печенюшечку, пока будем болтать?

Маленькая заговорщица. И постоянно думает, чем бы сладеньким поживиться. Папина дочка.

Бросаю взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Уже половина первого, а утром в школу вставать. Дочь у нас – первоклашка, а я – ее первый учитель. Не дело пичкать ребенка сладким, тем более посреди ночи...

– Папуль, ну пожалуйста.

Да все я понимаю. Ответственность и прочее... Через шесть часов вставать в школу, а я тут попустительствую сладкоежке. Мамаша меня утром прибьет, но только она и сама бы не устояла против этих коричневых глазок и мишки под мышкой. Скоро вырастет доченька – и поминай как звали.

Терпения ей не занимать. Она выжидает.

– Ну и мне одну захвати. Только выбери самую кроху, крохотную крохотулечку, хорошо? А я скоро буду.

С победной улыбкой дитя направляется на кухню. Похоже, она ни секунды не сомневалась, что я уступлю.

– Крохотулечку, не забудь, – говорю вслед с улыбкой.

Кивнув, она выходит из комнаты. Слезая с кровати, беру с пола треники.

– Слабак, – доносится сонный голос жены.

– Ой, мы тебя разбудили? – с деланным удивлением спрашиваю я, натягивая треники.

Она переворачивается на спину и закидывает руки за голову, сверкая обнаженным торсом.

– Конечно, – отвечает с блаженной улыбкой.

– Трусиха, – поддразниваю я.

– Лопушок.

Сосредотачиваю взгляд на ее лице, чтобы не отвлекаться. Стоит залюбоваться ее голой грудью, и из комнаты я не выйду.

Одевшись, опускаюсь коленом на край кровати и нежно касаюсь губами жениного лба. Ее губы растягиваются в блаженной улыбке.

Из спальни прямоком иду на кухню и вижу: детеныш застыл с огромным печеньем и мишкой в свободной руке.

– Это называется «крохотная крохотулечка»? – поддразниваю я. Заглянув в холодильник, выуживаю бутылку молока.

Аделина смотрит на меня с шаловливой улыбкой. Из щербатого рта выглядывает кончик языка. Растет наш ребенок не по дням, а по часам!

– Я думала, ты сказал, «большую большулечку».
Хитрушка.

Глава 1

Лэндон

Я стою перед дверью с праздничным тортом в руках. Эллен у нас именинница. Нора уже собралась. Она прощается с Поузи и Лайлой и сует ноги в белые кеды. Кеды вполне спокойной расцветки, а вот носки у нее – чумовые, испещренные маленькими пиццами.

– Готова? – спрашиваю я, опуская торт на красный столик в прихожей, Нора кивает.

После того случая в ванной она не проронила ни слова. Не знаю, как теперь завязать разговор. Я согласился, что не буду пытаться ее изменить, что не буду выпытывать ее тайны и подносить ей сумки. Она много-много раз повторила, что совершенно для меня не годится, а стать такой, какая мне нужна, у нее не получится.

Да откуда ей знать, кто и насколько мне подходит? Я и сам-то понятия не имею.

Я знаю одно: мне с ней хорошо и хочется продолжить знакомство. Мы не будем спешить, ни к чему. Это как распаковывать лучший подарок – его всегда оставляешь под конец.

Подхватив со столика торт, выхожу в коридор, жму на кнопку. В гробовой тишине с мерным гулом ползет в нашу сторону лифт.

Открываются двери, и мы входим. Нора придвигается к дальней стене – в кабине тесно.

Стараюсь не встречаться с ней взглядом. Я чувствую, что она смотрит, но не жаждет общения – наговорила сегодня.

Я, конечно, держу торт, но в ладонях болезненно пусто. Руки жаждут чего-то другого. Может, им хочется Норы? Такое чувство, что когда она рядом, мое тело живет собственной жизнью.

Нора подносит пальцы к кончику своей косы, и я поднимаю на нее глаза. Только сейчас я заметил, что мы вошли, а лифт не тронулся. Не знаю, сколько мы так простояли.

Нора глядит на меня, словно изучает, словно старается докопаться до тайного шифра, подобрать ко мне ключик.

Меня подмывает сказать, что не я здесь секретничаю и нечего меня расшифровывать.

Вспомнилась прошлая ночь, когда мы остались с Дакотой вдвоем. У меня ничего не вышло, и я чувствовал себя виноватым. Помню, как был

потрясен, когда зашел в ванную и никого там не обнаружил – бывшая смылась из дома по пожарной лестнице. Всего-то день прошел, а я уже с Норой и хочу узнать ее поближе.

Мне, видимо, тоже есть что скрывать.

– Он что, сломан? – спрашивает Нора, и меня на мгновение охватывает паника – мелькнула мысль, что она имеет в виду мой неисправный член.

Поняв, что она говорит про лифт, я чуть не прыснул от смеха.

– Без понятия. – Еще раз жму кнопку первого этажа. Лифт дзынькает, дверь открывается и закрывается. Кабинка приходит в движение, и я пожимаю плечами. Я что, кнопку забыл нажать?..

Мы добираемся до первого этажа, и я пропускаю Нору вперед. Ее локоть нечаянно касается моей руки, я делаю шаг назад, чтобы посторониться. На миг захотелось очутиться в другом измерении. В таком, где Нора – моя, и я могу вдоволь ее обнимать. Там, где она будет мне доверять и делиться самым сокровенным. Она сможет смеяться, когда ей захочется, и ей нечего будет скрывать.

С каждым шагом по скучному зданию этот сказочный образ выветривается и блекнет.

– Я не купил Эллен подарок! – вдруг опомнился я.

Нора оборачивается и, замедлив шаг, ждет, когда я с ней поравняюсь.

– Думаю, самодельный торт и то, что ты решил уделить ей минутку, ценно само по себе. – Она вздыхает. – Лично мне бы такого хотелось. – И, отвернувшись, идет дальше.

От таких слов мой разум приходит в смятение, а у меня и без того полным-полно сумбурных мыслей.

– И при этом тебе не нравится отмечать? – спрашиваю я, особенно не надеясь получить ответ. Надежда, конечно, всегда остается – ну хотя бы маленькая, на самое поверхностное объяснение. На следующей неделе у нее день рождения, но она взяла с меня обещание, что я не буду по этому поводу суетиться.

В последнее время Нора постоянно что-то просит пообещать. Мы знакомы всего пару недель, а я уже с головы до ног опутан всевозможными клятвами.

– Не-а. – Толкнув дверь, она придерживает ее передо мной.

Я не стал докапываться, просто решил, что ей будет полезно услышать, как прошел мой самый лучший день рождения.

– В детстве мама всегда устраивала настоящее торжество по случаю моего дня. Мы праздновали неделю напролет, и она готовила мои любимые блюда.

Нора с интересом на меня посматривает. Мы уже подошли к угловому магазинчику. Мимо проходят влюбленные, взявшись за руки, и я вдруг начинаю задаваться вопросом, а были ли у Норы когда-нибудь серьезные отношения. Ей уже двадцать пять, наверняка она с кем-то встречалась.

– Помню, мама каждый год пекла маленькие кексики. Наготовит полную гору и тащит в школу. Думала, это придаст мне весомости среди одноклассников, а получалось наоборот. Меня просто поднимали на смех. – Помню, в один год, мы были совсем тогда мелкими, к ее выпечке никто не притронулся. И только Дакота да ее брат Картер меня поддержали. Мы шли домой и уминали их, чтобы мама моя не подумала, будто кексики не понравились и день рождения не удался. Когда мы добрались до своего квартала, в пакете оставалось пять штук. Помню, мы положили их на бревно возле парка, где собирались наркоши и бродяги. Хотелось думать, что в тот день хотя бы у пятерых из них было не так пусто в животах.

– Я бы тоже не отказалась попробовать, – заявляет Нора, глядя куда-то вдаль.

Она так и не пролила свет на собственную неприязнь к этому празднику; впрочем, я особенно и не рассчитывал на откровенность. Просто захотелось с ней поделиться, не ожидая взаимности.

Нора открывает дверь в магазин, звякает колокольчик. Я вхожу следом и улыбаюсь при виде Эллен.

Глава 2

– Так много торта осталось... – говорит Нора, поднося ко рту пластиковую вилку.

На стол между нами сыплются белые крошки вперемешку с зеленой глазурью. По ходу, Эллен – не большая поклонница сладкого. Она жалуется, что подростки разучились дарить цветы, и я мысленно жалею, что не додумался захватить букетик. Хотя в глубине души не пойму, как человек может недолюбливать выпечку.

Хоть она и брюзга, компашку мы ей составили знатную. Как ни пыталась она скрыть улыбку, а не удалось, и мы втроем на славу повеселились. Нора перевернула табличку на двери, и мы спели «Happy Birthday». Как выяснилось, мне на ухо наступил медведь. И все же, пусть без музыки и без свечей, но мы сумели продемонстрировать Эллен, что есть на свете друзья, которые не забыли про ее день рождения.

Нора поймала на телефоне попсовое радио, и девчонки от души поболтали. Не думал, что Эллен такая словоохотливая. Импровизированная вечеринка продлилась всего полчаса, а после именинница заволновалась, что магазин слишком долго закрыт, и ушла. Впрочем, наверное, ей просто надоело о себе рассказывать.

– И еще немножко за друзей. – Хватаю со столика вилку и втыкаю ее в угол торта. Нора сидит на соседнем стуле, подогнув под себя одну ногу. Крохотные ломтики пиццы у нее на носках такие вычурные и такие забавные. – А в чем фишка? – спрашиваю я, тронув ее за носок.

Она проводит языком по губам.

– Жизнь слишком коротка, чтобы мучить себя унылыми носками.

Пожав плечами, Нора отправляет в рот кусок торта на вилочке.

Опускаю взгляд на свои носки. Белые, посеревшие на носках и пятках. Гадость. Ску-ко-ти-ща. И связаны в форме трубы. Такие никто и не носит.

– Что это, жизненный принцип?

– Ну да, среди прочего, – с набитым ртом отвечает Нора.

У нее губы в глазури, и мне хочется протянуть руку и стереть глазурь пальцем, как в старых комедиях про влюбленных. Нора прослезится, у нас сразу бабочки в животах запорхают, и она прильнет ко мне.

– У тебя на губах глазурь, – заявляю я в пику романтике.

Она оттирает рот большим пальцем, однако часть глазури остается нетронутой.

– А ты не хочешь помочь? Идеальная сцена для поцелуя, как в фильме. У дураков мысли сходятся. Пустячок, а приятно.

– Я как раз об этом подумал. Если бы все было в кино, я протянул бы руку и вытер глазурь.

Ее перепачканные губы расползаются в улыбке.

– А потом стал облизывать палец, а я смотрела бы, как расходятся твои губы.

– А я бы наблюдал, как ты смотришь.

– А потом, когда ты закончил облизывать, я вздохнула бы, и мы смотрели бы друг на друга, не сводя глаз.

В животе затрепетало.

– А потом у тебя в животе запорхали бы бабочки.

– Злые дикие бабочки, от которых сносит крышу.

Она смотрит мне прямо в глаза и улыбается. Нереально красивая.

– Тогда я сказал бы, что пропустил одно пятнышко, и опять бы склонился к тебе. А у тебя заколотилось бы сердце.

– Оно бы так быстро стучало, что ты бы услышал.

– Оно бы так быстро стучало, что я бы услышал, – вторю я как зачарованный.

Ее грудь медленно поднимается и опускается.

– Я дала бы послушать.

– И тогда ты прикрыла бы глаза, как всегда, когда я прикасаюсь...

Для нее это полная неожиданность. Видимо, она ни о чем таком даже не подозревала.

Нора говорит, а я не свожу глаз с ее губ, гадая, о чем она думает.

– Я обняла бы тебя, притянула к себе и провела языком по губам.

Кровь застучала в ушах. Перевожу дыхание. Нора придвигается ближе.

– Я тронула бы тебя губами. Поначалу легонько, почти незаметно. Потом развела бы их языком и поцеловала тебя.

Из-под полуопущенных век она глядит на мой рот.

– Ты целовал бы меня в ответ, как никого до меня и как никто до тебя. Словно в первый раз. – Она переходит на шепот.

Мне нельзя ее целовать. Я склоняюсь чуть ближе, нас разделяют какие-то дюймы.

– Ты никогда еще не целовалась. – Она так близко, что обдает своим дыханием мое лицо. – Так, как со мной. Ты забудешь все поцелуи, что были до меня, все прикосновения. Все до одного.

Я делаю вдох, и она перехватывает поцелуем мой выдох. На ее губах

вкус глазури. Язык такой теплый во рту. Она жадно хватается меня за голову, привлекает к себе, тянет за волосы.

Опираясь ногами о пол, я обхватываю ее и привлекаю к себе, приподнимая со стула. Она садится мне на колени, расставив ноги по обе стороны от меня. И целует так, как никто никогда меня не целовал, и я правда хочу забыть все поцелуи, что были прежде, все до последнего.

Она нежно закусывает мне губу и начинает ритмично раскачиваться. Я под ней уплотняюсь, твердею. Удивительно, мне нисколько не стыдно. Нора почувствовала меня, это стало ясно по резкому вздоху и тому, как обвилились ее руки вокруг моей шеи. Она чуть сместилась, устроившись так, чтобы упираться в меня своим естеством. У нее тонкие трусики, а мои треники уже ничего не скрывают.

Раскачиваясь, она стала тереться промежностью о мой напряженный член. Я не в силах сдержать стон. Мы идеально сливаемся, и даже одежда совсем не помеха.

Черт, пронеслось в голове, *она целует мне шею*. Она чувствует в точности, где целовать, где лизнуть, присасывается у основания. Я беру ее бедра и нежно сжимаю, направляя туда, где мне хочется, чтобы она поерзала.

Она двигает бедрами чересчур сексуально. Просто богиня, ни отнять, ни прибавить. А я – настоящий счастливчик, которому выпал подобный момент. Что-то есть в этой кухне такое, что сводит с ума. Однозначно, не так я собирался провести этот вечер.

Не сказать, чтобы я был недоволен таким поворотом.

Нора отцепляется от моей шеи, не прекращая раскачиваться на моем члене.

– Боже, ну почему так совпало, что ты – сосед Тессы?! – Она снова впивается в мою кожу и умолкает. Я стискиваю ее бедра. – Если бы ты с ней не жил, я бы тобой овладела.

Она так сексуальна, открыта и сводит с ума... Я слетаю с катушек.

– Давай притворимся, что я – не сосед Тессы, – предлагаю на полном серьезе.

Она смеется.

– Боже, Лэндон, я сейчас кончу. – Голос у нее стал гортанный и чувственный, я не в силах дышать, а она разошлась, движения размашистые.

Подхватив Нору за спину, пытаюсь тихонько ее унять, чуть умерить пыл, снизить скорость. Еле сдерживаюсь, я готов к ней присоединиться. Гоню лишние мысли, не хочу запороть такой классный момент. Мне надо

лишь ощущать ее, чувствовать, довести до оргазма и слиться с ней в благодати.

– Я тоже, уже совсем скоро, – шепчу я, уткнувшись ей в шею. Хотел бы я, как она, владеть словом и возбуждать лишь рассказами. Я целую ее в то место, где встречаются шея с плечом, сам толком не зная, что делаю, но, судя по звукам, она еще раз кончает, а значит, я все сделал правильно.

В голове помутилось, все мысли погасли, остались одни ощущения. Нора здорово пригасила рассудок, заставила его замолчать, и от этого просто здорово. С ней невысказанно хорошо, она всюду: внутри и снаружи, на мне и в моем суматошном мозгу.

Она успокаивается и затихает, кладет голову мне на плечо, и я чувствую, что между нами мокро, но каждому по-любому плевать.

– О-о, это было... Я просто...

Тут ее речь прерывается. В прихожей хлопнула дверь.

– Лэндон? – Наше тяжелое дыхание перекрывает голос Тессы, и эйфория внезапно испаряется.

– Черт, – бормочет Нора, соскакивая с меня. Она теряет равновесие, и я поддерживаю ее за локоть.

Я встаю, и ее глаза останавливаются на моей промежности. Там большое мокрое пятно.

– Иди.

Я торопливо ковыляю в ванную. Тесса заходит на кухню, а я тем временем исчезаю в дверном проеме. Пытаюсь слинять, но она меня останавливает. Хорошо, что я стою к ней спиной.

– Эй, я пыталась тебе дозвониться, – говорит она.

Как же не хочется поворачиваться. Да просто нельзя этого делать.

– Хотела спросить, не сможешь ли ты занести мне на работу сменные туфли. Там один посетитель опрокинул мне на ноги заправку для салата, а сегодня работать допоздна.

Даже не глядя на нее, понятно, что она расстроена, а я сейчас не в том состоянии, чтоб кого-нибудь утешать. Ищу глазами, чем бы прикрыться. Под руку попадает спасительная коробочка хлопьев.

– Да ладно, бог с ним, – говорит Тесса, немного взбодрившись. – А вы тут чем занимались?

Схватив пачку хлопьев, прикрываю свой пах и разворачиваюсь к Тессе лицом. Ее глаза тут же останавливаются на коробке. Я крепко в нее вцепился.

– Мы тут... – Спешно подыскиваю слова и молю бога, чтобы коробка не выскользнула из моих судорожно сжатых пальцев.

Тесса переводит взгляд на Нору, затем на меня.

– Эй, я спрашиваю, чем вы тут занимались? – повторяет она в наивном неведении.

Я уповаю на Нору, однако та молчит. Нас стремительно тянет ко дну, и единственное спасение – монструозная коробка в моей руке.

– Мы это... – начинаю я, хотя в мыслях полнейший разброд. Тесса застыла в дверях в заляпанных майонезом туфлях. Уж лучше щеголять заляпанными туфлями, чем кое-чем другим... – Мы тут готовили.

– Готовили? – Тесса смотрит на Нору с непроницаемым выражением лица.

Нора делает шаг вперед.

– Ну да, курицу... – Она переводит взгляд на меня. – С хлопьями? – В ее голосе сквозят вопросительные нотки, что, боюсь, не укроется от внимания Тессы. – Вместо панировки. Знаешь, как делают панировку из глазированных хлопьев? Ну вот, я хотела попробовать что-то подобное.

Я и сам ей чуть не поверил, а уж про Тессу и говорить не приходится.

Нора меж тем продолжает:

– Тебе надо опять на работу? Так, давай-ка подыщем тебе другие туфли.

И они отвлеклись. Я радостно улепетываю, бросив через плечо что-то вроде: «Я скоро вернусь».

Боже, как стыдно. Неловкая ситуация. Ну почему в моей жизни вечно полно приключений?.. Благодарю небеса, что Нора оказалась отменной врушкой, и скрываюсь в коридоре, унося злосчастную пачку хлопьев.

– Что это с ним? – раздается мне вслед. Не знаю, что ответила Нора, меня уж и след простыл.

Глава 3

В спальне тихо.

Здесь стало тесно. Может, стены на меня давят после неловкой ситуации с Норой? Впрочем, теперь мне не так уж и стыдно. По крайней мере, косячили мы на двоих.

Нарвались на приключения.

Я до сих пор чувствую ее на себе, чувствую, как она движется, подгоняемая желанием. До сих пор в ушах стоят ее стоны, а на коже сохраняется тепло от ее жарких вздохов.

В спальне будто бы стало жарче.

Отхожу от двери, направляюсь к окну. На столе беспорядок. Стопки книг и липучие отрывные листки захламляют деревянную столешницу. А может, и не деревянную – стол из «Икеи», я отдал за него меньше сотни баксов. Барабаню пальцем по столешнице из якобы «темного дерева» и слышу внутри пустоту. Так я и думал, подделка.

Пальцы дрожат. Я отдергиваю шторы, и взгляду предстает окно. На подоконнике облетевшая краска, пыль, лежитдохлая муха. Видела бы Тесса – ее бы передернуло. Мысленно ставлю зарубку: на неделе прибраться в комнате. Дергаю за упрямую деревяшку, она подается с трудом, наконец приподнимаю раму, и в комнату вливаются мерные звуки города. Мне нравится, как шумит Бруклин. Машины, голоса пешеходов, идущих по тротуарам. Без перебора, все в меру. Здесь даже таксисты не гудят, как на Манхэттене. Никогда не понимал моды срывать злобу при помощи автомобильного гудка. Они что, думают, если будут так зверски шуметь, пробка сразу же рассосется? Нелепо.

Забывшись случайными мыслями, я на время отвлекаюсь от того, что недавно произошло у нас с Норой. Впрочем, нет, я опять об этом задумался. Как так вышло? Вот мы разыгрываем сцену из фильма, и вдруг она уже сидит на мне? Стащив с себя мокрые брюки и «боксеры», я бросаю их в бельевую корзину, стоящую возле шкафа.

Переодевшись, усаживаюсь на кровать, поближе к окну. Телефон стоит на зарядке на ночном столике. Протягиваю руку, набираю номер.

Хардин отвечает со второго гудка.

– Не пытайся меня отговаривать, слишком поздно. Я буду в пятницу.

Я закатываю глаза.

– Привет. У меня все нормально. Спасибо, что спросил.

– Я понял. Чем выручить тебя, брат, в этот славный вечер? – спрашивает Хардин, стараясь перекричать завопившую автосигнализацию.

– Ничем. У меня тут вышла одна история... – Не знаю, как рассказать ему и почему вообще я решил его к этому подключить.

Он смеется.

– Что ж, начинай.

Я вздыхаю в трубку и прислушиваюсь к звукам в квартире. С кухни доносятся приглушенные голоса Тессы и Норы.

– Короче, ты знаешь Нору, подругу Тессы? Когда вы познакомились, ее звали София, но Тесса говорит, что для друзей она просто Нора. Хотя ты все равно, наверное, не запомнил.

Боюсь, я говорил слишком громко. Впрочем, я вот не могу разобрать, о чем совещаются дамы на кухне, так что, надеюсь, им тоже не слышно.

– Вроде помню.

– В общем, мы с ней сейчас переспали. – Тяну за шнурок, поднимаю жалюзи. – Ну, не сказать, чтобы полностью, но очень близко к тому.

– Ну и? – «Ну и?» А какой еще реакции ждать от Хардина?

Перехожу на предельный шепот.

– В том-то и дело. Нора раз сто мне сказала, что мы будем друзьями, и мы сидели и разговаривали как обычно, и вдруг она уже у меня на коленях, кончает, и сразу же возвращается Тесса, и я теперь в комнате, обосрался от страха и не знаю, как перед ними появиться и что сказать.

– Ого! Тесса заходит и видит телку? А та прыгает на тебе? Да, теперь не отвертись. Стой-ка, ты трахал ее на стуле? Или она просто скакала на тебе, пока не кончила? – ненавязчиво интересуется Хардин. У него не рот, а помойная яма.

– Второе. Ну, у нас не было секса как такового, когда один предмет входит в другой...

– Реально? – Во вроде бы ровном голосе сквозит неуловимая смешинка. – Как у тебя язык повернулся такое сказать? Может, покажешь на манекене, какие места она трогала?

– Похоже, зря я позвонил. – Я вздыхаю. Откинувшись на кровать, смотрю в потолок, где вращается вентилятор неясной расцветки.

Видимо, Хардин понял, что переборщил, и немного сбавляет обороты.

– Ну, так она тебе нравится? В смысле, в чем проблема? Ты свободен, она свободна. Так?

Тут надо немножко подумать. Я свободен ?

Да. Мы с Дакотой не встречаемся уже несколько месяцев.

Конечно, нельзя игнорировать тот факт, что она здесь вчера появилась.

Боже, какой я кретин. Надо обязательно рассказать Норе, что Дакота пока при делах. Это поступок правильного человека, а я – правильный.

– Мы оба свободны. Правда, вчера вечером приходила Дакота.

Как гадко сейчас признаваться.

Ведь я ж не такой.

Совершенно не такой.

– Фу, гадость! И Далилу успел обработать? Что там у вас за содом?

Я не стал его поправлять, не до того мне сейчас.

– Сам не знаю. Только Тессе не говори. Нет, правда, у нее и так хлопот по горло, да и Нору плющит при мысли о том, что Тесса узнает. Seriously. Вот пусть как угодно, хоть голая у тебя выпрашивает, притворись, что ты совершенно не при делах.

– Если она будет голая, то я ничего не обещаю.

– М-м.

– Ну ладно, ладно. Буду молчать как партизан. Ты еще не спрашивал, какой у нее график?

Нет. Потому что я – соплежуй.

– Не спрашивал. Она постоянно на работе... Ах да, хочу кое о чем предупредить, чтобы тебе крышу не сорвало. – Делаю многозначительную паузу.

– Ну что? Говори же! – торопит друг, и я чувствую, что в уме он уже подготовился к самому худшему.

– Нет, сначала обещай молчать, – настаиваю я.

Хардин фыркает от нетерпения.

– Да обещаю я, обещаю.

– Ты помнишь того официанта, которого мы повстречали на озере? Вы еще с Тессой все время скандалили. Вспомнил?

– Мы не все время скандалили, – уточняет он с легкой обидой в голосе. – Ну, вспомнил, так что с ним не так?

– Он объявился.

– У тебя на квартире? – В его голосе звучат угрожающие нотки, и я уже начинаю подозревать, что, может, и не стоило заводить этот разговор.

– Да нет же. В Нью-Йорке. Они вместе работают.

Хардин вздыхает, и я могу лишь гадать, что написано у него на лице.

– Ну и они... э-э... встречаются или что?

Я помотал головой, хотя он меня и не видит.

– Да нет, ничего подобного. Просто хотел тебе рассказать, чтобы ты, ради собственного же блага, не устраивал сцен. Надо показать Тессе, что ты взрослеешь и прочее.

А еще потому, что я не хочу, чтобы эта дикая Хесса спалила мне квартиру. А то устроят войнушку в стиле Второй мировой, это мигом у них. Конечно, если они ее все же спялят, то можно больше не опасаться подобных ситуаций, когда мы с Норой снова окажемся вместе на кухне...

– Взрослею? Да я взрослей некуда. Баклан.

– Да, это чувствуется по твоему обширному лексикону, баклан, – передразниваю друга.

– Слушай, чувак, я, конечно, рад, что ты там лизался и не полностью трахался с Наоми, Сарой, или как там она решит называться через неделю, но мне вот-вот должны позвонить.

Я не выдержал и заржал, очень уж мастерски он нанизывает словечки.

– Ладно, чел, спасибо за помощь.

– Если тебе действительно хочется все это обсудить, то я могу перезвонить тебе чуть попозже. Хочешь?

Я даже присел от неожиданности.

– Не, мне полегчало. Надо, наконец, выйти к ним и дать женщинам отплясаться.

– Ага, вруби им метальчик.

– Иди ты.

На этом он дал отбой.

Глава 4

Когда я решаюсь выглянуть из своего убежища, Тесса уже ушла – ей надо было срочно возвращаться на работу. Нора сидит на диване, опустив ноги на кучу подушек и откинувшись на кожаную спинку. В ее руках – пульт от телика.

– А Тесса ушла? – спрашиваю так, как будто бы вовсе не стук входной двери заставил меня покинуть укрытие.

Нора кивает, переключая каналы. На меня даже не смотрит. Между прочим, она тоже сменила брючки. У нее что, были с собой про запас как раз на подобный случай? Предвидела, что я измочу ей одежду? Хорошо бы.

У меня учащается пульс. Я стараюсь отвлечься от мыслей о том, что мы делали с Норой, пока нас не застучала Тесса.

– Думаешь, она нас раскусила? – Эх, а я-то надеялся быть немножечко потактичнее, но, как видно, у моего языка на этот счет были другие планы.

Не убирая пальца с кнопки, Нора мельком бросает взгляд на то место в дверном проеме, где я стою, и говорит, глядя словно бы сквозь меня:

– Надеюсь, что нет. – Она умолкает и делает глубокий вдох. – Слушай, Лэндон... – начинает она таким тоном, словно намерена со мной распрощаться. А жаль, мы толком еще не поздоровались.

– Подожди, – опережаю ее, пока она не лишила меня последнего шанса. – Мне, в общем, понятно, но ты не спеши. Тон у тебя и глаза такие – тут все ясно без слов. Ты ведь на меня даже не смотришь.

Нора переводит на меня взгляд, и я, отделившись от косяка, подсаживаюсь к ней. Приподнявшись, она садится на скрещенные ноги, хватая рукой подушку – ту самую, которую подарила мне мать Кена прошедшей осенью, устраивает ее на коленях.

– Лэндон, – на выдохе начинает она. В ее устах мое имя звучит с небывалой нежностью. – Я не совсем...

– Не надо. – Я перебил ее – да, грубо, но что поделаешь, надо во что бы то ни стало переломить ход событий. – Ты сейчас начнешь вешать, что не стоит мне с тобой связываться, что ты недостойна и прочее. Так вот, не прокатит. Сейчас ты мне все объяснишь, и мы решим вместе, как нам поступить.

Вот так! Наконец я доволен собой – высказался. Чувствую себя истинным мужиком. Пара волос на груди теперь точно проклюнется.

– Ничего тут не поделаешь. У нас нет перспектив. У меня и в мыслях

не было начинать новые отношения.

Удивительная прямота. Обычно в фильмах или романах, когда происходят неловкие разговоры, человек то и дело отводит взгляд, или ногти покусывает, или еще что-нибудь в том же духе.

Но Нора!.. Она такая смелая. Глядит мне в глаза, и мне от этого даже не по себе. Весь запал сразу как-то исчез, волосы на груди съежились, рту пересохло.

Она что-то сказала про *новые отношения*. Так что у нее было в прошлый раз, до меня? Я знаю прекрасно, что на этот вопрос она мне не ответит, но все равно спрашиваю:

– А давно у тебя кто-то был?

Она прищурилась, однако взгляда не отвела.

– Непростой это разговор...

– Жизнь вообще непростая штука.

Улыбается.

– Давай, выкладывай. Ну, пожалуйста. – Включил все свое обаяние.

– Тебе это лучше не знать.

Обидно. Я невольно нахмурился.

– А почему?

Она прикрывается подушкой, будто щитом. Помню, с какими словами бабуля, мать Кена, подарила мне эту подушку. Она сказала, что купила их две – для меня и Хардина. Кен в тот же день пошел выносить мусор и нашел одну из них в баке. Красивенькую такую, сине-желтую подушечку. Я свою взял на память и храню как зеницу ока. Я почему-то уверен, что когда-нибудь и Хардин созреет до такого подарка, и тогда Кен вернет ему то, что он выбросил.

Нора не отвечает, а мне отчего-то становится жутко.

– Ну? Говори, почему ты не хочешь, чтобы я о тебе что-то узнал? Я же нравлюсь тебе. Нет, я, конечно, не Аполлон, но такие-то вещи способен заметить. Что тебя сдерживает?

– Да просто тогда я тебе разонравлюсь. Если уж ты так упорно решил докопаться, то имей в виду: результат тебя не порадует.

Нора встает, отшвырнув подушку к дивану. Та падает на пол, и мы молча сидим, не делая попыток ее поднять.

– Я ведь тебе сразу сказала: ни к чему хорошему это не приведет.

Я упорно не вылезаю из кресла. Стоит мне сменить позу, Нора обязательно среагирует: шлепнет меня или поцелует – не важно, я хотел бы любого контакта, но пока что нельзя. Надо хотя бы раз нормально поговорить.

– Если бы ты мне сказала, что происходит, мы бы вместе придумали, как тут быть.

Она молча глядит на меня, и от ее взгляда во мне просыпается дерзость.

– Вот поражаюсь я людям. Все молчат, что-то держат в себе. Ты скажи, поделись тараканами, а мы уж посмотрим! Ведь не все же так тупиково?.. Выход есть из любой ситуации. Я не какое-нибудь динамо, побаловаться и бросить.

Встаю, делаю шаг навстречу.

Она пятится.

– Нора, у меня нет злого умысла, я просто хочу стать поближе. Поверь мне. Хотя бы попытайся.

– Ты понятия не имеешь, кто я и что. Ты заметил меня две недели назад, а до тех пор меня даже не существовало.

У нее сами собой сжимаются кулаки, она приближается на пару шагов.

– *Не существовало?* – Какая нелепица!

Фыркнув, она продолжает:

– Да ты, кроме Дакоты своей, никого не замечал. Не знаю, о чем вообще разговор. Мы – друзья, и не больше.

– А как же...

– Засунь свое «а как же» в одно место! – вдруг кричит она. – Надоело уже! Все вокруг твердят: делай то, делай другое. Советуют, что мне чувствовать, как поступать!.. Сказала друзья, значит, друзья! Если я скажу, что не хочу тебя больше видеть, значит, мы не увидимся. Я сама принимаю решения, и не надо тут мнить себя психиатром. Я вообще с тобой разговаривать не обязана. Никому не захочется заливать себе в уши потоки дерьма. Да еще чужого!

– Мы с тобой не чужие. Ты, конечно, можешь внушать себе, но я все равно тебе не чужой. – Она упорно возводит стену, а я упорно стремлюсь сквозь нее проломиться. Нет, никакой я не психиатр, просто у меня нет проблем с тем, чтобы выговориться.

– Неужели?

– Да, так! – перехожу на крик и я, но скорей ради шутки. Не получилось. Как только мне стало ясно, что злится она из-за собственной незащитности, я понял, что совершенно не могу на нее разозлиться. Тут что-то такое, в чем с ходу и не разберешься.

– До того, как сюда вселиться, ты сколько раз меня видел? – спрашивает она.

А это еще здесь при чем?

И, не дав мне и слова сказать, она продолжает:

– Только подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

Ну, видел ее раз-другой. Кен знаком с ее отцом.

– Ты приходила домой к моей маме. Мы как-то обедали...

Она засмеялась, хотя ей совсем не до смеха.

– Вот видишь?

Не получается отвести взгляд, а хотелось бы.

– Восемь раз, – прерывает она затянувшееся молчание. – Мы виделись целых восемь раз.

– Не может быть! Я бы запомнил.

– Что, правда? А помнишь, мы говорили про Хардина, и выяснилось, что я его не знаю? А я надеялась, ты помнишь. Он же при мне впечатал тебя в стену в гостях у родителей. Даже кулак занес. Хотел вмазать тебе, но не смог. Слишком любит тебя, дурачина. А перед этим за пару дней мы сидели на кухне, и ты рассказывал что-то про колледж. Ты еще надеялся, что Тесса поступит в ваш универ. Ты был в синей рубашке, а в глазах – золотишки, как медовые хлопья. От тебя пахло сиропом. А потом мама лизнула палец протереть тебе щеку, и ты покраснел. Я помню все до мельчайшей подробности. *И знаешь почему?*

Я молча таращусь.

– Ну, спроси почему! – орет Нора.

– Почему? – Чувствую себя полным кретином.

– Потому что я обращала внимание. Я всегда очень внимательна ко всему, что с тобой происходит. Милый, сладкий, обожаемый мальчик. Носится за девочкой, которая его не любит. Помню, как ты прикрываешь глаза, когда пьешь вкусный кофе, и как было приятно возиться на кухне с твоей мамой, и как вы с отчимом болели за какую-то команду, уставившись в телик. Мне казалось, – Нора вдруг умолкает и обводит комнату взглядом, – у меня промелькнула мысль, что ты тоже за мной наблюдаешь. Так нет, неправда, ты просто отвлекся на время, чтобы не вспоминать про Дакоту, *эту стержовзную дрянь*, кстати сказать.

– Она не дрянь, – выдает в ответ мой дебильный рот.

Ее глаза закрываются, медленно открываются снова.

– Меня слушаешь, а думаешь о другом? Как бы кто не обидел Дакоту? Да ты ее толком не знаешь! С тех пор как она поселилась в Нью-Йорке, Дакота дает каждому встречному-поперечному. А тебе твой восторг глаза застилает.

Каждым сказанным словом она будто гвозди в меня вбивает. Я окончательно скис. За последние пять минут столько всего было сказано –

дай бог разобраться.

– Она... она не такая, – мямлю в ответ.

Нора выпускает тяжелый вздох и горестно качает головой. Молча подходит к двери, сует ноги в кеды. Я тоже не нахожу слов.

Она выходит, а я, замерев посреди комнаты, смотрю ей вслед. Если бы все это происходило в кино, я бы бросился за ней и все объяснил. Я был бы героем и подобрал бы слова, чтобы смягчить ее боль и обиду.

Но мы не в кино, и я не герой.

Глава 5

Прошло пять дней, а от Норы ни весточки. Пять дней она не выходит у меня из головы. А еще не выходят из головы ее слова. Зачем она так, сгоряча? И откуда такая жгучая ненависть?

Тесса обмолвилась, что вчера они вместе работали в ночную смену, Нора ходит, словно в воду опущенная, лишнего слова не вытянешь. Тесса не знает, в чем дело, просто заметила странность.

Словно в воду опущенная? Из-за меня?

Вряд ли.

А я ведь действительно ее мало знаю. Может, и правда, если мы познакомимся ближе, она мне совсем не понравится? Она так быстро рассвирепела. В какой-то момент мне даже захотелось назвать ее не Норой, а *Софией*. С Софией я не был знаком – по крайней мере, не так близко, как с Норой. Если научиться их разделять, то жизнь станет проще. Так что, наверное, стоит признать, что девушку эту я совершенно не знаю, и снова воспринимать ее как Софию.

И все же горько, что она думает, будто я не обращал на нее внимания, думая лишь о Дакоте. Все совершенно не так. Когда мы повстречались с Норой, я был в Дакоту влюблен, и мне не приходило в голову обращать внимание на кого-то еще.

Да, я знал, что у нас жутко красивый шеф-повар, что она взрослее меня и в мою сторону даже не посмотрит. А теперь, в другом городе, она для меня уже Нора, неотразимая и непостижимая подружка Тессы, которая наговорила обидных вещей про мою бывшую... и на которую я запал.

Ну, *запал* – смело сказано, но то, что она мне интересна и меня к ней очень, очень влечет – это факт. Она же, напротив, ко мне охладела и практически послала на три буквы. Да еще плюс к совету не совать нос в чужие дела дала понять, что Дакота мне изменила, причем не один раз.

При этой мысли опять защемило внутри. Не знаю, потребовать с Дакоты объяснений или не стоит. Еще не решил, хочу ли знать правду. Отчасти мне думается, что Нора бросила обвинение в порыве злобы, пытаюсь посильнее меня уязвить. Правда, должен признать, надежда эта совсем слабенькая, и мне стоит огромных усилий и умственных выкрутасов, чтобы не принимать сказанное близко к сердцу. Может, она делала ставку на мои комплексы, да только я чувствую, что все это правда.

Голос Тессы выводит меня из задумчивости.

– Ты опять все белье перестирал?

Я опускаю на пол стопку выстиранных полотенец и оборачиваюсь. Она стоит в коридоре, сияя своим ослепительным галстуком цвета лайма.

– Да вот решил помочь тебе по дому. По *квартире* .

Открываю кладовку, и Тесса облокачивается о стену с явным намерением поговорить. На ней праздничный макияж, глаза с черной подводкой, губы излучают лоснящийся блеск. Давненько она так не красилась. Ее и без макияжа дурнушкой не назовешь, а сегодня, впервые за несколько месяцев, у нее к тому же приподнятое настроение.

Хардин прилетит с минуты на минуту, и закрадывается подозрение, что между ними что-то происходит. Я думал, она расстроится, узнав о его приезде, однако этого не случилось. Напротив, даже походка ее стала словно легче.

– Мне вполне хватает твоей помощи по хозяйству. Ты же знаешь, я люблю прибираться.

– Ну да, – соглашаюсь я без особого энтузиазма.

Эта крохотная кладовка, затерявшаяся посреди коридора, вообще ни на что не годится. Три тесных полочки, да нижняя секция, где, кроме пылесоса и швабры, уже ничего не поместится. Кое-как впихиваю полотенца и, что бы они вновь не вывалились, прижимаю дверью. Они все равно выпадают, и мне снова приходится нагибаться и поднимать их с пола.

– Что-то я разнервничалась. Это нормально? – робко интересуется Тесса. – Мне ведь не о чем волноваться, да?

– Вполне естественно нервничать в такой ситуации. Я тоже не нахожу себе места.

Засмеявшись, хотя мне сейчас не до смеха, я заталкиваю полотенца в кладовку, свернув их как можно плотнее.

– Ты сильно не переживай. Если что, переночуешь у Софии, она приглашала тебя на выходные.

Странно как-то называть ее снова *Софией* , мне просто больно вновь услышать имя Нора.

– Вообще-то да, – соглашается Тесса. – К тому же я все равно в выходные работаю.

Не представляю, что ждет нас в ближайшие пару дней. Тут одно из двух: либо они помирятся и будут ходить, взявшись за руки, либо спалят всю квартиру к чертям. Хардин по этому делу мастак, но и Тесса успела нахвататься. С нее станется.

– Он поймал такси. Через час будет здесь, плюс-минус, учитывая пробки. – Закрываю дверь, бросаю взгляд на Тессу. В груди закипает

паника.

Пустое дело сейчас пытаться ее увещевать. Как же, ведь ОН приезжает!.. Надо было сказать ему, чтобы снял номер в гостинице, тут их по городу не перечесть. Тесса – мой лучший друг, следовало как-то наставить Хардина на путь истинный. Хотя какое там! Его и огнем от этой женщины не отпугнешь, любые усилия будут тщетны.

Потираю шершавую поросль на подбородке.

– Эх, не к добру это. Не стоило мне соглашаться.

Тесса отводит руку от моего лица.

– Не парься, – отвечает она, устремив на меня пристальный взгляд. – Я большая девчонка, справлюсь. И ваш Хардин Скотт мне вполне по зубам.

Да уж, кому и справиться с ним, как не ей. Это, пожалуй, единственный человек во вселенной, в чьих силах обуздать нашего бунтаря. Тревожит другое. Как показывает опыт, обуздание всегда связано с насилием. Они мне такую войнушку устроят! Представляю... По одну линию фронта – Тесса с саблей наголо, за ней – армия кексов под предводительством Норы. По другую сторону – Хардин с непроницаемым лицом. Одиночка, готовый переехать на танке любого, кто встанет у него на пути. И где-то посередине – я, бегаю с белым флажком, пытаюсь их утихомирить, хотя знаю, что кровопролитие неизбежно.

Я плетусь следом за Тессой в гостиную, чтобы убрать оставшееся белье.

– А этот, сама знаешь кто, появится на выходных? Не берусь предсказать, чем это грозит обернуться... – Я представляю себе Роберта, смазливое официантика, на которого первым наедет гусеничный танк. Если Тесса работает, то и Роберт придет. И тогда Хардина придется удерживать на порядочном расстоянии от ресторана.

Тесса выхватывает из кучи белья свой черный фартук.

– Он тоже работает на выходных.

Не знаю, это хуже или лучше. То есть он действительно будет все выходные ошиваться поблизости. Как вам идея сбегать Роберта на Марс, по крайней мере, до отъезда Хардина?

Неплохо бы, по возможности.

Ненавижу быть смазкой в сэндвиче, но, учитывая, что у меня хорошие отношения с двумя враждующими сторонами, пытаюсь сохранить хотя бы видимость нейтралитета. Тесса по-любому все выходные работает – да, с Робертом. Хуже некуда. Они будут вместе, и Хардин весь изведется.

Вокруг меня – сцена для мелодрамы. Мысль о том, что Дакота мне изменяла, приехав в Нью-Йорк, не оставляет иллюзий, Нора пулей

выскакивает из моей квартиры... Не жизнь, а какая-то мыльная опера. Мы уже не подростки, я вырос. Так что тянет на сериал. Сериал про нью-эдалт, подростковую молодежь, как принято говорить. А что, еще не ввели в оборот такой термин? Помнится, на днях в «Мельнице», где я работаю, две мадам обсуждали этот вопрос за чашечкой кофе. Одна, невысокая кудрявая шатенка с толстенной рукописью в руках, багровела с досады из-за того, что какая-то двадцатилетняя малолетка получила контракт на нью-эдалтовскую писанину.

– Нью-эдалт? Это что за ерунда? – спросила другая с явным намерением развести собеседницу на психа.

– Да придумали они себе специальную категорию, чтобы подтянуть подо что-то свою паскудную писанину. Для янг-эдалт слишком по-взрослому, на романтическую прозу тоже не тянет, слишком зелено, – посетовало литературное дарование.

Я оттирал пятна кофе от чашек с соседнего столика и, заинтересовавшись их болтовней, уже решил прочитать какую-нибудь нью-эдалтовскую книжонку. Мне доводилось почитать некий янг-эдалт, есть у меня пара любимых вещей, а теперь вот потянуло на что-нибудь повзрослее, в самый раз для моей нынешней жизни. Не всякий малявка способен спасти мир, и не всем выпадает шанс пережить неземную любовь. Бывает, живет человек не хуже других, а не везет, хоть убей. Типа меня. Почему вы не пишете книг про таких?

– А вы, парни, придумали, чем заняться в выходные? – спрашивает Тесса, упорно пытаясь завязать сзади свой фартук. Я бросаюсь на помощь, но она уже справилась без меня.

– Пока я не в курсе. Наверное, Хардин переночует и в понедельник утром уедет.

Известие встречено с невозмутимым лицом. Одному богу известно, какими усилиями ей это далось.

– Ладно. Я сегодня в две смены, меня не ждите, ложитесь спать. Все равно раньше двух не приду.

Тесса, как приехала в августе, так и работает практически без выходных. Я-то знаю, что это бегство от мыслей, да только вряд ли оно помогает. Она, конечно, попытается заткнуть мне рот, но я хотя бы попробую что-то сказать.

– Зря ты так много работаешь. Я ж не прошу тебя платить за квартиру. Мне гранта хватает, да и Кен не позволяет мне особо тратиться. – Мы уже раз десять говорили об этом с тех пор, как она ко мне переехала.

Тесса возится с волосами, попутно бросая на меня быстрые взгляды.

Она улыбается – наверняка сейчас попросит заткнуться.

– Опять двадцать пять! Может, хватит?

– Отпишись, когда будешь уходить с работы. Ты в норме? – Я подкидываю ей ключи с гвоздика.

– В полном порядке, – отвечает Тесса.

И мы как по команде оба смотрим на ее трясущиеся руки.

Едва Тесса ушла, я бегом в душ и бриться. Иногда посещает шальная мысль отпустить бороду, но едва она начинает отрастать, как я ее тут же сбрываю. Не могу набраться терпения. С одной стороны, при бороде меня, может, пригласят в секретный хипстерский клуб, что в Гринпойнте. А с другой стороны, готов ли я возложить на себя обязательства и блюсти чей-то устав? Не уверен.

Обернувшись полотенцем, я чищу зубы. Не знаю, хорошо ли быть взрослым. Ну почему обязательно было строить Нью-Йорк в такой дали от Вашингтона? Надо бы маме сегодня звякнуть...

В пустой квартире эхом проносится стук в дверь.

Хардин приехал, больше некому.

Распахиваю дверь, успев пожалеть о том, что я в полотенце. Как пить дать, начнет канифолировать мне мозг по поводу наготы.

Дакота? Я так и попятился от неожиданности. Я совершенно не ждал ее и не уверен, что рад.

– Что случилось? Что ты тут делаешь? – Наша прошлая встреча прошла не вполне гладко; к тому же с той поры в моей квартире появилась Нора с чемоданом пожитков.

Дакота глядит на меня и не видит, глаза – черней черного.

– У меня... – Голос хриплый, губа затряслась. – У меня отец при смерти.

И с этими словами она прикрывает ладонью рот, силясь подавить всхлипы.

– Его скоро не станет, а я даже не попрощалась.

Мне захотелось обнять ее, как-то утешить. Я прижимаю ее к груди, а у нее по щекам текут слезы, и она вся дрожит. Не выдержала, разрыдалась.

Меня одолевают смешанные чувства. Не знаю даже, что хуже – то ли то, что мне не жаль ее отца, то ли то, что Дакота в моих объятиях, как чужая.

– А что с ним?

Она гладит меня по голой спине, а я глажу ее по голове, запустив в волосы пятерню.

– Печень не выдержала. Сказали, алкогольный гепатит. Я так и знала, что пьянство сведет его в могилу. Всех нас сведет, одного за другим. Сначала Картер, теперь вот отец... Дело за мной.

Сжимаю ее покрепче, чтобы выбросила из головы эту чушь.

– Давай, выкладывай все как есть.

Отправив ее на диван, я запираю входную дверь и направляюсь следом. Дакоту трясет. Вцепилась в меня так, словно ей страшно, что ее сейчас подхватит ветром и унесет незнамо куда.

Медсестра была немногословна и очень профессиональна, ее слов Дакота не поняла и тем более не запомнила. В общем, отца стремительно покидают силы, денег нет, а тут еще *такие* расходы. Уму непостижимо, что человек – ну пусть гадкий, пусть злой – за всю жизнь не смог заработать себе на лечение!

– Ты хочешь поехать? – Я глажу ее по рукам, пытаюсь хоть как-то унять дрожь, чуточку успокоить.

– Ничего не получится, денег нет. Я едва свожу концы с концами.

Я хотел заглянуть ей в глаза – она отвернулась, уткнулась лицом в мою грудь.

– Не поедешь из-за денег? А если бы были, поехала?

Я не слишком бы удивился, если бы Дакота вообще не хотела увидеться со стариком перед смертью. При всем, что мне известно об этой семейке, я не стал бы ее винить.

– Только не предлагай денег, – говорит она, не успев я и рта открыть. – Прости, мне не стоило приходить, просто не знала, куда податься. Мои соседки попросту не поймут, а Мэгги чужие проблемы вообще до балды.

– Чш-ш, – поглаживаю Дакоту по спине, как дитя малое. – Не извиняйся.

Подцепив за подбородок, поворачиваю к себе ее личико.

– Я даже не знаю, грустить или радоваться. Может, оно и к лучшему. Просто он – последний родной человек, вот и все. А если и его не станет, то я останусь одна-одинешенька на целом свете. У меня никого больше нет, Лэндон, никого.

Я молчу, однако на него как отца можно было и не рассчитывать. Вряд ли он ее вообще замечал, причем с самого раннего детства. И я, конечно, не стану говорить, что не опечален его уходом. Пусть Дакота считает, что совершенно нормально испытывать то, что испытывает она.

– Ну как я к нему не поеду? Больше-то некому. Его там даже не похоронят. Как вообще люди платят за похороны? – спрашивает она надтреснутым голосом.

Я не размыкаю объятий. Пытаюсь припомнить всю ее родню, которую я когда-либо видел. В Огайо живет ее тетка, сестра отца. Дедушка-бабушка по отцовской линии давным-давно умерли, а по материнской – давно с ней не разговаривают. Когда ее мать ушла из дома, они еще созванивались, раз в неделю, не чаще. Но со временем перестали, и мы решили, что Йоланда больше никогда не вернется из своего Чикаго. Должно быть, старикам тяжело было разговаривать с отпрысками беглой дочурки, и, оберегая себя от непрощенных чувств, они полностью отгородились от внуков.

Помню похороны Картера. Мало кто появился в церкви в тот день. Мы с Дакотой сидели на первом ряду. Заглянули по старой памяти несколько школьных учителей, остались на пару минут, потом ушли. Джулиан тоже был. Как же иначе. Правда, он почти сразу же разрыдался и выбежал. Трое подонков из школы явились поглазеть, и Дакота их с шумом прогнала. Не успели даже задницы примостить. Прощением в тот день в церкви не пахло. Остальные ушли, не дождавшись начала.

Отец Дакоты не появился. Как и Йоланда. Никто не плакал, никто не вспоминал счастливые случаи из детства. Пастор нас явно жалел, это бросалось в глаза, но Дакота была настроена высидеть отведенный час и дослушать службу в память о брате.

– *Как думаешь, он попадет в рай? Отец сказал, что таких не пускают в рай.* – Ни глаза ее, ни голос уже ничего не выражали.

– *Твой отец не имеет понятия, кого Бог пускает в рай,* – тихонько ответил я, чтобы не услышал проповедник. – *Если рай существует, то Картер уже там.*

– *Мне кажется, я не верю в Бога,* – призналась Дакота, ничуть не скрываясь. Ей было все равно, что это услышат в церкви.

– *Тебе и не обязательно,* – ответил я.

Я поднялся на кафедру и заговорил. Я вспоминал о Картере только хорошее. Дакота была единственным слушателем в опустевшей церкви, и я целый час рассказывал всякие истории про наши улетные похождения и планы на будущее; я замолчал, лишь когда пастор вежливо дал понять, что пора закругляться.

Похороны ее отца обещают пройти приблизительно так же. Правда, Дакота на них будет одна. Никто не оживит воспоминания. Я никогда не думал, что можно кого-нибудь так ненавидеть, и у меня вряд ли найдется хоть парочка добрых слов для этого монстра, лежащего на смертном одре.

– А поехали вместе? Я оплачу половину. Я придумаю, где найти деньги, – неожиданно предлагает Дакота.

С ней вдвоем? В Мичиган?

– Лэндон, пожалуйста. Я не справлюсь одна.

И вдруг раздается стук в дверь.

– Это Хардин, – спохватываюсь я. – Он приехал на выходные.

Дакота отстраняется, лишь теперь заметив, что я без одежды.

– Все, мне пора. – Суетливо прощается, напоследок прижавшись губами к моей щеке. – Подумай, ладно? Я уезжаю в понедельник. За выходные попробую наскрести денег, а ты до воскресенья все взвесь и мне сообщи.

– Хорошо.

Мы подходим к двери, открываем – и вот он! Собственной персоной. Хардин стоит на пороге с черной сумкой через плечо. Гость переводит взгляд с меня на Дакоту, с Дакоты на меня и вопросительно приподнимает бровь.

– Привет, Лэндон. Здравствуй, Далила. – Он проходит в квартиру.

У Дакоты заплаканные глаза, и ее уже ничем не пронять. Приобняв меня напоследок, она удаляется. Мне остается только молча проводить ее взглядом и закрыть за ней дверь.

Тут Хардин орет, как больной:

– Что она здесь забыла? Ты же с другой телкой трахался? – Зашвырнув на диван свою сумку, прохаживается по гостиной и что-то высматривает, словно ищет улики.

– Мне нужен совет, – обращаюсь к нему со вздохом.

Замерев возле стула, Хардин щупает пижамные брючки Тессы. Погладил ворсистый материал, провел пальцем по краю штанины.

– Для начала оденься. Я голым советов не раздаю.

Закатив глаза, я топаю в спальню. В мою сторону надвигается ураган.

Глава 6

Надеюсь, я не выгляжу как конченный охламон. Ну люблю я треники, в них удобно. Будь я женщиной, ни за что не напялил бы каблуки и узкое платье. Вот Тесса, на мой взгляд, одевается самое то: лосины и майка, в любой обстановке. Хватаю синюю футболку, серые треники – и вперед, а к теме гардероба вернусь как-нибудь на досуге.

Хардин устроился на диване, на коленях – ноутбук, в зубах – ручка.

– Сразу за дело? – Кстати, я без понятия, чем он там занимается.

Сел в кресло, смотрю на него. Тот роется в стопке каких-то бумаг на столе. Рядом – недопитая чашка кофе, включенный лэптоп. Яблочко Apple заклеено стикером с какой-то металлической группой: розы, шипы, все дела. Смотрю для сравнения на свой ноут, примостившийся на журнальном столике, и вижу: «ТИПИЧНЫЙ ПУФФЕНДУЙ». Просто картинка была симпатичная, ну и смешно, ведь я же не Пуффендуч. Как-то раз сделал тест в интернете из баловства, и прога выдала: «Пуффендуй». В общем, я решил заслужить это имя и даже стикер себе приобрел, хотя в глубине души я по-прежнему истинный Гриффиндорец.

– А что же мне, ждать, пока ты наряжаешься? – возникает он.

Хардин – нытик? Вот так неожиданность.

Швыряю в него подушкой, он рычит в ответ что-то невнятное.

– Где Тесса?

– На работе. Она занята будет, пока ты здесь.

Хардин хмыкнул, молчит, а в глазах черти пляшут, и задышал он быстрее, когда о ней вспомнили.

– И что, сильно занята? Во сколько она обычно приходит?

Я колеблюсь. Как бы кого не обидеть.

– Сегодня вернется примерно в два.

Захлопнув крышку, Хардин чуть подается вперед, словно решил встать с дивана.

– Ночи?

– Да. Она сегодня в две смены, до самого закрытия.

– Возвращаться домой под утро – это *дикость*. Она же не бедствует. Нет повода так пахать. Всю ночь напролет, бред какой-то. – Собрав листки со стола, Хардин сует их в папку.

– А я-то что? Она передо мной не отчитывается. Как и перед тобой.

Вздых, кивок. Не расположен он спорить.

– Ну а с тобой что не так? И у Далилы такой вид, как будто у нее щенка застрелили.

Вот он, наш Хардин Скотт, нереальная няшка.

– У нее отец при смерти.

Ухмылка сползает с его лица.

– Ну надо же, печалька.

Я качаю головой, откидываюсь на спинку стула и сижу, запустив в волосы пятерню.

– Она в Мичиган собирается. Хочет, чтобы я с ней поехал. В понедельник.

Положив ногу на ногу, Хардин сдвигает со лба шевелюру. С прошлого раза она у него немного укоротилась.

– А что с Норой? Вы еще вместе?

Так он все-таки запомнил ее имя.

– Нет. Уже неделю не виделись. Она пулей отсюда выскочила. Говорит, я был слишком плотно повязан с Дакотой и никогда даже не замечал, что ей нравлюсь. С тех пор она больше не появлялась.

– Ну что ж, хотя бы здесь у нас какая-то ясность. Если она не приходит и вы даже не разговариваете, то ты ничего ей не должен. Свободен распоряжаться собой, как угодно. Ну а если тебе так погано, то спроси себя, почему.

Ладно. *И почему же мне так погано ?* Нора расстроилась из-за обстоятельства, над которым я даже не властен. А что, она предпочла бы, чтобы я изменил с ней Дакоте? Так было бы лучше? Вот я и не обращал на нее внимания – в Вашингтоне был по уши влюблен в Дакоту, а потом, переехав сюда, бесконечно оплакивал наш разрыв. Мне было не до чужих сантиментов. Понятно, почему Нора злится. Она расстроена. Если бы меня игнорировали, я бы тоже завелся. Но я ведь не специально. Да мне и в голову не приходило, что такая девушка может посмотреть в мою сторону! Не того калибра птишка. Она мной заинтересовалась, а я, надо же, все запорол! Короче, в собственном репертуаре.

– А не забить ли на это дело? Буду холостяком. А что, живут же люди.

Прикрыв глаза, я прощупываю такую возможность. Каково это, жить в воздержании. Да, для такого, как я, одиночество – самое то. И так голова уже кругом. Тесса, мать и сестренка (ну да, появится через пару недель), этот Хардин, Дакота опять же. Поволнуйся-ка обо всех. А тут вдруг еще одно имя добавится?..

– Пойми, дурень, быть одному – это полный отстой, – вклинивается в

мои фантазии Хардин. – Поверь, я знаю.

Я вытаращил глаза.

– Мог бы хоть притвориться. Нечего сказать, поддержал.

– Отсоси. Никогда людям не врал и не собираюсь. – Он воздел руку к небу, как будто солдат, присягающий на верность стране.

– Пустобол.

– Я начал жизнь с чистого листа, – усмехается он.

Пару часов спустя Хардин возвращается с какой-то встречи, о которой он даже не упоминал. Говорит, что просветит меня на сей счет на следующей неделе, когда ему сообщат результаты. Интересно, конечно, но я не хочу быть причастным к секретам, которые придется скрывать от Тессы.

С утра на работу, пора бы уже закругляться. Интересно, какие у Хардина планы на ужин. Едва успеваю об этом подумать – он тут как тут, собственной персоной. Зашел в комнату, даже не постучал.

– Хочу прошвырнуться в кафешку. Ты со мной? – спрашивает он, сопроводив вопрос дружеским шлепком по ноге.

Прежде чем вскакивать, интересуюсь, куда он пойдет.

– В «Лукаут».

– Там работает Тесса, – напоминаю я.

Хардин лишь повел широкими плечами.

– Я знаю.

Ну-ну.

– Она ведь неспроста тебя сторонится. Вряд ли стоит...

Он поднял ладонь, прерывая готовящуюся тираду.

– Слушай, я по-любому иду и тебя пригласил лишь из вежливости. Ты со мной или нет?

С ворчанием скатываюсь с кровати.

– Только там работает Роберт, тот самый, который...

– Я все про него знаю. Тем более есть повод навеститься.

Мужик сказал – мужик сделал. Это про Хардина.

Не видя иного решения, соглашаюсь.

– Только ботинки сейчас натяну.

– Ты в таком виде собрался? – говорит Хардин, смерив меня придиричивым взглядом. – Там же вроде бы Надя работает?

– Да, *Нора* тоже там. И да, в таком.

Даже если она на работе, то по-любому не станет со мной разговаривать, а в этой одежде комфортно. Конечно, не такой прикид, как у

Хардина, – стильный черный ансамбль, зато пенис дышит. А не то, что у него, в тесных джинсах.

Десять минут спустя я при полном параде: темные джинсы и клетчатая рубашка на пуговицах. Страшно жмет в промежности и рукава на рубашке коротковаты, но Хардин отказался идти со мной в «пижаме», а я уже умираю от голода.

По пути Хардин расспрашивает меня об учебе, работе и всем подряд, но главное – не о Тессе. С тех пор, как мы познакомились, он стал куда более разговорчив. Личностный рост налицо.

«Лукаут» – современное место, дизайн в индустриальном стиле. И когда мы приблизились к стойке хостесс, Тесса как раз мельтешила за раскидистым металлическим деревом, чьи ветви были усыпаны часами вместо листьев. Я зазевался на прилавок с десертами, который был тут же, возле столика хостесс, и неожиданно для себя стал выискивать в толпе черную шевелюру Норы. Пока Хардин расспрашивал Роберта, какие столики обслуживает Тесса, на миг кто-то промелькнул в толпе. Роскошные волосы, смуглая кожа. Жаль, я толком не успел ничего рассмотреть.

Странно ведет себя Хардин. Как будто не слышал про Роберта.

– Подождите, я мигом, – говорит тот, переводя взгляд с Хардина куда-то в противоположный конец зала. Помещение вполне себе камерное, столиков двадцать, выставлены рядком вдоль стен.

– Индюк, – цедит сквозь зубы Хардин, бросая вслед Роберту исполненные ненавистью взгляды. На его эмоциональные всплески стараюсь не реагировать.

К кондитерскому прилавку выходит Нора с подносом кексиков. Волосы затянуты в тугий хвост на макушке, беспорядочные пряди обрамляют лицо. Она идет и смотрит перед собой отсутствующим взглядом.

Она в курсе, что я здесь? Хоть немножко из-за этого нервничает?

– Тесса, – вдруг доносится до меня голос Хардина.

Поедаю глазами Нору. Она открывает просторную витрину и ровными рядочками выкладывает туда свежие кексы. Ни разу не отвлеклась от работы, не посмотрела в сторону. Освещение здесь не очень, но я вижу, что она вымотана до предела: плечи опущены, вид понурый.

Краем глаза замечаю силуэт, напоминающий Тессу. Оборачиваюсь и торопливо бормочу, упреждая малейшее недопонимание:

– Хардин сам захотел прийти.

Лучше я выгорожу себя на случай, если ей эта встреча, как кость

поперек горла. Ребята, давайте жить дружно.

Та не отвечает. Молча стоит и не сводит глаз с Хардина.

– Мы можем и уйти, не обязательно есть именно здесь, если ты занята, – вновь вызываюсь я.

Не пойму, что там у них происходит, но между этими маньяками явно идет какой-то энергетический обмен.

Его пальцы крепко вцепились в ее запястье, а ее глаза горят, как не горели ни разу за последние несколько месяцев.

– Нет, – еле слышно выдыхает Тесса. – Оставайтесь.

Высвободив руку, она отходит к стойке хостесс, берет для нас два меню.

Пока Тесса идет к столу, я бросаю взгляд на Нору. Та упорно не поднимает глаз. То ли до сих пор меня не увидела, то ли притворяется. Да как можно не замечать такой настойчивый взгляд?

Пока Хардин с Тессой вежливо разговаривают, я убегаю в кабинку. Хардин делает вид, будто не в курсе, что Тесса работает допоздна. Его словно не парит тот факт, что ей возвращаться одной посреди ночи. Он изо всех сил старается вести себя цивилизованно.

Пока мы делаем заказ, я ненароком спрашиваю Тессу:

– А София сейчас занята?

Та кивает.

– Да, очень. Прости. – Она меня не поправила – догадалась, что нас что-то связывает? Я очень плохой друг, что скрываю от нее такие вещи?

Тесса нахмурилась, Хардин склоняется к ней. Он вообще замечает, что своим поведением выдает себя с головой? Она записывает наш заказ, и он не отводит взгляда с ее пальцев; у него даже плечи приподнимаются в такт ее дыханию.

Противно смотреть. Вот я – одинокий перец, а Тессу и Хардина тянет друг к другу, словно магнитом. К гадалке не ходи, эти двое будут вместе. У каждого должен быть свой магнит, а у меня его нет.

Печальные грядут времена, если люди стали мечтать о том, чтобы превратиться в магнит.

Тесса сказала, что Нора выписала нам чек. Хардин сует ей безмерные чаевые, и Тесса засовывает их мне в карман. Мы уходим. Пока ели, я ни о чем не мог думать, лишь о том, что Нора где-то поблизости. Я не спускал глаз с коридора, ведущего в кухню, и даже сам не заметил, как опустошил тарелку.

Меня терзает мысль, что Нора знала о моем присутствии, однако не вышла поговорить. Ведь я не со зла. Неужели я не заслуживаю даже права

объясниться? Мы были там больше часа. Могла бы как минимум пройти мимо, помахать или вежливо улыбнуться.

Уже в дверях я потянул Хардина за рукав.

– Встретимся у меня.

Хардин не задает вопросов, не предлагает остаться со мной. Кивает, уходит. Спасибо, ценю.

Сажусь на лавочку у ресторана, смотрю, сколько времени на телефоне. Десять минут десятого. Понятия не имею, до какого часа сегодня работает Нора. Подожду ее у дверей, а когда выйдет, решу, что делать. Пусть даже придется сидеть до двух ночи.

Смотрю направо, налево и облокачиваюсь о холодную кирпичную стену. Вокруг царит осенняя прохлада, погода безветренная. Тротуары почти опустели. Совсем нетипично для Бруклина в сентябрьский пятничный вечер.

Пока жду, обдумую, что сказать Норе. С чего бы начать?..

Прошло два часа, и из ресторана выходит Нора, а я так ничего и не надумал. Она идет мимо, и только длинные волосы колыхнутся за спиной. Сворачивая за угол, остановилась, распустила косы и встряхнула головой. Бесподобная даже в немилосердном свете уличных фонарей.

Надо выдать свое присутствие, позвать ее, показаться, а не просто брести следом, как незримый убийца. Но что-то меня останавливает. Не могу, и все. Куда она, кстати говоря, направляется? На свою старую квартиру, где живет Дакота?

Скоро узнаю.

Нора петляет по тихим кварталам, сворачивая в темные узенькие переулки, и ни разу даже не оглянулась. Наушники в уши – и беззаботно броди себе по ночному Бруклину, все тебе нипочем.

Выходит к Ностранд-авеню. Уж не к метро ли она? Идти следом? Тенью крадусь за ней, и не стыдно, не жутко. Что со мной? Так, терзаясь раздумьями, я незаметно для себя перехожу улицу и спускаюсь в подземку.

Держусь позади, приотстав шагов на двадцать. Между нами вклинивается небольшая толпа. Нора ждет своей очереди у турникета, покачивая головой в такт музыке.

Захожу в полупустой вагон. Стоит ей обернуться, и она меня увидит. Присаживаюсь возле пожилой женщины с развернутой газетой в руках. Надеюсь, газета меня хоть как-то прикроет. В вагоне стоит сверхъестественная тишина, на ее фоне мой кашель выдает меня с головой. Шпион я паршивый.

Нора вытаскивает из кармана сотовый телефон и глядит на экран. Что-то листает, вздыхает и снова листает. Едем еще десять минут, она встает, идет на выход, я следом. Мы пересаживаемся на другую ветку и через сорок пять минут оказываемся на Грант-Централ-терминал. Понятия не имею, куда направляется эта женщина и почему я иду за ней.

Садимся на поезд Метро-Норт, затем перегон в полчаса и попадаем на станцию «Скарсдейл». Не представляю, где находится этот самый Скарсдейл, и что мы здесь забыли. Нора останавливается возле лавки и расстегивает рабочую блузу. На ней черная майка из какого-то сетчатого материала, из-под которой просвечивает лифчик. Нора заправляет блузку в сумку, застегивает, я все это вижу, упорно стараясь не пялиться на ее аппетитные формы.

Она вынимает из уха пуговку наушника, вытаскивает из сумочки телефон, и я прячусь за щитом с рекламой какой-то страховой компании.

– Я на месте. Жду водителя на улице, возле выхода. Как он поужинал? Все доел? – спрашивает она неведомого собеседника.

Дает отбой, сует телефон в карман и оборачивается в сторону моего укрытия. Я пригибаюсь ниже.

И что делать? Кто там ей присылает водителя?

Не успеваю порадоваться надежному укрытию, как слышу:

– Лэндон, у тебя ноги торчат.

Глава 7

Выглядываю из-за рекламы и вижу Нору, которая направляется в мою сторону. Темные волосы отбрасывают тень на лицо. С парковки льется флюоресцирующий свет, придавая ей истинно злодейский вид. Обтягивающие черные джинсы, порванные на колене, черный лифчик под сетчатой майкой. А пекарям вообще разрешается носить джинсы с дырками во время готовки? И почему я об этом сейчас думаю?

Я замер, точно жертва. Должен признаться, ненавижу я здешнее метро. Указатели путанные, приходится вечно тесниться, как сельдям в бочке. Терпеть не могу этот подземный плен, но когда выезжаем наружу, меня и вовсе укачивает.

И как мне вернуться домой, если я путаюсь в чертовых схемах?

Где он находится, этот богом забытый Скарсдейл?

Нора остановилась и ждет, когда я вылезу из-за своего укрытия.

– Ты и вправду решил, что я тебя не замечаю? Ты плетешься за мной от самого ресторана. – Вскинув бровь, она воззрилась на меня.

Я бы не удивился, если бы за спиной у нее оказалась плетка или меч, с таким боевым видом она обозревала окрестности. Это уже отнюдь не очаровательная скромница. Кто знает, на что она способна посреди ночи. Сплошные загадки. Я будто бы угодил в кино. Нора сверкает на меня своими черными глазами, которые в обычной обстановке каре-зеленые.

Рядом со мной она замирает и вытаскивает из заднего кармана – что бы вы думали! – никакой не меч, а весьма прозаичный сотовый. Смотрит на экран и сует телефон обратно.

– Я два раза ходила на курсы самообороны и заметила тебя еще на повороте на Ностранд. Ждала, пока ты со мной поравняешься. – Она умолкает, полные губы кривятся в улыбке. – Но ты так и не подошел, а просто брел следом. Так что ты хочешь?

Она легонько касается моей руки.

Тут что-то одно из двух: или она считает меня дураком, или сама чуток сбрендила.

Потирая шею, я раздумываю, как бы себя обелить.

– Ну, – нервно откашливаюсь. – Э-э, я хотел поговорить с тобой после смены.

– Так почему не окликнул? Зачем шел следом?

– Сам не знаю.

Улыбается.

– Да знаешь все ты прекрасно, просто боишься признаться. Скажи, почему ты за мной увязался. У меня нюх на вранье. – Глядит мне прямо в глаза. – Ну, давай я еще раз спрошу. Почему ты полтора часа за мной плелся от самого Бруклина в Скарсдейл?

Особенно не задумываясь, я вдруг выпаливаю:

– Я хотел с тобой раньше поговорить, когда был у тебя на работе... А ты ведь знала, что я пришел, но даже не вышла хотя бы поздороваться. Не приходишь, не звонишь. Уже неделю.

– У меня нет твоего телефона.

Она нервно облизнула губы, и мне вспомнилось, какая она на вкус. Ее ладони на моих плечах, ее язык нежно касается моего... Хорошо, что она не умеет читать мысли.

– Ты послала мне эсэмэс в тот день, когда мы ходили гулять.

– Ах да, я забыла.

Размышляет. Уверенным жестом заправляет за ухо прядь волос.

– Ясно. Так о чем ты хотел говорить? – Нора стоит, облокотившись о стену, и подпирает ее ногой. Устраивается поудобнее, прежде чем вызвать меня на прямой разговор. Жутковато.

О чем я хотел говорить? Хотел провести ее? Скучал? Эта женщина распознает любую ложь, если верить ее словам.

Невнятное «я соскучился» сорвалось с языка. Ее хребет сам собой сровнялся со стеной.

– Где мы? – спрашиваю в наступившем молчании.

Прежде чем ответить, Нора напрягается и смотрит куда-то мне за спину.

Оборачиваюсь и вижу: к нам подходит какой-то чувила в костюме.

– Мисс Кроуфорд, – обращается он к ней. Просто громила. Великан и тяжеловес.

Ну, может, и не гигант, но на фоне Норы кажется горой.

– Чейз, – приветствует она его с улыбкой. Странная такая улыбочка. Деланая. – Я сейчас подойду. Надо попрощаться с товарищем. Он помог мне доехать из Бруклина. Очень отзывчивый, очень. – Ее глаза метнулись от громилы ко мне.

Все происходящее для меня – полная тайна.

Сделав мне ручкой, Нора следует за гигантом. Как видно, он и есть тот самый водитель, о котором она говорила по телефону.

– И все? Я проделал такой путь, а мы так и не поговорим? – Вскинув

руки, я беспомощно смотрю Норе вслед. Она даже не обернулась.

– Я это очень ценю! – кричит.

Когда она скрылась за углом, я застонал от досады.

Какого черта было сюда тащиться? Скоро полночь. А мне еще ехать до Бруклина. Надо было за ней пойти, а не стоять здесь как пень, пока она удаляется со своим дружком-телохранителем.

И что это за мордоворот? Зачем эти переодевания? Еще и волосы распустила.

Какой-то левый любовник?

Она – стриптизерша?

Сектантка?

У нее расщепление личности?

Да кто ж ее разберет.

В свой район я добрался лишь через пару часов. Входная дверь заперта. Ключи я отдал Хардину, когда тот поехал один на квартиру. Надеюсь, он мне отопрет. Сначала я тихонечко стучусь, потом начинаю бить, колотить, и наконец Хардин показывается в дверях. Весь спросонья и без рубашки.

Осоловело таращит глаза.

– А я думал, ты в своей комнате, ниндзя.

– Я был с Норой. – Печальные подробности оставим на потом.

Изогнув бровь, Хардин плюхается на диван, который выглядит миниатюрным в сравнении с его длинным телом. Странно, что он сейчас на диване, а не в комнате Тессы. Впрочем, на расспросы у меня уже не остается сил, а у него, похоже, нет сил отвечать.

– Спокойной ночи, – желаю ему напоследок и ухожу в свою комнату.

Голова гудит, я безнадежно пытаюсь уснуть.

Просыпаюсь за десять минут до звонка будильника, заставляю себя вылезти из постели. Проспал до одиннадцати – уму непостижимо! Моя смена начинается в двенадцать и заканчивается в четыре. Недолго, конечно. Обычно в субботнее утро я работаю с шести до двух, так что сегодня, можно сказать, расслабон. Хорошо, конечно, когда в напарники попадаетесь Поузи, а с Эйденем как-то не очень.

Мне остается лишь надеяться на чудо.

Четыре часа с Эйденем сойдут за все восемь, а с Поузи смена пролетает, как тридцать минут.

Я моюсь в душе, пытаюсь соорудить счастливое лицо. Нельзя же на

работе болтаться с такой унылой физиономией. Так, шаг за шагом, начинается мое утро. Душ, лосьон для тела, лосьон для лица – Тесса сказала, он мне показан. Одежда: белая футболка и черные джинсы. Кофе: черный, крепкий.

По пути на кухню я вижу Хардина на диване. Он не один. В его крепких объятиях покоится Тесса. Она мирно посапывает, уткнувшись ему в грудь. Я нисколько не удивлен.

Надо что-нибудь слопать и бежать, но не хочется их будить. На столе лежат вялые бананы гниловатого вида. Открываю шкафчик, вытаскиваю ближайшую пачку хлопьев. Запускаю руку в коробку по локоть и слышу шарканье босых ног на дощатом полу. Ни с чем не сравнимый звук. Наверное, проснулись из-за кофеварки или от хруста пакетика глазированных хлопьев. Не помню, была ли здесь эта коробка вчера, но каждый, кто приносит сюда еду, должен знать, что игра ведется по правилам. Быстро дожевываю сухие хлопья, пожалев, что засунул в рот последнюю горсть. Хватаю со стойки кофе и выбегаю в коридор. Вижу Тессу. Я расплываюсь в улыбке, она заливается краской.

– Что? – спрашивает, старательно отводя взгляд.

Я подношу к лицу чашечку с кофе.

– Да так, ничего. – Делаю глоток. Тесса по-фирменному закатывает глаза и пятится в комнату, где, судя по всему, Хардин скачет спросонья, путаясь в штанинах.

Прихожу на работу. За прилавком стоит Эйден. Ну отлично.

– Здорово, старик! Ночка не задалась? – Хлопает меня по спине пятерней, я морщусь.

– Можно и так сказать.

Я отмечаюсь в журнале. Вот бы мне пульт, как в фильме с Адамом Сэндлером, чтобы время умел останавливать. Не скажу, что я надавал бы ему пенделей, но не поручусь, что и не надавал бы.

– И у меня, чувак, такая же ерунда.

Звонит дверной колокольчик, и я отвожу взгляд от засоса на шее Эйдена.

Почему он вечно в засосах? Разве кто-то этим еще занимается?

– Ого! Ты глянь, – с бурного гогота Эйден переходит на шепот, и я смотрю в направлении двери.

Входит Нора. У нее распущенные волосы и белые брючки, в них заправлена тонкая джинсовая рубашка. Девушка на миллион.

– Привет, – говорит она мне с улыбкой. У Эйдена дух перехватывает от

неожиданности.

– Привет, – поворачиваюсь к ней, отирая руки о фартук.

Эйден скороговоркой предлагает ей выпить. Она улыбается, и этот баклан вытягивается по струнке, суетливо запихивая подол рубашки в штаны. Хочет понравиться. А засос на шее это так, пустячок.

– Что посоветуете попробовать? – спрашивает она, обращаясь к нему. Меня это здорово задевает.

Хотя и не должно.

– Хм, вы похожи на опытного кофемана.

Боже, он хоть понял, что сказал? Надеюсь, она не поведется. Он ведь имел в виду *кофемана*.

– А что это за мен такой? – вырывается у меня.

Зачем я это ляпнул? Что с моими мозгами? Я даже попытался хихикнуть под свою глупую шуточку.

Нора прыснула со смеху, прикрыв рот рукой. Эйден натужно смеется. То ли задело за живое, то ли он вообще не понял причину веселья.

– Я бы посоветовал вам попробовать наш новый латте с кокосовым молоком, – любезно советует Эйден, хватая бумажный стакан и свой маркер.

Нора подходит поближе к прилавку.

– Я не люблю кокосовое молоко.

Я прячу улыбку.

Нора смотрит на меня.

– А что за напиток ты варишь для Тессы? Ну, с бананом?

Самомнение Эйдена сдувается, как воздушный шарик.

В ресторане запахло свежестью.

Забираю у Эйдена стаканчик и маркер и пишу на стаканчике имя Норы, чисто так, ради прикола.

– Макиато с лесным орехом и бананом. Я тебе приготовлю.

Пока Нора расплачивается за кофе, Эйден пытается развлекать ее разговорами, а я наливаю в чашку ароматный сироп.

– Во сколько заканчиваешь? – спрашивает Нора, когда я протягиваю ей заказ.

– В четыре. Я пришел всего пару минут назад.

Подув на стаканчик, Нора аккуратненько пригубила.

– Хорошо, я тебя подожду.

Наверное, она не расслышала.

– Здесь? Еще целых четыре часа.

– Да, я знаю. Здесь не так уж илюдно. Ничего, если я посижу за

каким-нибудь дальним столиком? – Она не спускает с меня глаз. В сторону Эйдена даже не взглянула.

То, как она на меня смотрит, уже исполнено некоего смысла. И еще мне нравится мысль, что Эйден там сходит с ума, потому что это я, а не он, удостоился внимания такой эффектной особы.

– Конечно, какой разговор, – отвечаю я.

Она улыбается, хотя прекрасно знает, что я и не думал ее выпроваживать.

Глава 8

Несмотря на слова Норы, в «Мельнице» стало не по-субботнемулюдно, а Эйден еще сильнее тормозит. Он забыл два заказа, перепутал надписи на трех стаканах и уронил на пол бутылку с мятным наполнителем. И почему-то именно мне пришлось все подтирать – не было сил дожидаться, пока недотепа наполнит ведро и станет развозить веревочной шваброй это липкое и скользкое пятно. К тому же стояла нереальная вонь. От тошнотворного мятного запаха у меня разболелась голова. Благодарности я не дождался, даже напротив, этот поганец напомнил мне с важной миной не забыть про вывеску «Осторожно! Скользкий пол».

Поначалу я радовался, что столько народу – думал, не буду вспоминать то и дело о Норе, которая сидит и смотрит на меня. Все впустую. У меня сосет под ложечкой, и я без конца кидаю взгляды в ее сторону. Да, меня это здорово отвлекает, и все-таки дело спорится. А у Эйдена – нет. Очевидно, он неспособен совладать с напором жаждущих кофеина зевак.

Протягиваю женщине по имени Джули латте с тройными сливками и вновь бросаю взгляд на Нору. Она что-то пишет в блокноте. Совсем на меня не глядит. Пользуюсь случаем рассмотреть ее. Она совершенно расслаблена, сидит, постукивая кончиком ручки о бумагу. Скрестила ноги, в задумчивости выпятила губы. Женственный изгиб верхней губы чуть-чуть нависает над нижней.

– Офонарел?! – гремит в ушах голос Эйдена. Я пробуждаюсь от навязчивых мыслей о губах Норы, поднимаю взгляд и вижу: очередь рассеялась. Но почему у меня мокрые ноги?

Вижу, мне под ноги льется струйка зеленого чая из заварочного чайника. Хватаю его за ручку, закрываю крышку. Лужа умеренная – вылилось только полчайника. Ну, надо же, и все при Норе. Она сидит, улыбается. Я раскраснелся, хватаю ведро, думаю исключительно о швабре. Мыть пол, надо мыть пол, протирать, промокать. Отжал – протер, снова отжал.

Прошло еще два часа. Рубашка запачкана, я весь в пыли от кофейных зерен, в ботинках хлюпает лужа зеленого чая. Однако налицо и радостный момент: уже десять минут как нет ни одного клиента, а Эйден готов подвывать, такая у него кислая мина.

– Я проголодался, как волк, и у меня репетиция, – говорит он без лишних предисловий. Понурый вид, сутулые плечи, на белой сорочке коричневые потеки. Мы с ним – как последние воины с поля Большой кофеиновой брани. Те, кто остался в живых, чтобы поведать ход битвы потомкам. Нора под стать королеве, ради которой все затевалось, а победитель получит корону.

Пока я не унесся в неведомые дали на крыльях воображения, Эйден подходит ко мне и говорит с неуверенным жестом:

– Ну так что, я отойду на минутку?

– Ага. – Взглянув на Нору, я добавляю: – Иди, без проблем. Народ по-любому уже рассосался.

Надо сгрести с пола мусор и стереть со столиков круги от стаканов. Заправить корзину со льдом и освежить прилавки. Список можно продолжать еще долго.

Нора встает из-за столика и запускает пальцы в пышную шевелюру. Хватаю тряпку и выхожу из-за стойки.

– А он милашка, правда? – Нора тычет большим пальцем в подсобку, куда удалился Эйден.

– Да обычный, – пожимаю плечами, особо не распространяясь. Нехорошо, если Эйден услышит, как мы о нем разговариваем. Каким бы он ни был нескладным, а обижать человека мне не хочется. По себе знаю, как неприятно, когда шушукаются за твоей спиной. Никому бы такого не пожелал. Ну, может, найдется пара таких человек, но Эйден не в их числе.

– В нем есть что-то от короля Джоффри. – Нора смеется, прикрыв рот рукой.

– А кто это?

Нора вытаращила глаза.

– Король Джоффри? Ну, тот вонючка, мелкий блондин.

Хм?..

– Ты что, не в курсе? – Она явно поражена моим неведением.

Качаю головой.

– Ты что, «Игру престолов» не смотрел?

– Нет пока.

– О боже! – Она придвигается ко мне, хватая за руки. От нее пахнет кокосом. – Ты шутишь? Скажи, что ты шутишь. О-о-о, как я в тебе ошибалась. Ты где такой прятался? И даже на спойлеры не повелся?

Учеба рулит, хотел сказать я. *Да еще и работа*. Но получится грубо. И как-то не убедительно.

– Да все некогда было. Как раз собирался посмотреть. Все вокруг уже

видели, обсуждают, а я никак на сайте не зарегистрируюсь, – бормочу, точно робот.

У меня, конечно, есть страничка на Фейсбуке, но я постоянно забываю пароль и приходится заново каждый раз его менять. Друзей – человек десять, половина родственники. У мамы, например, на странице одни только фотки младенцев и растущего живота. У Тессы – посты из Пинтерест. Мама бесконечно шлет всякий хлам. Картинки, цитаты и фоточки со щенками. В прошлый раз, когда я проверял почту, она выложила фотографии всего семейства со своей свадьбы и отметила там меня. Боже, какие посыпались комментарии от ее подруг!

«Как он подрос! Помню, как я щипала в детстве эти пухлые щечки!»

«А наш крошка Лэндон, вы посмотрите! Красавчик-ловелас!!!»

«Ой, Карен! Ну прямо жених! Когда салатиков поедим?»

На последний коммент мама ответила: *«Как только, так сразу! Им с Дакотой надо колледж закончить!»*

Еще год назад все было иначе. За несколько месяцев жизнь моя дала резкий крен, а иначе был бы я с Дакотой.

Ну ладно, хватит о ней.

– Тебе обязательно надо его посмотреть, – не унимается Нора.

Я вроде и не против.

– Наверное. – Не знаю, смогу ли я выкроить хоть часок в своем жизненном цикле на просмотр сериала. Учеба, работа и вечная нервотрепка. То с Норой не так, то с Дакотой. А еще Тесса, Хардин, и мама, и крошечная сестренка, и Кен, и всем нужно внимание.

Нора сидит, тормозит в руках обертку от соломинки.

– Интересно, а что ты все-таки смотришь?

В последнее время смотрю то, что включает на телике Тесса. Так честно и признаюсь. Нора сидит совсем рядом, почти впритирку, и что-то вещает про то, как много я упустил, не посмотрев «Игру престолов». Еще она обожает смотреть шоу «Холостяк». Мол, ерунда, но затягивает. Признаюсь, что не смотрел ни одного эпизода. Я, конечно, видел рекламу и лица героев на журналах со светскими сплетнями. Да все киоски ими пестрят, постоянно попадают мне на глаза по дороге в универ, но до сих пор не знаю, как кого звать. Нора говорит, что Жожо – просто дура, на прошлой неделе отшила ковбойчика из Техаса.

Она мурлычет о чем-то своем, а я понимаю, как приятно мне все это слышать. Приятно смотреть на ее руки, которые грациозно двигаются в такт речи, и хочется, чтобы это не прекращалось. Каждое слово, срываясь с ее губ, обретает такую значимость, какой и не думало обладать.

– Ну а ты что думаешь? – внезапно повышает голос Нора, а я даже не помню, о чем она сейчас говорила.

– Э-эм, – пытаюсь что-то сказать, чтобы не выглядеть конченным дегенератом.

– Есть планы на вечер? – спрашивает она, искоса улыбаясь.

Без понятия. Пожимаю плечами.

– Пока не решил. Хардин приехал, до понедельника будет в городе.

Она кивает.

– Я в курсе.

– Наверное, все зависит от того, в каком направлении двинется ураган Хесса.

Мою шуточку Нора встречает улыбкой. Оказывается, в ее руках уже другая обертка, порядком помятая. Она сложена, точно меч, а на столе – две небольших кучки сахара. В руке Нора держит пустой пакетик. Мне эти кучки напомнили день, когда я познакомился с Лайлой, сестренкой Поузи. И, как и в прошлый раз, в один из холмиков, подобно флажку, вставлен кусочек салфетки.

Видимо, оба раза это было дело рук Норы. Как же я ее тогда не заметил?

– Тесса всю ночь на работе, – говорит Нора. Подставив ладонь, считает миниатюрные крепости.

Позабыв про тряпку, я направляюсь к бару. Поднимаю перегородку, беру мусорницу, подношу к столику. Нора отряхивает ладони над пластиковым ведром и обтирает их о мой фартук.

– Хочу кое-куда тебя пригласить, – произносит она тихонько.

– Я не против с тобой кое-куда прогуляться, – не задумываясь, отвечаю я.

Я смотрю на нее. Она – на меня.

Прочищаю горло.

– В смысле, я с радостью пойду туда, куда ты решила меня пригласить. Все равно куда.

Нора спрашивает, где у нас швабра, и больше ничего не говорит о том, куда она хочет меня сводить.

Глава 9

– Слушай, а я успею хотя бы переодеться? – спрашиваю Нору, отмечаясь в таблице дежурств. Поузи уже завязывает фартук. Она в комнате для перекусов. Лайлы с ней нет, значит, бабушка пошла на поправку. Поузи улыбается нам напоследок, и я с радостью узнаю, что через час придет Кри, наш новенький, чтобы сменить Эйдена. Поузи, в отличие от других, еще как-то симпатизирует Эйдену, и все-таки с Кри по-любому приятнее работать.

Пробежавшись взглядом по пятнам на моей серой футболке, Нора говорит:

– Забей. Не успеешь.

Я плетусь следом за ней к двери, мы выходим на тротуар. Нью-йоркский сентябрь – в числе моих фаворитов. Хоккейный сезон – это раз, и погода хорошая. Чего еще желать? Правда, теперь, когда Кена нет рядом, все иначе. Мы были заядлыми болельщиками. Именно благодаря спорту мы с ним породнились отцовско-сыновними узами. Для меня такие отношения внове.

– Хочу, чтобы ты как следует познакомился с Бруклином. Ты был в «Джувелетте»? Это кафе в Уильямсберге. Там подают мороженое моментальной заморозки.

Качаю головой. Как переехал сюда, особо никуда не наведывался. В основном бродил по окрестностям, бегал трусцой, но вот чтобы куда-нибудь заходить или тусоваться – такого не было. Да и с кем? Тесса вся в работе, друзей я пока не завел, в общаге никому до меня дела нет.

– Впервые слышу, – отвечаю. – А куда ты вчера ходила? Помнишь, когда я следил? – спрашиваю ее, пока мы ждем у светофора, чтобы перейти дорогу.

Она смеется.

– Как говорится, сразу по существу.

Жду ее ответа, но она стоит, не разжимая губ.

– То есть ты мне не скажешь?

Качает головой.

– Не-а, – говорит она, нежно коснувшись кончика моего носа.

Нельзя спускать это с рук. Она что-то скрывает, надо бы попытаться, докопаться. Здесь скрывается какая-то тайна.

Вместо этого я спрашиваю:

– Значит, в «Джульетту»? А что там готовят?

Нора с легкой улыбкой отметила про себя, с какой легкостью я переключаюсь с темы на тему. Я ведь обещал не допытываться, а значит, попросту не стоит лезть в ее жизнь.

Казалось бы, чего проще. Да только мне адски хочется разузнать про нее все-все-все. Сколько сахара в кофе она кладет, какая у нее любимая песня, как она напевает себе под нос и долго ли валяется по утрам. Дико хочется знать про нее очень многое, и мне просто сносит крышу от того, что она меня ограничивает.

И вот мы на месте. Французское бистро с названием «Джульетта». Нору распирает от восторга.

– Самое крутое заведение! И пусть твердят, что «Ле-Баррик» лучше, не слушай их. Все они врут. Мало ли, что там «Йелп» пишет.

– А что такое «Йелп»? – спрашиваю я, стараясь поспевать за шустрыми ножками Нору.

На тротуаре стоит тренога с доской, где написано мелом: «Отведайте салат из тасканской капусты», рядом пририсован зеленый листик. Ого, так, значит, и французы переняли у Калифорнии листоядный стиль жизни. Хотя Таскания – это область в Италии, а бистро-то вроде французское...

Обогнав меня, Нора проходит внутрь. Чуть не дойдя до стойки хостесс, она оборачивается и говорит с улыбкой:

– Тебе многому предстоит научиться, малявка.

Мы в ресторане. Осматриваюсь. Нора заказывает у хостесс столик на двоих. Та, схватив меню, начинает расхваливать блюда дня, а мы тем временем подходим к круглому столику в дальней части зала.

– У вас открыта крыша? – интересуется Нора, хотя усаживаться не спешит.

Хостесс обводит глазами зал.

– Пока нет, откроем в пять. Но вы можете посидеть на террасе.

– Да, если можно, – с улыбкой отвечает Нора.

Мы поднимаемся по ступеням, ведущим в какое-то место, похожее на сад. С потолка свисают растения, едва не касаясь столов. На террасе практически пусто, лишь один столик занят.

– Отлично. Большое спасибо, – говорит Нора.

Мне нравится, что она так любезна с теми, кто работает в сфере обслуживания. Помню, когда-то я вывел теорию, что каждому человеку не плохо бы хотя бы раз в жизни побыть официантом. Помню историю в «Стейк-энд-Шейк» в Сагино, когда Дакоте принесли гамбургер с луком,

хотя она заказывала без. Какую тонну ругани она исторгла на бедного официанта! Я готов был провалиться сквозь землю от стыда, однако сидел и молчал. Сначала она как следует прооралась, а потом заявила, что не будет платить за еду, и потребовала вычеркнуть ее блюдо из счета.

Когда мы ушли, она раскаивалась, называла себя идиоткой. Я был с ней в этом полностью солидарен.

Сажусь за столик напротив Норы, с громким скрипом пододвинув железный стул. Меню короткое, только на ланч, причем коктейлей в нем больше, чем блюд.

– Я всегда беру одно и то же. – Нора протягивает руку, указывая на какую-то разновидность перцев и что-то типа цветной капусты. Я способен разобрать лишь несколько слов из меню. Оно что, на французском? – Возьму перцы шишито, цветную капусту, лук-гратин и пом-фрит. Все так вкусно, глаза разбегаются. – Она радостно засмеялась, заткнула прядь волос за ухо. – Всегда чересчур много заказываю.

– А я... я возьму... – Вижу гамбургер и тычу в него пальцем. – Тут у них черт ногу сломит, в этом меню. – Смеюсь, пытаюсь скрыть смущение.

Нора придвигается ближе к столу. У нее получилось тихонько, без скрежета.

К нашему столику подходит хостесс с кувшином воды, в котором плавают огуречные ломтики и кубики льда. Куда я попал? По карману ли мне это заведение?

Нора благодарит хостесс, и та уходит, заверив, что сейчас к нам придет некая Айрин. Осматриваюсь. Все вокруг наполнено зеленой листвой, струящейся вниз из подвешенных и расставленных всюду плетеных корзин.

– И что здесь повергло тебя в смятение? – спрашивает Нора, протянув к меню руку.

Я просматриваю меню. Точно в насмешку, страница напичкана словечками типа «крок-месье» или «пом».

– Да все, кроме гамбургера.

Нора у нас – дипломированная повариха. И она наверняка уже решила, что я полный кретин. Впрочем, по ней этого не скажешь. Обычное расслабленное лицо и губы, такие полные, розоватые. Вот она смотрит на меня и облизывается. Надо скорей отвернуться, пока я окончательно не ополоумел.

– Знаешь, все не так страшно, как кажется. Любят они мудреные словечки. Назови бутерброд бутербродом, так никто его и не купит. А так можно двадцать долларов лишних содрать. Бизнес! Ну вот, к примеру. – Она указывает пальчиком на «крок». – Это и есть сэндвич с сыром и

ветчиной. А пом-фрит, – она фиксирует взгляд на моем лице, – простая картошка.

Или я дико проголодался, или Нора нереально аппетитно рассказывает. Она чертовски умна. Не то что я... Даже взгрустнулось.

– Впрочем, гамбургер у них тоже стоящий. Бери. Я еще кое-что закажу, хочется тебя угостить. Только не ищи эти блюда в меню, у них названия гадкие. – Улыбнувшись, она замечает, как я переменялся в лице. – Да не бойся, я не заставлю тебя переступить черту, – говорит, нежно ткнув пальцем мне в кончик носа.

Откуда взялось это тыканье? И почему мне так здорово?

Приходит Айрин, симпатичная официантка с темной помадой и испанским акцентом. Она принимает заказ, благо Нора решила сделать заказ за меня. У нее так умильно меняется речь, приобретая легкий журчащий акцент... Я растворяюсь в волшебных звуках, сижу и внимаю. Наконец, официантка уходит.

– Ты бывал во Франции? – Нора рассматривает зал, декорированный французскими мотивами.

Мне остается лишь покачать головой. Бывал ли я во Франции?.. Как будто спросила, бывал ли я в булочной на углу.

– Ни разу. А ты? – предательски дрогнул голос.

Ну почему нельзя, как все люди, разговаривать ровным тоном, словно я совершенно спокоен?

– Два раза. Родители брали нас в отпуск. Проехались по обычным туристическим маршрутам, поглазели. А мне бы хотелось почувствовать настоящую Францию, увидеть, как люди живут. Куда они ходят, чем дышат. А не просто отдать тридцать долларов и посмотреть на светящуюся в темноте статую Башни... Ох, что-то я разболталась.

Я делаю глоток воды из стакана, думаю, что бы такое сказать. Не придумав ни афоризма, ни умных слов, решил прибегнуть к очередному вопросу.

– А твои родители много путешествуют?

О ее семье мне почти ничего не известно. Знаю только, что родители у нее живут на той же улице, что и моя мама с Кеном, причем отец – хирург. Он надеялся, что дочь пойдет по его стопам. Нора мало что о себе рассказывает, да и то все больше недомолвками, приходится самому собирать по кусочкам, догадываться.

– Ну да. У меня сестра ждет ребенка, поэтому мы в этом году на Рождество никуда не поедem, а так ездим пару раз в год. Прошлый раз я тоже пропустила из-за аварии...

Она осеклась, как будто сболтнула лишнего.

– Теперь вот Стейси забеременела, а до Рождества всего неделя, и папа предложил отменить поездку.

По ее лицу пробежала тень грусти, но из-за чего она грустит, я так и не понял.

Из-за аварии?

Из-за беременной сестры?

– А сколько лет сестре? – Я шагаю по лезвию бритвы.

– Тридцать, на пять лет старше меня. У них с Тоддом будет первый ребенок. Этот малыш вырастет самым избалованным на свете. – Нора с нежностью улыбнулась. Ее явно радует перспектива стать тетей. – Кстати говоря, – она проводит пальцами по конденсату на стенках стакана, – у тебя скоро родится сестричка. Как поживает мамочка?

Виртуозно она меняет тему, я даже не понял. Когда смекнул – мы почти что доели. А ведь и впрямь здесь готовят отменно. Особенно хороша была запеканка из цветной капусты с пореем. Хотя я не знаю толком, что такое порей.

Я с жадностью затолкал в глотку гамбургер, и теперь мне немного неловко – Нора-то мясо не ест. Как-то у меня вылетело из головы, вспомнил только тогда, когда предложил ей куснуть. Зато с полным ртом не ляпнешь чего-нибудь лишнего.

– Еще кое-что попробуешь, и я от тебя отстану, клянусь, – говорит Нора, когда у меня опустела тарелка. Как-то зловеще звучит про отставание. – Ну, на сегодня, – уточняет она, и я сдерживаю улыбку.

Она опускает ложечку в расплавленный сыр с хрустящей корочкой по краям.

– Закрой глаза.

Повинуюсь. Открываю рот, и губ касается теплая мягкость.

– Не открывай, еще рано!

Я подцепляю зубами еду с ложечки, пахнет луком. Жую что-то тягучее, вкусное, несмотря на текстуру.

– Это просто луковый суп, ничего особенного. Ну как, нравится? – Слушать ее с закрытыми глазами еще приятнее.

Открываю рот за добавкой, и она скармливает мне еще одну ложечку. Не знаю, что там происходит за соседним столиком. Мне даже без разницы, что придет официантка. Нет ничего сексуальнее, чем поедание супа. Это все Нора. Да я в дерево, пожалуй, влюблюсь, если она к нему прикоснется.

Наверное, несколько минут прошло.

– Ты куда-нибудь ездил, Лэндон?

Я открываю глаза.

– Однажды, во Флориду. Тетушка Риз с мужем возили меня в «Диснейленд». На второй день съел какую-то гадость и отравился, так что меня в основном там рвало. В итоге смотрел диснеевское кино прямо в номере, не вставая с постели.

Тетя Риз очень переживала. Накупила подарков в магазинчике сувениров, всю комнату ими заставила. На тумбочке стояли сразу два плюшевых Микки-Мауса, а на столе она расстелила махровое полотенце с дворцом Золушки.

– Кошмар. – Нора придвинулась очень близко, гораздо ближе, чем сидела, когда я закрыл глаза. Поставила локти на стол, наклонилась вперед. Я мог бы запросто коснуться ее лица.

Такая красивая.

– А если бы тебе выпала возможность поехать в любую точку земного шара, что бы ты выбрал?

Я не успел ответить. К нашему столику подошла Айрин.

– Еще что-нибудь принести? Не хотите взглянуть на десертное меню?

– Мне эспresso, – говорит Нора. – Ты будешь?

– А надо?

Айрин с улыбкой на меня взглянула и подытожила:

– Итак, два эспresso.

– В Европе это обычное дело. Пить кофе после еды, – говорит доверительно Нора.

– Какая же ты у меня умная.

Нора улыбается через столик. Откинулась на спинку стула – увеличивает дистанцию.

– Какой же ты у меня умный.

– Не я же прочел то меню, – напоминаю с усмешкой.

Она опускает глаза.

– Ты знаешь много такого, чего не знаю я. Ты – прилежный студент и книг прочел больше раз в десять. Ну и что, что ты не разбираешься в модных блюдах и не объездил весь свет? Это еще ни о чем не говорит.

От меня не укрылось, что на последних словах Нора чуть-чуть погрузнела.

– Я что-то не то сказал? – спрашиваю.

– Нет.

Я поднимаю взгляд под потолок, на корзину с листвой, отчасти надеясь, что она рухнет мне на голову, тем самым прекратив разговор.

– Ну, в общем, да. Мне грустно, что ты постоянно себя принижаешь.

Наверное, неосознанно. Я тебя хвалю, а ты все пытаешься найти отговорки. Кто тебе внушил, что ты плохой? Скажи, я хочу это знать. – И добавляет доверительным тоном: – Пора поговорить по-свойски с этим «тайным доброжелателем».

Айрин снимает с подноса эспрессо, и мы оба хватаемся за счет.

– Дай я. – У меня уже чувство, что она выхватит его у меня из рук. На удивление, не выхватила.

Кофе пьем в полном молчании. А ведь и правда, еще никто мне такого не говорил. По крайней мере, на моей памяти. Я, конечно, не самый самоуверенный человек, но только теперь осознал, что действительно опустил себя ниже плинтуса, и не знаю, как это исправить.

Выходя из бистро, Нора фотографирует фасад здания. Я не задаю ей вопросов, а она не распространяется.

– Пожалуй, мороженое на сегодня пропустим, – похлопывает она себя по животу. Джинсовая блузка застегнута на все пуговицы, однако сквозь ткань складкой проглядывает лифчик.

У Норы звонит телефон. Она чуть помрачнела, бросив взгляд на экран.

– Черт. Мне пора.

Что, сейчас? Посреди ознакомительной прогулки по Бруклину?

– Уже? – Делаю шаг ей навстречу, беру ее за руку. У нее теплая ладонь. Распрямляюсь в полный рост и гляжу на нее сверху вниз. – Тебе обязательно надо идти?

Кивает.

– Надо ехать в Скарсдейл. Загулялась я.

– А что там, в Скарсдейле? Ты сейчас там живешь? Ты, кстати, так и не рассказала, что у вас с Дакотой за ссора.

Нора расправляет плечи и просовывает свои пальцы сквозь мои.

– А ты так и не рассказал, почему вы расстались.

Опять поменяла тему.

– Не хочу про нее говорить. – Мы чудесно провели время, и есть масса гораздо более интересных занятий, чем воспоминания о Дакоте.

Приподнявшись на цыпочки, Нора шепчет:

– А я не хочу про Скарсдейл. – И, прижавшись ко мне, обнимает. Я таю в ее объятиях, она такая горячая.

– Дай мне тебя понять. Мне это нужно, – нежно шепчу ей на ушко.

Она подставляет мне свое лицо, и я забываю, что мы стоим посреди людного тротуара.

– Я пытаюсь.

Легкое касание губ.

– Я приеду к тебе, – говорит она, не прерывая поцелуя. – Через пару часов, ладно?

Я молча киваю – все равно неспособен сейчас связно мыслить.

И Нора исчезает.

Глава 10

Бреду домой, а на губах – след ее поцелуя. Мне еще мерещится запах кокосового шампуня. К ней дико влечет, но она без конца отдаляется. Не понять мне Нору. Пока я спускался в лифте, мелькнула шальная мысль развернуться и бежать к метро. До Скарсдейла я как-нибудь доберусь, не впервой.

А если я так и сделаю, она меня отчитает?

Почему-то уверен, что да.

В квартире пусто. Тесса-то на работе, понятно, но я думал, хоть Хардин окажется там. Хотя я даже рад, что смогу наедине поразмыслить о Норе, пораскинуть мозгами: кто такая и что скрывает.

Как расценивать наш поход в ресторан? Как свидание? Я платил, но она угощала. Я буквально ел с рук. Все внутри обжигает, как вспомню... Надо отвлечься. Если сидеть и накручивать себя этой кормежкой и поцелуями, то и с катушек слететь недолго.

Достаю из холодильника Гаторейд, сажусь на диван. На столе – разъемный блокнот, в котором что-то писал Хардин. Лежит на всеобщем обозрении. Я придвигаю его, и оттуда вываливается несколько листов. Машинально беру. Это типа дневник, и я уж точно не должен совать в него нос.

«С того самого дня слова струились из его вен. Текло беспрерывно, сколько ни зажимай. Он кровоточил словами, марая воспоминаниями о ней лист за листом».

Откладываю страницы. Не знаю, что это за хрень, но, скорей всего, Хардин предпочел бы это не афишировать.

Посмотрел несколько серий «Задержки в развитии» по Netflix, то и дело бросая взгляд на часы в телевизоре.

В доме тихо. Мельтешат бессвязные мысли. Время будто застыло. Время – неумолимая сила, неподвластная человеку, а люди, как помешанные, носятся с идеей манипуляции временем. Самые невероятные истории – это истории о том, как кто-то что-то сделал со временем. Типа, если имеешь машину времени, то запросто поменяешь прошлое или будущее. Тогда можно в одночасье разбогатеть, прославиться, даже стать властителем мира. Прямо сейчас, если бы у меня была такая машина, я бы

не стал сходить с ума и все переиначивать, а отмотал бы на пару часов вперед, чтобы скорее увидеться с Норой.

Ну, если она, конечно, не передумала и придет.

В телевизоре Джейсон Байтмен упорно пытается склеить черепки чьей-то распавшейся семьи, а я стараюсь не думать о Норе. Сегодня она была не в пример откровенна. Рассказала о семейных поездках в Европу и о своей сестре Стейси. Чудно как-то: они всей семьей ездят в Европу, загорают там, едят непривычную пищу, пьют черный кофе из маленьких чашечек, а я топчусь тут в своем тесном мирке, с Картером и Дакотой, жую дешевые чипсы, запивая водой из-под крана. Перехватишь чуток «Маунтин Дью» – считай, уже роскошь. Такие вот два странных мира, мы живем словно в разных вселенных.

Легкий стук, я слетаю с дивана и в два счета уже у двери. Открываю – красавица Нора, да не просто так, а с кучей съестного. Успела переодеться, подправить макияж. То ли в шортах она, то ли без – под длинной футболкой не разглядишь. Я по-любому бы не огорчился.

Волосы заплетены в косу, перекинутую через плечо. Черные сандалии на двух ремешках от пальца до пальца и пряжка, по виду «пильгримовская».

– Какая ты красивая! – вырывается у меня. Я даже спохватиться не успел.

Ну и ладно. Она вроде не против – потупилась, улыбается. Я застукал ее врасплох – впервые с тех пор, как мы познакомились. Для нее улыбаться естественно, как ходить или говорить. Она – прекрасна, и я ее обожаю.

Ну, не в смысле люблю. Мы ведь едва-едва знаем друг друга, просто улыбка располагающая.

– Привет, Лэндон. – Стою, как истукан, а она проходит в квартиру, и тут же все расцветает. Как будто сам дом ей обрадовался. И даже как будто бы потолок стал повыше.

Без лишних слов заходим в кухню, я принимаю у Норы пакеты с провизией. Она забирает один из пакетов и ставит его на стол, тот, что ближе к плите.

Я принимаюсь разгружать пакеты из темной бумаги. Достаю луковицу, оливковое масло в бутылке.

– По какому поводу гуляем? Тебя Тесса попросила по пути в магазин заскочить?

Приличная такая головка сыра. Причем козьего.

Нора распахивает холодильник, выуживает полторку молока.

– Нет. Я хочу испечь кексики.

Подношу к лицу какую-то баночку. Читаю: инжирная паста.

– С инжиром? – В недоумении киваю на луковицу. – И с луком?

– С инжиром и луком, – кивает Нора, закрыв дверцу. Подходит ко мне.

Ну ладно, хозяин – барин.

Ей комфортно на кухне, она так и порхает, и смотреть на нее – одно удовольствие. Нора потянулась к буфету, длиннющая футболка приподнялась, и из-под нее показались джинсовые темные шортики. Да, значит, там все-таки что-то надето. Что ж... прекрасно.

Она ни звука не произнесла за последние пару минут. Молча включила духовку, молча размазала масло по форме для выпечки.

Наверное, придется самому заводить разговор.

– Как поживает Скарсдейл? – интересуюсь я невзначай.

Нора оборачивается и сухо так говорит:

– Нормально, что ему сделается. Как поживает Бруклин?

Улыбаюсь.

– Нормально, что ему сделается.

Она опять повернулась к плите, а у самой плечи подрагивают – угорают над чем-то исподтишка.

Не знаю, о чем еще заговорить. Так много всего на уме, но страшно то ее разозлить. Не разговор, а эквилибристика какая-то. Приходится отгонять кучу мыслей про то, что случилось на этой самой кухне. Как она потрогала мои мускулы, а потом прижалась ко мне всем телом. Помню вкус ее губ, жаркие стоны, как она раскачивалась у меня на коленях...

– Что с тобой? – спрашивает Нора в самый разгар моих грез.

В кухне вдруг стало душно. Повисла давящая тишина.

Качаю головой – мол, все в порядке. Соврал.

Сажусь за стол. Обогнув меня, Нора достает из холодильника картонку с яйцами. Духовка пикнула – как видно, нагрелась до температуры, при которой пекут эти загадочные кексы.

Меня прямо распирает, хоть кричи от того, сколько всего внутри накопилось. Слова так и рвутся наружу. Мне бы коснуться ее, но сил нет и боязно.

– Точно? – тихо переспрашивает Нора, расправляя плечи. – Ты что-то притих, вот я и подумала...

Я не ответил. Не знаю, как сформулировать, чтобы она не сбежала.

– Если я что-то скажу, ты исчезнешь. Забыла? – Получилось с надрывом.

Она обернулась, обтерла руки о полотенце, подходит ко мне.

– С чего ты взял?

Эта женщина не в себе.

– Ты сама так сказала. Что если я попытаюсь давить, ты просто исчезнешь. Обидно. – Ищу ее взгляд. – Обидно и страшно, потому что мне хочется быть с тобой, а я – как в оковах. Все время боюсь не то сказать, не то сделать. Каждый раз подбираю слова, чтобы тебя не задеть. Понятно, конечно, ты еще не готова впустить меня в свою жизнь, но хотя бы чуть дверь приоткрой. Я весь извелся.

Ее взгляд скользнул по моему лицу.

– Лэндон, – говорит Нора и присаживается рядом. – Я не хотела, чтобы все так вышло. Не надо скрывать свои чувства, не бойся, что я в ту же минуту сбегу.

Тормошу пальцем хвостик от пленки под дерево, которой оклеен стол. «Икеевский» ширпотреб. Сейчас я ему даже рад, есть на что переключиться.

– Лэндон, посмотри на меня. – Ее теплые пальцы лежат на моем подбородке. Она приподнимает мое лицо. – Сыграем в игру? – Нора придвигает свой стул поближе. Так хочется вновь почувствовать на себе прикосновение ее пальцев. Не дожидаясь моего ответа, она продолжает: – Правила таковы: мы говорим только правду, идет?

– Всю целиком?

– И ничего, кроме правды.

– Да поможет тебе Господь.

Она одарила меня той самой улыбкой, от которой я моментально готов влюбиться.

– Пока смерть не разлучит нас? – Мы оба смеемся. – По-моему, это клятва для молодоженов. – У нее такой естественный смех и такая естественная красота.

Беру себя в руки.

– Мне уже нравится твоя задумка. На что играем?

Облизнувшись, Нора закусывает губу.

– На откровенность.

Не могу ни о чем думать, кроме этих губ. Хочется их коснуться, чем угодно – губами, пальцами, языком.

– На чью? Твою или мою?

– На обоюдную.

– И когда начнем? – Я испытующе уставился на нее, жду ответа.

Только я заметил, что коса у нее растрепалась, как она тут же проводит по волосам, будто мысли мои прочла.

– Прямо сейчас. Чур, я первая.

Не вижу препятствий. Валяй.

Нора вздохнула, потянула за ленточку, расплетает косу. Пальцы так и мелькают в черных волнистых прядях.

– Там, на станции в Скарсдейл, помнишь? Ты сказал, что соскучился. Это правда или нет?

– Конечно, правда, – отвечаю без колебаний.

Улыбается. А я глаз не спускаю с ее пальцев. Она вновь заплетает косу.

– Моя очередь. – Опустив взгляд, ковыряю ободранный угол стола. – Ты скучала? Правда – не правда?

Она кивает. Мы, как Китнисс и Пит, играем в «правду или вымысел». Я смотрю на нее выжидающе, а она все молчит.

– Слов не существует, пока их не скажешь.

Нора смерила меня одобрительным взглядом.

– Ложь. – Тут она упреждающе вскидывает руку и добавляет: – Я имею в виду последнюю фразу. Слова существуют, если их написать. И если ты не поленился их увековечить, то они чего-то стоят.

Я готов с этим поспорить.

– Даже если запишешь, их можно стереть, зачеркнуть. Но если сказал – то ничего уже не исправишь. Они так и останутся навсегда.

Нора откинулась на спинку стула.

– Слова существуют до тех пор, пока ты не захочешь забрать их назад.

Надо быть осторожней с ответом.

– Обещаю не говорить того, что мне захочется забрать назад.

Я хочу взять Нору за руку, но она отстраняется. И добавляет не без колебаний:

– А я обещаю не говорить того, что захочется стереть из памяти.

Глава 11

– Не поможешь мне с выпечкой? – предлагает она, кивнув на стол, где лежат продукты: масло и картонные соты из-под яиц.

– Если под «помощью» ты подразумеваешь эмоциональную поддержку, тогда да, с радостью.

Мой ответ ее позабавил. А меня радует ее чудесный смех. Помощник на кухне из меня еще тот. Вы мою маму спросите, она подтвердит. Приподнявшись на цыпочки, Нора достает с полок различные ингредиенты. Непонятно, зачем было рассовывать продукты по шкафчикам, если знаешь, что они тебе скоро понадобятся. Женская логика.

– Давай еще поиграем, – предлагает Нора.

Встаю, подхожу к ней. У нее заняты руки – насыпает что-то белое в мерный стаканчик. Может, муку?

Здорово, что она сама предложила. Значит, опять хочет чем-нибудь поделиться. Я счастлив. Меня никогда раньше не интересовали так сильно люди. Да я, оказывается, совершенно ничего не смыслю в отношениях. С Дакотой все было проще пареной репы. Мы долгие годы дружили, пока я не понял, что у нас нечто большее. Дакота призналась мне в любви, ничего замысловатого.

– Только теперь по моим правилам. – Я пока не решил, что за правила.

Нора оборачивается, облизнув губы. Как будто специально. Нет, она знает, что чертовски сексапильна, и хочет нарочно меня потерзать. Я и так уже слетаю с катушек, куда больше?..

– А правила будут такие... – Аж слиплись мозги от напряжения. – Значит, так. Я задаю три вопроса. Отвечаешь на два, один можно пропустить. Потом ты задаешь, я отвечаю.

Приподняв бровь, она облокачивается на стол.

– На что играем?

– На правду, как и договорились. – Надеюсь, по мне не видно, как меня плющит, когда я на нее смотрю.

С оценивающим прищуром Нора кивает.

– Ты не переоделся, – показывает она на мою футболку, с утра я облился кофе.

Сам не пойму, почему не переоделся. В запасе было три часа, я просто профукал их, лежал на диване и думал.

Стоп...

– Ты стрелки-то не переводи, – говорю я, взглянув на нее и покачав головой. Знаю я эти приемчики, второй раз не прокатит. – Что, сдрейфила? Пустячной игры испугалась?

Она судорожно сглотнула.

У нее веснушки на груди до самой шеи. Целая россыпь. До самого воротничка. Полубовавшись на шею, поднимаю взгляд выше, фиксирую внимание на глазах. Во что бы то ни стало я устою. В этот раз я буду хозяином положения.

– Нора. – Я делаю шаг в ее сторону, а самого будто током пронзило, спина распрямилась, голос окреп. – Так что?

Она вновь сглотнула. Глаза огромные, руки сведены за спиной, сердце так и колотится – я даже отсюда слышу, как оно кровь гоняет. Протягиваю руку, касаюсь пальцами ее плеча, спускаюсь к груди, обвожу линию вокруг сердца и снова поднимаюсь к шее. Она тяжело дышит, грудь поднимается и ниспадает под моею рукой. Пульс участился, мы на пределе. Чувствует ли она, как стучит мое сердце?..

Она стоит совсем близко и не сводит с меня глаз; хочется целовать ее вечно, до конца жизни.

Нора прищуривается. *Боже, я что, сказал это вслух? О, Господи, только не вслух.*

– Я первая. – Снова прищурившись, она шагает в сторону. Боже, какое облегчение. В ее присутствии совершенно глупею, не могу держать рот на замке.

Открыв нижний шкафчик, Нора вынимает миску для миксера.

– Сколько ты собираешься здесь прожить? Я имею в виду Нью-Йорк. Какую последнюю песню ты слушал? Где твой родной отец? – Крутой вираж, ничего не скажешь.

Про отца отвечать неохота, но если я не буду с ней откровенен, то какой откровенности можно ожидать в ответ?

– Ну, не знаю. Поначалу хотел податься в Вашингтон, но потом мне понравилось. Последнее, что я слушал, это... – Надо вспомнить. – «As you are» группы «The Weeknd». Ну а отец... он умер.

Нора изменилась в лице. Она, наверное, думала, что последний вопрос я проигнорирую. Она бы на моем месте так и поступила. Я и сам хотел.

– Моя очередь, – говорю, упреждая возможный поток соболезнований. – Сколько лет женаты твои родители? Последняя книга, которую ты прочла? Сколько продлились твои предыдущие отношения?

Она смотрит на меня в упор. Я отвожу взгляд. Ежу понятно, какой

вопрос она решит пропустить.

Вздохнула. Делает вид, что углубилась в готовку. Еще раз вздохнула.

– Их брак длится тридцать два года, и очень скоро у них годовщина. Последнее, что я прочла, – это «Мозг» Роберта Рида. Ну а третий вопрос пропущу.

Я киваю, выслушивая ответы. Жаль, конечно, что интуиция меня не подвела, однако возмущаться не стану. Пока.

Не тратя времени, Нора продолжает игру.

– Что тебе больше нравится, спорт или чтение? Какое у тебя самое радостное воспоминание из детства? От чего умер отец?

Мне вдруг захотелось обо что-нибудь опереться.

– Чтение. Спорт тоже люблю. Радостных воспоминаний у меня много, даже не решу, что лучше. – Напрягаю память: что там у меня было веселенького? – Ладно. Первое, что пришло в голову, – это как тетушка с мужем возили меня на бейсбол. Мы часто ездили, мне очень нравилось. Отец умер по естественным причинам.

– С людьми в расцвете лет такое не случается.

Вдруг меня оглушил запах лука, и я тихонько попятился. Нора шинкует лук мастерски, как повара по телику. Приятно смотреть, дух захватывает.

– Ну, значит, случилось. Сердечный приступ. Я тогда маленьким был.

Помешивая ложкой сдобное тесто, Нора молча на меня смотрит.

– Мой ход. Как познакомились твои родители? Если бы ты не стала кондитером, тогда чем бы ты предпочла заниматься? За что Дакота выгнала тебя из квартиры? – Последний вопрос вклиниваю с предельной деликатностью.

Нора вываливает тесто в форму для выпечки.

– Отец ездил в Колумбию по делам. Он много работает с благотворительными организациями. В Боготу поехал обучать хирургов тамошней больницы. А мама работала в кафетерии при больнице, и папа влюбился.

Я люблюсь ее прекрасными чертами: на редкость удачное этническое смешение.

– Если бы я не была кондитером, то открыла бы закусочную в фургоне – типа тех, что стоят на улицах в Уильямсберге. Дакота выгнала меня из квартиры, потому что ей стало страшно. Она хотела, чтобы я держалась от тебя подальше, а я не послушалась. – Нора улыбнулась. – Так что теперь я бездомная.

– Когда тебя выгоняют из квартиры, это совсем не смешно, – говорю я,

озабоченно хмурясь.

Безрадостно усмехнувшись, она подходит к духовке с формой для выпечки. Я придерживаю для нее дверцу. Водрузив противень на среднюю решетку, Нора закрывает плиту.

– Теперь моя очередь. Сколько у тебя было любовниц? Как ты повстречался с Дакотой? Ты часто представляешь меня в постели?

Словами не описать тот звук, который я издал, услышав последний вопрос. Все тело напряглось, кровь хлынула в пах. Как ни пытаюсь я отогнать эти мысли, слишком уж свежо воспоминание о том, как Нора меня оседлала.

– Я переспал лишь с одной. И ты в курсе, о ком речь. Дакоту я знаю с самого детства. Мы жили с ней по соседству... Последний вопрос пропускаю.

Она бросила на меня жаркий взгляд. Не в смысле наброситься и сорвать одежду, а в смысле испепелить.

– Хм-м-м... – задумчиво произносит Нора, постукивая пальцем по губам.

Мне остается лишь уповать на то, что джинсы скроют мои грязные мысли.

– Мой ход, – говорю я не своим голосом. И выпаливаю вопросы без всякой цензуры: – Где ты познакомилась с первым парнем? Тебя не напрягает, что, кроме Дакоты, у меня никого не было? Ты часто представляешь меня в постели?

Она резко отводит взгляд, берет пустую миску, подходит к раковине, включает воду.

– Нас познакомили мои родители. Отец как-то пересекался по делу с его отцом. Да, парит, и еще как, ты просто не представляешь. Я без конца себе это представляю.

Дыхание сперло, ни выдохнуть, ни продохнуть. В животе будто запорхала тысяча злых мотыльков.

У меня нет слов. Этой женщине двадцать пять лет, и по какой-то неведомой причине она мечтает со мной переспать. Меня насквозь пронзили ее слова. Каждый нерв звенит. А в мыслях она уже голая, лежит, томно раскинувшись на постели.

– Ой, – проронил. Терплю, сжав кулаки, чтобы не распускаться.

Она не смотрит, а мне уже страшно, что будет, если только она обернется. Боюсь, не совладаю с собой. Нора вымыла миску, промокает насухо полотенцем.

– Мой ход. Ты мне доверяешь? Какой твой любимый сериал? И

еще... – Она задумалась, что-то взвешивая в уме. – Если бы сейчас сюда заявила Дакота и попросилась назад, ты бы принял ее?

Какая дурацкая игра. Зачем я ее затеял?

Но я не пасую. Резко втянув носом воздух, продолжаю свой раунд.

– Да. Наверное, не стоило бы, но доверяю. Любимый сериал – «Задержка в развитии». Нет, не думаю. Вряд ли.

Наконец, Нора решает обернуться.

– Не думаешь или не принял бы? Как-то неубедительно.

Я хватаю первую попавшуюся тряпочку, мну ее в руках, чтобы унять нервозность.

– Нет, не приму.

И быстро перехожу к вопросам.

– Ты мне доверишь? – Она заметила, что я стащил ее мысль, и с усмешкой закатывает глаза. – Как ты рассталась с последним бойфрендом – хорошо или плохо? И последнее: ты испытываешь ко мне что-нибудь, кроме влечения?

Она начинает тормозить косу, а я не свожу глаз с ее рук: черный лак на длинных миндалевидных ногтях, мука на костяшках...

– Доверяю. Доверяю как никому, и это меня даже пугает, ведь я почти ничего о тебе не знаю, а ты обо мне и подавно.

Я хотел было вклиниться и поспорить – мол, только дай время, все утрясется. Я пойму ее так, как она и не мечтала, даже лучше, чем она сама себя понимает, и ради этого буду затевать игру каждый день, если потребуется. Раз за разом я углубляюсь все дальше. Порой это трудно, она будто стены возводит. Однако я все равно изучу ее всю, прочту до последней страницы и буду читать вновь и вновь, пока не выучу наизусть все абзацы и заголовки.

– Мои предыдущие отношения закончились на печальной ноте, мягко говоря. Последний вопрос пропускаю.

Нора беспокойно тормозит волосы, переминается с ноги на ногу. Ее одолевает какое-то нетерпение, равно как и меня.

– Я хочу снова сходить, а потом ты два раза подряд, лады?

Она кивает, не проронив ни звука.

Я подхожу к ней на шаг. Она будто съежилась. На лице – стыдливый румянец, глаза боится поднять. Нора – по-прежнему сильный боец, какой и показалась мне при знакомстве, но сейчас она обезоружена.

– Ты испытываешь ко мне что-нибудь, кроме влечения? – задаю снова тот же вопрос, подступив совсем близко.

Она поднимает взгляд, я подцепляю ее пальцами за подбородок. В

ответ на мое прикосновение из ее груди вырывается вздох.

– Следующий вопрос. – Я наклоняю голову к ее лицу.

Она терпеливо ждет, не сводя с меня глаз. Моргнула, тень от ресниц легла на щеки. Не отнимаю руки от ее подбородка, чтобы она не могла отстраниться.

– Ты боишься того, что испытываешь ко мне?

Кивает.

Я касаюсь ее щеки, глажу шею. Склоняюсь к лицу и даже слышу легкий вздох, срывающийся с губ. У нее беспокойные глаза и напряженный рот. Принимаю Нору в свои объятия и, едва унимая дрожь, завожу руку ей за спину и хватаюсь за край стола. От нее не отвести взгляда, так мила она и притягательна, что кружится голова. Ей не вырваться, она зажата между мной и столешницей.

По спине пронеслась горячая волна, жаром полыхнуло в груди.

– Какой твой последний вопрос? – шепчет Нора, и я чувствую ее дыхание на своем языке.

Кончиками пальцев легонько провожу по ее руке, и она покрывается мурашками.

– Хочешь, я тебя поцелую?

Глава 12

Нора

Если я сейчас кивну, то все мои уловки полетят коту под хвост. Лэндон просто прижмется ко мне своими губами, и всем разговорам настанет конец. Нельзя этого допустить. Однако... *боже, я просто дико хочу*.

– Пропускаю, – бормочу, не отрываясь от его губ.

Он отводит глаза. Такой же взгляд у него был в Скарсдейле и возле «Джульетты». Не хочу, чтобы он так грустил. Кто угодно, только не он.

– Пропускаю, потому что иначе нам будет не до разговоров. – Говорить – это дикая пытка. Я истосковалась по его рукам, так сильно, что не передать словами.

Твержу себе: надо держаться на расстоянии. *Он для тебя слишком молод, Нора*.

На его подбородке темнеет щетина. Вчера он был чисто выбрит. Надо же, не думала, что обращаю на это внимание, как-то само в глаза бросилось. Волосы на лице жесткие, и когда он стоит вплотную и пожирает меня глазами, он не кажется юным мальчиком, а глаза вообще зрелые и мудрые. Что-то его тревожит, берedit душу куда сильнее, чем расставание с Дакотой.

– Ты пропускаешь вопрос? – Меня все сильнее обхватывают крепкие руки. Лэндон по-прежнему держится за край стола, однако расстояние между нами стремительно тает.

Я киваю, и он расплывается в улыбке.

Он для тебя слишком хорош, Нора.

Милый, какой же он милый.

Черт, я вешаюсь на мужика. Ненавижу таких баб. Ничего хуже представить нельзя.

Основной алгоритм их поступков прост.

Фаза первая: попивает такая кулема в кругу подруг. «Ну почему мужики все такие козлы? – Роняет слезы в дешевый «Мускат». – Все, больше я на козлов не западаю». И салютует наполненной до краев чашкой вина.

Фаза вторая: идет с подружками попить кофейку. Она полюбила черный кофе, потому что у нее теперь отличный парень, и он пьет только черный, ведь на козлов она больше не западает. «О-о, он такой милый!» Подружки слушают. А ведь и правда, такой не клюкается вечером в

пятницу и не загадит субботнее утро. Спокойно ведет себя в необъятном торговом центре, невозмутимо прохаживаясь меж рядов с вешалками, и соглашается поддержать ее кофе, когда ей приспичило что-то примерить.

Фаза третья: с подружками в ночном клубе. Нарядное черное платье, отпадная завивка на голове. Боевая раскраска, но не для того отличного парня и даже не для себя. «Что-то я в нем разочаровалась. Скука с ним смертная», – жалуется она подругам и отвечает улыбкой эффектному незнакомцу в толпе.

Фаза четвертая (последняя и заключительная): в кругу подружек сидит на диване и под винцо пересматривает сериал «Анатомия страсти». «Все мужики – козлы», – жалуется она, потому что эффектный чувак ей изменил, и она вновь вернулась к фазе номер один.

Похоже, я встала на скользкую тропу.

– Нечестно пропускать такие вопросы. – Лэндон касается губами моего уха, и меня пробирает дрожь.

Боже, вот это мужчина.

Он – лучший друг Тессы .

Приходится без конца себе об этом напоминать. Еще один повод положить конец этому романчику. Лэндон – ее лучший друг, опора, оплот и надежда, и если я все запорю, то никогда мне не будет прощения.

Тяжелый выдался для нее год. Мало бед с Хардином, который наплевал ей в душу, так еще и с универом пролетела. Потеряла отца, любимого человека. Остался только Лэндон. Он здорово ее поддерживает. И если я заберу у Тессы этот последний оплот...

– А в жизни вообще все нечестно. – Я напрягаю колени и высвобождаюсь из его объятий.

Когда он так близко, у меня зашкаливают эмоции, я толком не соображаю. Каждый раз, заходя в лифт в его доме, я напутствую себя: *«Держи себя в руках. Не смотри на него и не надо расспрашивать Тессу»* .

Каждый раз, приходя в их квартиру, я надеялась, что застану его дома. А когда его не оказывалось, меня охватывала болезненная тоска. Вот тогда я поняла, что попала.

– Тебе нравится универ? Ты, наверное, в восторге, что у мамы родится Эбби? И если можно было бы полететь куда угодно, куда бы ты полетел? – Жалкая попытка перевести разговор в безопасное русло, пока меня не поставили раком на кухне.

Лэндон буравит меня взглядом, и я предусмотрительно отступаю назад.

– Нравится, все путем. Да, в восторге. В Испанию, посмотреть, как

играет «Реал Мадрид».

Он не в восторге от того, что вопросы сместились в нейтральное русло. Мне с трудом удастся удерживать разговор на платоническом уровне. Лэндон подходит к холодильнику, вынимает бутылочку синего «Гаторейд», не сводя с меня взгляда, отвинчивает крышку. Взгляд очень пристальный, Лэндон явно что-то замышляет.

– В этой игре есть еще дополнительный раунд.

Ах, ну да.

– Разве? – Я пытаюсь не улыбаться, но у меня ничего не выходит. – Просвети, пожалуйста.

Стараюсь держаться от него на безопасном расстоянии. Пяти футов, пожалуй, достаточно; впрочем, для верности отхожу еще на десять, под предлогом хлебнуть водицы. С такой дистанции я не смогу пялиться на его мужественные плечи и сходить с ума от его крепких ладоней и длинных пальцев. Если я буду держаться подальше, то он не поймет, что у меня так и чешутся руки к нему прикоснуться.

Как раз с чесоткой-то все просто – почесал и порядок, а к Лэндону у меня что-то такое, чего, почесавшись, не исправить. Чтобы мне успокоиться, надо перегореть, а потом извести тысячу ярдов бинта, чтобы залечить раны.

Отвечать он не спешит. Делает долгий глоток, опускает бутылку на столешницу. В кухне вдруг становится слишком тесно.

– Правила такие. Ты должна ответить на один из пропущенных вопросов, иначе тебе засчитывается проигрыш.

– Хм-м-м. – Надо подумать. А что я теряю в случае проигрыша? Этот милый, заботливый и притягательный парень в заляпанной футболке каким-то образом в меня буквально просочился. Так что я там пропустила? А-а, предыдущие отношения... но это ради его же собственного блага. Хорошо, в основном ради себя, но и немножечко для него. Не хочу, чтобы он узнал меня с плохой стороны.

Еще был вопрос о моих чувствах к нему. Ну, тут я точно буду молчать.

– Ты тоже пропустил один вопрос, – напоминаю я.

Он кивает. Еще бы! Ему-то терять нечего, и он знал это, когда придумывал свою гадскую «суперигру».

Пожалуй, я даже рада, что ему так хочется докопаться. Пусть убедится, что я не сбегу, если он вдруг задаст неуместный вопрос. Хотя, если честно, сбежала бы. Хоть раз в жизни для разнообразия прибегнуть бы к простому выходу из ситуации.

– Я отвечу на один вопрос.

Кивает.

– Только, чур, я сама выбираю.

– Не жадничай!

Он снова улыбается, и я с трудом подавляю стон. Мое тело буквально изнывает, уже и картина перед глазами, как я снизу, а он – сверху и по-прежнему улыбается...

– А что вы хотели, девушка? Правила есть правила.

У меня сейчас мозги вскипят. Совсем расхрабрился, улыбается во все тридцать два. Все же удивительные превращения: то он мужчина, то сорванец, то повелитель, то раб.

Лэндон делает шаг навстречу и берет меня за руку. Я не против, не отдернула руку, стою, словно зачарованная. Он обнимает меня. Приятно чувствовать себя на его фоне малюткой. Я раньше стыдилась своего роста. Абуэла^[1] как-то обмолвилась, что парни любят дюймовочек. Сама она была коротышечкой, поэтому мы и прозвали ее «абуэлита». У нас все женщины по маминой линии миниатюрные: хрупкие, ножки маленькие, бедра тонюсенькие. И только я уродилась белой вороной.

Я ведь тоже не сказать, что под потолок – метр семьдесят, но уж точно выше мамы и бабушки. Я выше Стейси, а мои бедра – это ведущая тема для разговоров во время семейных застолий. Была версия, что фигуру я унаследовала от прабабушки. Говорят, у нее был такой пышный зад, что ей приходилось самой шить себе панталоны.

– Чего притихла? – интересуется Лэндон.

Опять он загнал меня в угол. Хорошо, хотя бы уже за руку не держит. А может, к нему прикоснуться разок? Один разочек, ведь это не повредит?..

Поднимаю руку, поглаживаю его щеки. У Лэндона резкие скулы, он похож на отвязного пацана, вообще хулиганская внешность – и на удивление добрая душа.

Я говорю, что его очередь отвечать. Спрашиваю, часто ли он представляет нас вместе в постели. Касаюсь его розоватых губ, обвожу пальцем их нежный изгиб, тонкую линию носа, и он прикрывает глаза.

– Ты часто думаешь о том, чтобы со мной переспать? – повторяю вопрос.

Его веки затрепетали, но он так и не открывает глаза.

– Так же часто, как я? – Прозвучало, как вздох, но я уверена, что он услышал. – Потому что я столько всего уже представляла.

В воздухе повисло ощутимое напряжение – так, пожалуй, и задохнуться недолго.

– Лэндон, ты тоже так делаешь? Ты представляешь, как это будет?

Я обхватываю ладонями его лицо, и он чуть приоткрывает глаза, призывно глядит на меня. Меняет позу и просовывает колено меж моих бедер. У меня еще сильнее заломило внизу живота.

– Представляю. – Голос низкий, с хрипотцой. – Я думаю о тебе постоянно. В прошлый раз... – Лэндон бросает взгляд на кухонный стол, на мое лицо, на губы.

– В прошлый раз было так... – Голос мне не подчиняется, я сомлела в его объятиях.

Впившись в меня взглядом, он решительно хватает меня за ноги. Впивается губами в раскрытый рот, и мой разум окутывает туман.

Глава 13

Запустив пятерню в мои волосы, он притягивает меня ближе. Такой нежный, уверенный поцелуй, я вся в его власти. Трепещу перед ним, томлюсь желанием. Лэндон приподнимает меня за бедра и усаживает на кухонный стол. Я обхватываю его ногами за спину. Если бы стол был пониже, я ощутила бы напряжение его члена.

Все к этому и идет: губы, руки, нам обязательно надо слиться. Почему, интересно?

– Нора, – шепчет он, не отрываясь от моих губ. От этой невыразимой нежности хочется застонать. Я сдерживаю порыв, однако тело мне уже неподвластно. Я обвиваю его за шею руками, притягиваю к себе.

– Не сопротивляйся, – говорит он, как будто прочел мои мысли, как будто видит, что мысленно я все же пытаюсь бороться.

Кивнув, я отрываюсь от его рта и подношу губы к уху.

– Возьми меня, Лэндон, я не могу больше. – Скольжу губами вниз по щеке, к его подбородку.

Он дрожит от моих ласк, а я хватаю подол его футболки и стягиваю ее через голову. Какое тело! Накачанный пресс, все рельефно, но без переборов. В паху видна кромка волос – так и хочется прильнуть к ней губами. Я хватаю пуговицу на его джинсах и проворно расстегиваю.

Черные брифы сидят на нем плотно. Как можно быть таким классным? Почему я бросаюсь на него, позабыв о принципах? В свое время я начиталась романов, где женщины, обезумев от мужской красоты, совершенно лишались ума. В такие моменты я скептически закатывала глаза. И вот я оказываюсь посреди кухни с собственным полуголым мужчиной, и мой мозг не в состоянии породить ни одной связной мысли.

На самом деле мыслей – хоровод, и все они такие неприличные!..

Тем временем губы мои соскальзывают все ниже. Я впиваюсь в мускулистую выпуклость между шеей и плечом. Лэндон стонет, а я присасываюсь сильнее, и мне плевать, если останется след. Будет след – будет метка. А может, он – моя собственность? Увидит Дакота мой штамп – ох, как взбесится. Да она просто растопчет меня, уничтожит!

Какая теперь, к черту, разница?

Мне плевать.

Мои ладони скользят все ниже, вот уже пальцы в его трусах, под

резинкой. Проталкиваюсь дальше и беру член в кулак. Он весь в моей власти, упругий, тугой.

Испустив тяжкий вздох, Лэндон роняет голову на мое плечо. От его волос пахнет сосной и мылом – возбуждающая смесь. Я кладу руку ему на затылок и привлекаю его к себе, одновременно медленно двигая кулаком, словно накачивая его. Он очень увесистый, и меня не покидает мысль о выражении лица Лэндона, когда он приблизится к оргазму. Мне очень нравится, как он прикрывает глаза, когда кончает. Я много раз вспоминала, как он кончил в шорты, когда я была сверху.

– Скажи, это лучше, чем просто мечтать? – подначиваю я, едва узнавая собственный голос.

Лэндон подносит руки к моей рубашке, и я приподнимаюсь, чтобы он мог стянуть ее с меня. В тот момент, когда она падает на пол, его губы оказываются в каком-то дюйме от моей груди. Он глядит на меня широко распахнутыми глазами, будто спрашивает позволения.

Я киваю и тянусь себе за спину, чтобы расстегнуть лифчик. Лифчик падает, Лэндон зажмуривается от нетерпения. Он так меня хочет!.. Я чувствую, что нужна ему. С ним забывается прошлое и настоящее.

Он с жаром обхватывает мои груди, обводит дрожащими пальцами соски. Они уплотняются от его прикосновений, и я не могу сдержать стон. Не отрывая глаз от моей груди, Лэндон шаловливо щупает меня, изучает, где мне приятно. Я прекращаю его ласкать, не в силах справиться с нахлынувшими ощущениями.

– Ты такая... – Жаркое дыхание обдаёт мои груди. – Не подобрать слов, как ты хороша...

Его слова обволакивают меня, окутывают, как одеяло. Губы Лэндона смыкаются на моем соске, он начинает сосать. Сквозь стон произношу его имя, и он присасывается сильнее, поглаживая вторую грудь.

Никто меня так бережно не ласкал, никто так не упивался моей красотой. Он нежен, он высвобождает и требует. Его член, выпущенный из брюк, твердо тычется между нами. Я хочу насладиться каждой секундой, впитать в себя все без остатка, чтобы в минуту уединения вспоминать о нем и упиваться.

Лэндон обхватывает губами другую грудь. Меня переполняют чувства; невозможно смотреть на него и чувствовать на себе вибрацию его стонов.

– Я хочу снять твои шорты, – говорит он глухо.

Кажется, я еле заметно киваю.

Приподняв меня, словно пушинку, он сажает меня на столешницу. Начинает расстегивать мои шорты, и руки уже не трясутся. Стягивает их с

меня; они сидят плотно и не спадают, я ему помогаю, подтягивая за ткань, и сбрасываю на пол.

Лэндон подцепляет пальцами лямки моих трусов и встает на колени. Я уже чувствую мокроту ткани. Внутри все пульсирует.

Он переводит дух, а у меня чуть колени не подгибаются. Как можно быть таким сильным и чувственным одновременно? Он – будто ларчик с сюрпризами. Совершенно непредсказуем, и сам об этом не подозревает.

Лэндон трется носом о мою щель – боже, так нежно, я не могу сдержать стон, – подцепляет трусы и стягивает их. Меня бьет дрожь.

Он внизу. Поднимает глаза, и я вижу, как сильно он нервничает. Еще бы! У него ведь была лишь одна до меня, и по опытности нам не сравниться. Он – девственно чист, я замарана. Надо немножко его направить.

– Я хочу тебя. Попробуй меня на вкус. – Я мягко подтягиваю его за волосы. – Ты же хочешь меня лизнуть, я чувствую.

После этих слов он обхватывает меня за ноги, а я расставляю их, чтобы ему было удобно.

От нежного прикосновения я запрокидываю голову. Влага моего естества, его теплый и мокрый язык – нестерпимо. Я со всей силы хватаюсь за край стола, лишь бы удержаться. Накатывает удовольствие, я закусываю губу, стараясь не издавать лишних звуков. В животе напряглось, подступает оргазм и охватывает меня, раскатившись по телу. Этот мальчик сведет меня с ума, это все чересчур.

Хотите знать, что такое чересчур? Это – Лэндон Гибсон.

Его язык ходит мелкими кругами, ходит без устали, не отклоняясь от той самой точки, где мне надо больше. С моих губ то и дело срывается его имя, я таю в крепких и сильных руках. Он доводит меня языком, я на пределе, не в силах больше сдерживаться. Он обхватывает меня очень крепко, и, отпустив его волосы, я впиваюсь ногтями в столешницу.

Все, крайняя точка. Лэндон медленно встает с колен. У него покраснелись щеки, и губы налиты кровью, немного припухли и влажные от моего сока.

– Дай тебя потрогать. Мне нужно потрогать тебя, – тонким голосом прошу я. Мне он нужен. *Немедленно*.

Взглянув на меня в упор, он говорит:

– Пойдем в постель.

У него совсем чужой голос и такой уверенный тон, что ему тут же хочется подчиниться. Я киваю и иду за ним в комнату.

Коридору нет конца и края. Между ног все саднит, в голове все

пульсирует. Сейчас, кажется, все заполнится сомнениями, они хлынут рекой, увлекая меня за собой. Я зашла слишком далеко, но останавливаться теперь – все равно что нестись против поезда.

Обстановка простенькая. Кровать у стены, серое покрывало с двумя подушками. Я стою в дверях, совершенно нагая, и пытаюсь оценивать интерьер комнаты, вместо того, чтобы оценивать ситуацию. Что теперь делать? Я знаю, чего мне хочется, но мне будет приятнее, если он сам все решит. Если этот корабль потонет, меня не будет одолевать чувство вины, ведь мы вместе вели его по бескрайним морям.

Лэндон подходит ко мне и подается вперед, чтобы прикрыть дверь. Без лишних слов обхватывает меня за талию и притягивает к себе. Он вжимается в меня своей твердыней, и я целую его, чувствуя на языке вкус своего естества. Щупаю его сквозь трусы, и он тихонько стонет.

– Ложись, – говорю. – Теперь моя очередь тебя пробовать.

Он колеблется, словно не желая отстраняться от моих губ. Мне становится тепло и приятно при этой мысли.

Я сгораю от нетерпения. Обвожу взглядом полуголого Лэндона, толкаю его, и он отступает к кровати. Я подхватываю гладкую ткань и стягиваю с него трусы. Лэндон тяжело дышит, и, прежде чем продолжать, я заглядываю ему в глаза. Уловив мой беззвучный вопрос, он кивает и ложится на спину – каштановые волосы сплющились на подушке. Я заползаю на него, прилегая вплотную нагим телом, поддразнивая и распалая.

Я прикладываюсь к его губам и одариваю жарким поцелуем. Целую неустанно и страстно до тех пор, пока он не выдыхает, расслабив плечи. Я прижимаюсь своим мокрым местом к его напряженному члену, и Лэндон стонет, сгребая в кулак одеяло. Я трусь о него, скольжу по головке; мне хочется, чтобы он почувствовал, как сильно я его жажду. С его губ срывается мое имя, пальцы сжимаются на моих волосах.

– Потяни, – шепчу я. Он удивленно поднимает глаза. Стоит мне только двинуться, хоть капельку, хоть на дюйм, и он проскользнет внутрь меня. – Потяни меня за волосы.

Напряженно сглотнув, Лэндон тянет меня за волосы. Одной рукой придерживая меня за бедро, он фиксирует положение моего тела. Теперь его член упирается как раз туда, где мне приятней всего.

Черт, этот мужчина меня угробит. Он опять потянул меня за косу, и желание с новой силой вспыхивает в его глазах.

Он меня проверяет, тянет сильнее, и я целую его чуть ниже ямочки под ключицей.

– Будь со мной жестче, не надо жалеть. Нам обоим уже не до нежностей.

Целую его в шею под самым ухом.

– Я с ума сойду, – говорит он.

– Знаю. – Целую его в губы.

Он снова тянет меня за волосы, и с моих губ срывается стон.

– У меня такого еще не было, – признается он. Касается меня губами. – Я и не думал, что так бывает.

– Будь со мной таким, как тебе хочется. Экспериментируй. – Я прикусываю его за нижнюю губу и снова чувствую под собой колебания его бедер. И как по команде он тянет меня за волосы. Этот мальчик схватывает на лету.

Я опускаюсь все ниже и ниже, покрывая его живот поцелуями, и он выпускает из рук мои волосы.

– Не надо стесняться, – говорю я, целуя его чуть повыше пупка. Мускулы подо мной словно втягиваются. – Если хочешь чего-то, скажи. Я хочу взять в рот твой толстый член и попробовать, с каким вкусом ты кончишь.

Его бедра подрагивают в ответ на мои слова, и он впивается в меня горящим взглядом.

– Ты хочешь этого? – Я целую все ниже.

Он отчаянно кивает, и я улыбаюсь. Пройдя вдоль линии волос, я последний раз его целую в чувствительное место между бедром и членом. Член вздрагивает возле моего лица, и я обхватываю его кулаком. Я стараюсь действовать не спеша и целую в самый кончик, но тут Лэндон издает такой звук, что я теряю остатки терпения и беру его в рот. Он тут же кончает. Он наполняет мой рот и стонет, произнося мое имя, и никогда еще это имя не казалось мне таким приятным на слух.

Иссякнув, он обнимает меня за плечи и притягивает к себе. Я опускаюсь щекой на его грудь; моя голова приподнимается и опускается с каждым его вдохом и выдохом. Лэндон ласкает меня пальцами, и мне становится щекотно, когда он скользит от плеч к бедрам и снова к плечам.

У него сильные бережные руки. Я пытаюсь припомнить, когда меня в последний раз обнимали с такой нежностью. Не меньше двух лет назад. И даже тогда было иначе. Пальцы Лэндона скользят к моей голове и нежно растирают кожу под волосами. Я закрываю глаза и лежу, наслаждаясь ощущениями.

Острое чувство потери, жившее во мне многие годы, будто отступает и растворяется под его пальцами. Мне нравятся нежность и незапятнанность

его души. Я прежде не встречала подобного человека, и мне хочется больше – больше времени и поцелуев, больше отметин на коже, которые остаются после его страстных ласк. Дакота везучая, у них так много общих воспоминаний. Мне, наверное, никогда не понять, почему она принимала его как нечто само собой разумеющееся.

Вдруг в гостиной раздается жуткий грохот, и мы вскакиваем, как по команде. Я махом спрыгиваю с постели и торопливо ищу, чем прикрыться. Лэндон молниеносно натягивает любимые серые треники и футболку с эмблемой колледжа.

Опять что-то грохнулось.

– Жди здесь, – командует Лэндон, перехватив мой растерянный взгляд.

Когда он распахивает дверь, в комнате раздается звон бьющегося стекла.

Глава 14

Лэндон

Выскакиваю в коридор, и меня оглушает поток отборных ругательств. Голос низковат, и сразу его не узнать, но, по-моему, я уже догадался...

Если Хардин сейчас все крушит и ломает, то он у меня быстренько полетит туда, откуда пришел. Врываюсь в гостиную, и происходящее не сразу доходит до моего сознания. Бабушкин столик опрокинут, валяется на полу с отломанной ножкой. Хрустальная ваза, которая там раньше стояла, разбита вдребезги, осколки хрустят под ногами какого-то постороннего чувака. Хардин с разбитой губой заламывает незнакомца, сделав захват шеи.

Чужак покраснелся, по его лицу течет красная струйка. Судя по крови, сцена явно нешуточная. Присмотревшись, я вижу, что поверженный – просто хилак и, наверное, обмочился: он думает, что Хардин решил его ухайдокать.

Я замираю. *Что происходит?*

Пристально всматриваюсь в лицо незнакомца. Кого-то он мне смутно напоминает, но, хоть убей, не пойму, где мы виделись.

– Если ты не собираешься его убивать, тогда отпусти, – предостерегаю я Хардина.

Мой друг делает глубокий вдох.

– Прекрасно.

Отпускает незнакомца, и тот, шумно переведя дух, перекачивается на бок. Лежит, потирая намятую шею.

– Так, это что сейчас было? – Что бы ни происходило, все случилось чертовски быстро. Я даже не понял, когда Хардин успел заявиться.

Хардин встает.

– Не рыпаться! – гаркает он на чувака. Незванный гость хватается за нос. – Когда я приехал, он стоял у двери и подслушивал. Не знаю, может, хотел вскрыть замок или еще что-нибудь. Без понятия.

– А зачем ты его приволок? – Я с сожалением озираюсь на поломанный бабушкин столик.

Хардин смотрит на меня так, словно я спросил, почему у нас небо зеленое.

– Наверное, чтобы не смылся? – поражаясь моей наивности, отвечает друган.

Парень делает неловкую попытку приподняться и сесть, и Хардин припечатывает его свободную руку ботинком.

– Не рыпаться, я сказал, – напоминает он и, невозмутимо убрав со лба волосы, переносит вес тела на руку несчастного. Тот завертелся и заорал.

– Что вы здесь делали? – спрашиваю незнакомца.

Хардин достает из кармана телефон. Видимо, хочет звонить в полицию.

– Сейчас он вызовет копов, и кое-кого упекут далеко и надолго, – предупреждаю я.

Хардин поднимает ногу, и незнакомец, придерживая больную руку, встает на колени, приваливается спиной к стене и божится, что больше не будет глупить. Чем больше смотрю на него, тем сильнее мне кажется, что я его видел раньше.

– Я искал, где живет мой знакомый, – говорит он. – И все.

Что-то слабо верится. Лишняя подозрительность не помешает, к нам и так уже вламывались. Черное пальто, серый пиджак, темные, пронзительные глаза – что-то жутко знакомое. Да, я видел его в коридоре на этаже.

– По-моему, он не врет, – говорю Хардину.

Парень встает, Хардин убирает телефон в карман.

Открывается дверь моей комнаты, и оттуда выходит Нора в моих трусах и моей же белой майке. Соски просвечивают. И тут же на нее, как по команде, устремляют голодные взгляды Хардин на пару с незванным гостем. Я аж вскипел.

– Вернись, пожалуйста, в комнату.

– Что происходит? Клифф? – обращается она к незнакомцу с суровой подозрительностью. – Как ты здесь оказался?

– Вы знакомы? – В удивлении перевожу взгляд с Норы на доходягу.

– Она его знает? – спрашивает меня Хардин. Явно тупит – ведь понятно, что я не в курсе.

– Я искал квартиру знакомого. Он недавно сюда переехал, – мямлит так называемый Клифф.

Нора бросает на него продолжительный взгляд, и между ними происходит какой-то безмолвный разговор.

Кто вообще этот перец?

– Все в порядке, сейчас он уйдет, – произносит Нора, кивая на дверь. Вид у нее самый простецкий, как будто ничего и не случилось. Ее напускное спокойствие лично меня здорово обескураживает.

Потирая намятую шею, Клифф без лишних разговоров удаляется

восвояси.

Тут вклинивается Хардин: всплеснув руками, обращается к Норе:

– Что, так его и отпустишь? Не хочешь сначала узнать, как он тут оказался?

– Он объяснил. – С этими словами она соблазнительно упирает руки в бока.

У нас в гостиной только что разыгрался сюжет в духе «Форсажа», а меня интересует лишь изгиб ее бедер. Мне надо срочно к врачу.

– Врет, и ежу понятно! – Хардина затрясло.

– Ну, во-первых, не надо орать. – Нора буквально цедит слова. – Во-вторых, почему тебе знать, врет он или нет? Ты же с ним незнаком.

– Зато ты знакома, – вскидывается Хардин. – Не хочешь прояснить этот миленький пустячок?

– Все, народ, – вступаю я. – Хардин, его здесь уже нет. Нора, ступай в комнату.

Утихомириваю их, как парочку расшалившихся сорванцов. Папуля нашелся!.. Обернувшись, Нора разинула было рот, хочет что-то сказать, однако, передумав, все-таки уходит. Я уже был готов к тому, что хотя бы один из них начнет пререкаться.

– Ты лучше выясни у нее, что это за мурло, – говорит Хардин тоном, не допускающим возражений.

Приехали.

– Заткнись и тащи сюда швабру, – отвечаю, махнув на ближайшую к выходу дверь. – Разберусь как-нибудь. Лучше осколки собери.

– Я серьезно, – хмурится Хардин. – На тебя мне плевать. Ты о Тессе подумай. Если с ней что-то случится...

В кухне пропищал таймер, и я вспоминаю про Норины кексы. Неужели все это случилось за двадцать минут?

Иду в кухню, по пути беру прихватку и вытаскиваю из духовки противень. Крохотные кексы покрыты румяной корочкой и аппетитно пахнут, аж слюнки текут. Я ставлю выпечку на плиту и возвращаюсь в гостиную к Хардину.

В голове крутится масса вопросов. Кто он, наш незванный гость? Бывший парень Норы, о котором она не хочет рассказывать? Банальный воришка, решивший заглянуть на огонек? Что бы он стал делать, если бы дома никого не оказалось?

Сперва разгребу беспорядок, который наделали во время драки, а потом вернусь в комнату и поговорю с Норой. Хардин метет пол, вроде не возникает. Я переворачиваю столик покойной бабушки, подхватив его за

угол. Надо будет отремонтировать, пока мама не нанесла нам визит. Не приведи господь, увидит его в таком состоянии.

– Сам знаю, – отвечаю на молчаливый упрек Хардина. Я обязательно выясню, что это за тип и верит ли Нора в то, что он просто искал здесь друга.

Хардин дуется, сметая осколки в совок, а я направляюсь в комнату. Только взялся за ручку, вслед мне доносится его голос:

– Только Тессе не говори, не нужно ей голову забивать.

Я молча с ним соглашаюсь (надеюсь, он помнит, что молчание – знак согласия) и захожу в комнату. Нора сидит на кровати, она так и не переделалась. Навалившись на дверь, жду, когда щелкнет замок. На всякий пожарный, запираюсь на ключ и решительно иду к Норе. В руке у нее телефон, она поднимает взгляд, но словно не замечает меня – полностью погружена в свои мысли.

– Нам надо поговорить про того человека, – робко начинаю я.

Она опускает глаза и садится, поджав под себя ноги.

– Ты уверен?

Ну уж нет, я не дам ей спустить все на тормозах.

– Уверен.

Подхожу к ней, устраиваюсь на кровати, а сам прислушиваюсь к звукам, доносящимся из гостиной. Тишина. Хардин или ушел, или примолк и подслушивает наш разговор, как тот парень, Клифф.

– Этот олух – твой бывший?

Нора вздрагивает от неожиданности и трясет головой.

– Нет, конечно!

Я придвигаюсь поближе и беру в свои руки ее ладонь.

– Тогда кто это? Пойми, дело серьезное, – говорю я, нежно сжимая ее пальчики. – Он подслушивал у двери. Ты уверена, что хорошо его знаешь и это действительно недоразумение? Только честно. – Я смотрю ей в глаза, в глубине души умоляя, чтобы она сказала мне правду.

Хотелось бы верить, что все, что произошло за последний час, хоть капельку нас сблизило. Я очень хочу, чтобы она мне доверилась и не побоялась открыться. Хотя мысленно в этом сомневаюсь.

– Да.

Вот и весь ответ.

Я в задумчивости почесываю свой щетинистый подбородок. Нора встает с постели.

– Ты куда?

Она подходит к двери.

– Заеду к себе за одеждой и вернусь. Мне с утра на работу.

Я вскакиваю с кровати, но приблизиться к ней не спешу.

– Я с тобой.

Нора качает головой.

– Я вернусь, не переживай. Приеду и заночую. В твоей кровати. – Ее дрожащий голос выдает неуверенность.

Она подходит ко мне, берет за руки.

– Я вернусь, обещаю. – Она припечатывает меня поцелуем. Я целую ее в ответ, обнимаю за талию, и она тает в моих объятиях.

Мы сплетаемся языками. Мне очень нравится, как она меня целует: медленно, проникновенно, с настороженной страстью. Нора впивается пальцами в мою футболку.

Проходит пара секунд, и она отстраняется.

– Я ненадолго. – Чмокает меня в щеку. – Мигом вернусь.

Я действую, как под гипнозом. Кивнул, разжал руки.

– Твоя одежда на кухне, – напоминаю я ей и заливаюсь краской.

– Я переоденусь в ванной, – говорит Нора, не спуская с меня глаз. – Этот наряд тебе сильно не по душе? – подначивает она, плутовато прищурившись.

– Нет, просто ты в нем чересчур хороша.

– Ну, смотри, я вернусь, – заверяет она, и отчего-то ее обещание прозвучало зловеще.

Нора выходит из комнаты, а я откидываюсь на кровать и прикрываю глаза.

Глава 15

Нора

Асфальт упруго пружинит под ногами, мой монотонный шаг наполнен воспоминаниями о Лэндоне. Перед глазами встает его застенчивая улыбка и морщинки в уголках глаз.

Боже, как я накосячила. Ну почему я всегда все порчу, к чему бы ни прикоснулась?

В последние дни я вдруг вспомнила, что значит чувствовать. Я была счастлива. Ну да, что такого? Подумаешь, быть счастливой! Но для меня это – подвиг. Когда живешь по чужой указке, шаг вправо, шаг влево, как будто в тюрьме, в бесконечных волнениях, то забываешь, какое оно, счастье.

– Эй ты! – окликнули за спиной. До боли знакомый голос, до ужаса, до мурашек.

Оборачиваюсь: Дакота. Стоит у витрины с художественными принадлежностями. Волнистые волосы стянуты в пучок, черная юбка чуть выше колен, громоздкая темно-синяя кофта, как будто с чужого плеча. Странно видеть ее в таком облачении после привычного спортивно-балетного прикида.

Теперь еще с ней разбираться. Не до того мне.

Она подходит ближе.

– Я спешу.

– Мне тоже некогда. Поговорим по-быстрому.

Покачивая головой, я пытаюсь пройти мимо нее. Не стоит сейчас нам общаться, вот категорически.

– У нас нет общих тем.

– Хорошо дурочку-то валять. – В ее тоне сквозит угроза.

Я оборачиваюсь, всплеснув руками.

– Что тебе еще непонятно?

– Ты идешь от него. Ты мне, кажется, обещала.

О, боже. Я откидываю голову, в исступлении закатываю глаза. Ну как дитя малое, честное слово! Неужели я должна играть в игры с этой соплячкой? Из-за того, что ей вдруг понадобилась куколка, которую она уже выбросила?

– Ты шутишь? Мы взрослые люди. Лэндон – уже большой мальчик и сам решает, с кем быть и кого любить. – Последнее слово мне дается с

трудом.

Надо было просто отвернуться и уйти. Я дала маху.

– Любить? – Дакота чуть не поперхнулась. – Ха! Ты думаешь, он тебя любит?

Не любит, конечно, куда там. Нелепо было бы заблуждаться. До этого просто не дойдет, все рухнет в одночасье.

Качаю головой в ответ.

– И правильно. Даже не думай. Нельзя влезать свиньей в чужие отношения. Ты его недостойна, – заявляет она, уперев руки в бока.

Я приближаюсь к ней, стараясь сохранять хотя бы видимость спокойствия.

– Да мне по барабану.

Дакота награждает меня кривенькой усмешкой. Совсем мелкая бестия, но порой я боюсь ее до чертиков. Помню, как напугалась до усрачки в тот вечер, когда она явилась домой проспиртованная насквозь, с квадратными глазами и принялась требовать у меня телефон. Хотела позвонить брату, сказала, им надо увидеться. Я тогда не знала подробностей его гибели, она меня особенно не посвящала, но и мне уже стало ясно, что трубку он не поднимет. А эта дурочка надеялась до последнего. Потом ее окончательно понесло – забилась на кухне под стол и рыдала. Я принесла ей стакан воды, она швырнула его в стену. Стекло полетело, как брызги.

Потом, с утра, мы с Мэгги отволокли ее кое-как в спальню. С того самого дня она стала другой, будто бы надломилось что-то внутри.

Дакота готова прожечь меня взглядом.

– Вот и правильно. Ему тоже плевать. – Она не сводит с меня свирепого взгляда, наверное, проглотила бы, если бы могла. – Хапает, все что увидит...

– Все, я поняла. Теперь оставь меня в покое. – Нечего мне указывать, куда ходить и что делать.

Я делаю шаг в сторону, однако Дакота хватает меня за руку и тянет обратно. Резко втянув носом воздух, я выдергиваю руку. Так и хочется расцарапать ей физиономию.

Она идет за мной.

– Как ты могла? Притворялась подружкой, а сама парня моего решила отбить?

– Я не знала, что так выйдет.

– Все ты знала, балаболка! Ну а Лэндону ты хотя бы созналась, что знала о нем все это время?

– Заткнись, – цежу сквозь зубы.

Тут в двух словах не объяснишь, не уличный это разговор. Лэндон думает, что Дакота мне вообще ни о чем не рассказывала, ни о нем, ни о своей любви. Я вообще ни во что его не посвящала. И все равно мы с ним – близкие люди.

Дакота чешет по пятам. Благо скоро метро. Не попретса же она со мной до Скарсдейла.

– Как только он узнает, тут же порвет с тобой. Он ненавидит обманщиц и баб, которые бегают за мужиками. И, похоже, он не в курсе, что там у тебя в Скарсдейле. – Каждое слово – как нож по сердцу. – А ведь я тебе доверяла, считала подругой. Мы приютили тебя под своей крышей, а ты...

Я так и ошалела. Очень скоро эта дурища уяснит себе одну маленькую деталь: я терпеть не могу шантаж.

– Я повесила объявление, вы ответили. Никто никому не делал одолжений.

Дакота поправляет сумку на плече.

Да что я с ней спору? Каждый раз одно и то же.

– Ага, то-то я заметила, как ты в его фотку вцепилась. Ты его сразу узнала. Все выпрашивала, что да как, да какие у нас отношения. А я, как дурочка, откровенничала. И Мэгги туда же.

Мэгги не грубила. Бывало, просиживала в ванной по два часа, красила мордашку. Но это можно простить. Вообще, я как въехала к ним, сразу почувствовала себя третьей лишней.

– Что тебе надо? – не выдерживаю я. Вот уже метро, а она так и прет за мной по пятам.

Закралась мыслишка: а не попытается ли она меня столкнуть со ступеней?..

– Мне надо знать, что у вас происходит. У вас с Лэндоном. И еще, пожалуйста, умоляю, оставь его в покое. У меня, кроме него, никого не осталось. – Мольбы Дакоты обволакивают меня со спины. Жаль, что бруклинская подземка сейчас такая безлюдная и не получится ускользнуть от нее, затерявшись в толпе.

Я спустилась до самого низа, но так и не ответила. Понимаю, ей хочется, чтобы я отстала от Лэндона, но это выше моих сил. Бесполезно даже пытаться.

– Чего тебе не хватает? – не унимается Дакота. – Ты из богатой семьи, у вас куча домов. Тебе каждый месяц денежки капают от твоего...

– Слушай! – Несет всякую чушь. При чем здесь богатство моей семьи? У меня что, к Лэндону шкурные интересы? Совсем она с катушек

съехала. – Я не знаю, что тебе еще сказать. Вы с ним расстались несколько месяцев назад, и с тех пор ты спала уже...

Та замотала головой.

– Я запуталась! Когда мне требовалось внимание, Лэндона не оказалось рядом. Мне было одиноко, а Мэгги сказала, что первый год в колледже надо побыть одной. Все так говорят. И в фильмах всегда так.

Лично мне непонятно, какая связь между любовью и колледжем. Да, надо научиться ни от кого не зависеть, разобраться в себе, понять, что тебе близко, к чему ты стремишься. Но если у тебя уже есть замечательный человек, зачем все ломать? Чтобы потусоваться вдоволь?

– Короче, я должна от него отстать, чтобы ты могла снова с ним замутить, так? – обобщаю суть нашего разговора.

– Если он меня примет. Он с самого начала был моим, задолго до твоего появления. До того, как ты увидела его фотографию.

– Мы встречались и раньше. У нас дружат родители, забыла? – Когда говоришь с Дакотой, начинаешь сомневаться в собственном здравомыслии.

– Да помню я, помню, – неспешно кивает она. – А еще помню, как ты часами о нем расспрашивала, а я говорила, что люблю его и скучаю, и однажды ты посоветовала переспать с Эйденем.

– Я хотела помочь. Ты без конца твердила, что тебе нужно набраться опыта, чтобы встроиться в жизнь большого города! – Я хоть и сдерживаюсь, но перехожу на повышенные тона. – Ты же сама сказала, что Эйден – нереальный чувак и хочется затащить его в койку. Ты сама все решила, тебе только надо было, чтобы кто-то тебя подтолкнул, чтобы ты не чувствовала себя распоследней скотиной.

У нее дрогнули ноздри, лицо приобрело зверский вид. Мне на миг стало страшно.

– Ты смеешься? Я все решила? Это кто тут рассуждает, а? Желушка ! – Последнее слово прозвучало с особенной ненавистью.

Я вся будто истерзана. Ее слушаешь – так я монстр из монстров! Как она любит посыпать соль на раны! Мало мне слышать ее признания в адрес Лэндона, так она еще и винит меня во всех своих бедах – и, что самое страшное, пожалуй, справедливо.

– Может, остановимся уже и поговорим? – говорит она с грустью.

Я оборачиваюсь.

– Чего ты хочешь? Чтобы я держалась от него за километр? Тесса – моя подруга, они вместе снимают квартиру, и Лэндону со мной хорошо. Дакота, дай ему хоть немного пожить себе в радость.

У нее задрожали губы.

– В радость? Да почему тебе знать, что для него радость?

Вопросик с подвохом. «Потому что я чувствую», – крутится на языке.

– Ну, скажи, Нора?

Так, значит, я опять Нора. В глазах защипало.

– Знаю. Хотя и не так давно с ним знакома, как ты.

Она задержала на мне взгляд.

– Ага, вот и я о том же.

На платформе стоит пара, держатся за руки в ожидании поезда. Им как минимум шестьдесят. Мужчина склонился и поцеловал свою даму в седую макушку. У меня сердце сжалось в груди.

Дакота нахмурилась, остановилась.

– Я совсем одна, Нора. Раньше думала, у меня есть подруга, но то, что ты сделала, – совсем не по-дружески.

Она права. Я и не стремилась ей стать подругой. Мне хотелось лишь одного: быть с *ним*. Мне даже не стыдно. А чего стыдиться? Она его держала за пуделька, и это несправедливо. Он – удивительный, нам до него расти и расти.

– Прости, – говорю я почти искренне. – Я не хотела тебя обидеть. Просто так вышло.

Дакота смотрит на меня, не отводя глаз, по щекам катятся слезы. Я знаю, что проявить на людях слабость для нее – хуже смерти, и потому делаю вид, будто ничего не заметила.

– Нора, у нас с ним все взаимовыгоднее. Мы любим друг друга с самого детства. Чего только мы не пережили вместе, он всегда был для меня опорой и защитой. И когда отец бедокурил, и когда умер брат... Эх, тебе не понять. Это – мой человек, единственный и неповторимый. Бывало, я обижала его – по глупости. Теперь я все сделаю, чтобы он почувствовал, как сильно я его люблю.

От ее слов меня передернуло. В горло хлынула жгучая кислота. Мне физически тяжело слышать его имя из уст этой девицы и ее рассказы про несусветную любовь.

Я молчу, не знаю, что ответить.

Ее опять прорвало. Боже, была бы такая кнопка, чтобы выключить уши!

– Для тебя это все игра. Ты с ним развлекаешься – как и он с тобой. Просто решили развеяться, – вещает Дакота. – А для меня он – вторая половина. Мне больше не на кого рассчитывать. У нас позади столько, что тебе и не снилось. Так что не обманывайся. – Она умолкает. – Извини, без обид.

Странно, но почему-то мне тоже так кажется.

– Сначала умерли мать и брат. Отца со дня на день не станет. Еще и Лэндона потерять? – Она разрыдалась и стоит, закрыв руками лицо. На нас смотрят.

Когда я успела стать такой мерзавкой?

– Нора, пожалуйста, дай мне шанс измениться, ему будет со мной хорошо. – Дакота оттирает лицо рукой и поднимает глаза. Ее плечи сотрясаются от рыданий, и я ей невольно симпатизирую.

Ну кто я такая, чтобы лезть в чужие отношения? Она, может, и несносная, но ведь есть в ней что-то хорошее, притягательное. Я не испытываю к ней ненависти и никогда не испытывала. А теперь вот она рыдает, прикрываясь дрожащими ладонями.

Да, она права, я совсем его не знаю.

В отличие от нее.

Я его не люблю.

В отличие от нее.

Не заслуживаю.

Видимо, в отличие от нее.

– Ладно. – Отвожу ее ладони от заплаканного лица.

Она оттирает глаза и смотрит на меня.

– Я уйду. – И с этими словами я исчезаю в толпе, пока она не успела мне помешать.

Глава 16

Лэндон

С тех пор, как Нора отправилась за рабочей одеждой, прошло два часа. Во всяком случае, у нее такая легенда – мол, надо сходить за одеждой. Лично я прослеживаю прямую взаимосвязь с появлением в доме таинственного незнакомца, которого, представьте, Нора знает по имени. Интересное совпадение! И как-то сразу ей потребовалось отлучиться. С таким же успехом она могла бы проснуться с утра чуть пораньше и съездить домой. Ну, согласитесь, ведь правда?

Денек выдался богатый на события. Во-первых, Нора показалась мне с новой, непознанной стороны. Я еще молчу о том, что от нее у меня начисто крышу сносит, так она еще умудрилась закрыть все шумы в моей голове. Мне с ней уютно, спокойно; я вдруг понял, что правда могу быть тем, кем мне хочется, когда она рядом. Для других я просто хороший парень, лучший друг. С ней же мне не приходится вникать в чужие проблемы, позабыв о себе.

Голова идет кругом. Хорошо, что в доме опять воцарился порядок. Хардин поорал еще немного и куда-то исчез. Вернулся минут через двадцать с новенькой дверной цепочкой. По счастью, Эллен еще не закрыла магазин. Она как раз собиралась уходить, но по его настоянию задержалась на минуточку и продала ему замок. Иначе он всю ночь не сомкнул бы глаз. Мне вспомнилось, как Тесса разнервничалась в прошлый раз, когда к нам вломились грабители, и сам отправляюсь за ящиком с инструментами, чтобы скорее уже установить этот несчастный замок.

Инструментальный ящик я получил в подарок от Кена, когда решил переехать в Нью-Йорк. Казалось бы, пустяковая вещь, но он ей дорожил – с трепетом передал мне свой набор, а потом изменившимся голосом объяснил, что здесь для чего и как этим пользоваться. Я внимательно слушал, не подавая виду, что он зря старается.

Я не сказал ему, что всю жизнь чиню вещи и вполне себе специалист, и внимательно слушал, пока Кен вдавался в бесконечные подробности. Мне казалось, что ему это нужно. Общаясь с пасынком, он неосознанно наверстывал время, упущенное в отношениях с собственным сыном.

Вставив замок, я сажусь на диван, включаю телик. Надо как-то отвлечься, чтобы не пялиться без конца на часы. Итак, что будем смотреть? Включаю «Нетфликс», листаю каналы.

Листаю, листаю.

Листаю.

Все мысли крутятся вокруг Норы. Смотрю, что мне рекомендовано в списках абонентского профиля. Вот ведь жуть, нарочно не придумаешь! Сплошная кулинария.

Список возглавляют два названия: «Джули и Джулия» и «Шоколад». Так и вижу Нору в рабочем халате, потом без него... Возможно, этот список составлен, исходя из их с Тессой предпочтений, но я воспринимаю конкретный случай как знак свыше. Листаю дальше. Я бы про Нору отдельный фильм снял, где главная героиня – красивая, умная, непостижимая женщина, которая к тому же выпекает божественные вкусняшки.

Помню, мама часто смотрела кино по каналу «Лайфтайм», и я с ней заодно. Там были реально отпадные фильмы, да-да, как ни стыдно признать. Ну а в основном, у них там надуманные сюжеты – то какая-нибудь сумасбродная нянечка пытается увести хозяйского мужа, то муж вдруг оказывается криминальным дельцом, а то и похлеще – кровожадным убийцей. Вот Нора, скажем, вполне могла бы сойти за шпионку. Мысленно пытаюсь свести воедино все факты.

Уж больно она шифруется. Таинственные поездки в Скарсдейл... «Гугл» выдал, что Скарсдейл – район для зажиточной публики, с преобладанием пожилых людей. Родители у нее в Вашингтоне, значит, там кто-то другой...

Вдруг тренькает сотовый на столе, я хватаю его и смотрю на экран.

Дакота.

С чего вдруг она позвонила?

И главное – почему так не хочется поднимать трубку?

Накатило проклятое чувство вины. Нельзя же мне вечно ее избегать. Человек-то она неплохой. Скачу между бабами, как эквилибрист на канате, недолго и оступиться.

В голове звучат прощальные слова Норы: *«Ну смотри, я вернусь»*. У нее так забавно трепещут ресницы, когда она пытается взять меня на слабо, и так нежно звучит в ее устах мое имя... Я опускаю телефон на грудь – бог с ним, включится голосовая почта, – а сам погружаюсь в фантазии о будущем фильме про Нору.

В тот вечер, когда я ее выслеживал, она переоделась, прежде чем сойти с поезда. Условно назовем эпизод «Ночь в Скарсдейле». Она переоделась в другую блузку, расплела косы и распутала пряди, встряхнув головой так, что упругие локоны запрыгали по плечам. Ни дать ни взять актриса в

рекламе какого-нибудь шампуня.

Однако хватит про ее прелести, сосредоточься на теории заговора. Поднеся к лицу руку, загибаю пальцы по мере поступления информации. Первое: внезапные поездки на метро длиною в час. Что еще? Хм-м-м... Какие-то непонятные звонки от неизвестных лиц, после которых она вдруг покидает мою квартиру. Загибаю палец. Дальше, третье. Нельзя игнорировать факт ее внезапных исчезновений – надо быть просто глупцом, чтобы ничего здесь не заподозрить. Все, набираю пять пунктов и линияю ко всем чертям в программу защиты свидетелей.

Кстати, о защите свидетелей. Может, это как раз ее вариант? У нее два имени... Вдруг ее бывший парень – мафиози?

А может, он никакой и не бывший?

Что-то у меня все вокруг мафиози. Фильмов надо меньше смотреть.

Мы с Тессой как-то на днях видели фильм, где одна дамочка болтала с мамашей, и та лила горькие слезы из-за того, что когда-то в далеком детстве позволила деточке полюбить фильм про Золушку, загубив ее будущую судьбу. Вот так и со мной. Стоило посмотреть с мамой «Крестного отца» и несколько мыльных опер по «Лайфтайм», и на тебе, теперь я убеждаю себя, что моя девушка – киллер или спуталась с мафиози.

А может, у Норы есть тайный ребенок? Ну да, она старше меня, и у нее очень ласковый голос. Я легко могу представить ее в роли матери.

Или она скрывает нечто совсем несусветное? Ну, типа, не хочет признаться, что на самом деле ей тоже нравится лимонад «Гаторейд»?

Моя фантазия вышла за всякие рамки. Надо чем-то заняться.

Срочно.

Положив пульт на столик, сажусь. Может, позвонить ей?

Она обещала вернуться. Вернется ли?

У Норы такие честные глаза. Я не дурак и не стану утверждать, будто могу понять по глазам, врет человек или нет. Но можно ли верить ее обещаниям?

«Обещаю не говорить того, о чем потом пожалею», – сказала она.

Мы дали друг другу слово и скрепили уговор крепко-накрепко; надеюсь, она свое обещание сдержит.

Если Нора сегодня вернется, то клянусь, что отныне я буду ей верить. Если она сдерживает свои обещания, я буду сдерживать свои. Не стану торопить ее с откровениями. Всему свое время, бутон должен вызреть, прежде чем расцветет.

Решив как-то отвлечься, я направляюсь на кухню и заглядываю в холодильник. Надо было сегодня проведать Тессу, узнать, как она поживает.

Когда мы виделись в прошлый раз, она цвела и пахла. И Хардин в приподнятом настроении, если не считать того инцидента в гостинной. Рассеянно блуждаю взглядом по кухне, вспоминая вкус Норы на языке, в задумчивости беру с противня кексик. Помню, как судорожно Нора вцепилась в столешницу, когда я лакал языком ее влагу. Такое не забывается.

Кончая, она издавала такие звуки, что во мне проснулось животное. В тот миг я ни о чем не мог думать. Я помешался на ней и даже если хотел бы поставить точку в наших отношениях, то попросту не смог бы. Всего несколько часов назад по всей кухне была разбросана ее одежда. Видимо, она подобрала ее и переделалась перед уходом. В моих шмотках она тоже классно смотрится.

Даже слишком.

На ней все хорошо сидит. С такой фигурой в любом балахоне будешь секс-бомбой.

Надкусываю кекс, и желудок недовольно урчит, напоминая, как давно я не ел. Еще бы, на уме одна Нора. Ах, Нора, Нора. Как бы еще что-нибудь разузнать?

В комнате сажусь на диван, вижу – пропущенный вызов, опять от Дакоты. Запускаю ноут. Сам не знаю, что буду искать, но первое, что пришло в голову, – это Фейсбук. Отличная база для шпионажа. Кликаю строку поиска, вбиваю ее имя. Нора... Так, фамилия?..

Боже, я даже фамилию не спросил.

Запускаю в волосы пятерню, беру телефон. Набираю мамин номер и ставлю на громкую связь.

Она отвечает с третьего гудка.

– А я как раз про тебя тут рассказывала. – Явно улыбается.

Смеюсь.

– Надеюсь, что только хорошее.

– Конечно. А мы тут с девочками выпивали – ну, само собой, кроме меня, и случайно столкнулись с родителями Софии. Удивительно, мы ведь только сейчас о тебе говорили.

Значит, ее родители сейчас тусят вместе с моими. Бывают же совпадения!

– М-м, э-э, п-передавай им п-п-привет. – От волнения я стал запинаться.

Напрямую не спросишь, раз она вместе с ними, но, может, как-то всплывет в разговоре фамилия.

– Лэндон передает вам привет, – щебечет мамуля, и я слышу

приглушенные голоса. Проходит пара секунд. – Мне сказали, София снова вернулась в Скарсдейл. Как же так, милый? Я даже не знала. – У меня такое чувство, что это, типа, я должен был ее известить.

Я известил бы, конечно, если бы знал.

А с чего они взяли, что она снова там, и почему именно «снова»? Если мне еще раз скажут про этот Скарсдейл, я точно с ума сойду.

Может, удастся узнать что-нибудь от родителей. Любая инфа будет только кстати.

– Я что-то забыл, а когда она там поселилась? – спрашиваю маму, и та передает им вопрос.

– Да совсем недавно. За пару месяцев до твоего отъезда в Бруклин, – отвечает мать. – Они шлют тебе большой привет, спрашивают, как тебе город.

– Передай... – делаю паузу, словно задумавшись, в надежде, что мама подхватит.

– Я передам от тебя благодарность Рахалям и перезвоню позже. Ладненько, милый?

Джсекпот .

Вбиваю в строку «Нора Рахаль», и поиск выдает мне несколько человек. Все мимо.

– Лэндон?

– Хм-м?.. Да, спасибо, мам. Я вас всех обожаю. – Даю отбой, кидаю телефон на диван.

Вбиваю в поиск имя сестры. Надеюсь, угадаю с буквами. Никакой Стейси Рахаль нет в помине, зато поиск мне выдал некую Стейси Тахан. Кликаю профиль, и появляется лицо Стейси. Я ее тут же узнал, сестры похожи. Высокие скулы, темные зелено-карие глаза. Она чуть худее Норы, лицо поуже и не такие пухлые губы. Листаю профиль. Судя по фоткам и комментариям, ее муж – хирург, Амин Тахан, сделал отличную карьеру. Просматриваю фотографии с наградами и кучей дипломов.

А я работаю в кафе...

Меня в такую семью и не примут.

Нащупав кое-какие ориентиры, нахожу в общей массе альбом под названием «Бандол», созданный пару лет назад. Щелкаю папку. На экран загружается штук пятьдесят фотографий. Сестре Норы надо бы обновить настройки приватности. Любой маньяк получит о ней кучу сведений, потратив всего пару секунд. Особенно учитывая, какие все это кадры. Глаз зацепила одна фотка: Стейси в тонюсеньком красном бикини, муж с идеальным рельефным прессом, она целует его под звездным небом.

Листаю дальше, ищу фотки Норы. На глаза попадает полоска купальника. Увеличиваю картинку. Нора, собственной персоной, в желтом бикини на ляпочках, в котором едва умещаются ее круглые бедра. Рядом какой-то мужчина с копной густых черных волос. Она смеется, он прижимает ее к себе, обняв за талию. Собственнический разворот плеч, крепкая самолюбивая челюсть. Не-е, реально, такой острой костью можно мясо крошить. Трогаю свой подбородок – разве что теплое масло промнет.

Смотрю на фотку до ломоты, до рези в глазах.

Кто он такой ?

Пролистываю сверху вниз в надежде найти подписи или метки – по нулям. Открываю следующую фотку. Ноги Норы ласкает океанская волна, на коленях ноутбук. В том же желтом бикини, однако мужчины нет. Волосы заплетены в две косы, и она здесь загорелее, чем теперь.

Как же она хороша!

Стук в дверь. Я вздрагиваю от неожиданности. *Нора, только бы Нора .*

Отираю о штаны запотевшие ладони, открываю дверь.

Как ни странно, это действительно Нора. На ней черные брючки и красная блузка с глубоким вырезом. Красная помада, темная подводка.

– Привет, – говорит она.

А губы такие... такие... не описать. Какое небывалое облегчение видеть ее на пороге.

– Привет.

Придерживаю перед Норой дверь, пропускаю вперед. Она легонько касается меня плечом.

Я захожу следом и разворачиваюсь, а она хватает меня за футболку и жадно впивается в мои губы.

Глава 17

Прижав меня к двери, Нора жарко дышит мне в лицо, ее ненасытные руки гуляют по моему телу, и я с трудом перевожу дух. Она нежно оттягивает мне зубами нижнюю губу. Я подношу руку к ее груди, обхватываю ее ладонью, касаюсь пальцами напряженного соска. Лифчика нет.

Нора отстраняется, и я тянусь вслед за ней. Красные пятна помады размазаны по ее пухлым губам, и я инстинктивно облизываюсь, чтобы вспомнить недавний вкус.

– Я... – начинает Нора – и тут же замолкает, подбирая слова. Обводит глазами комнату, глядит на меня. Открыв рот, хочет что-то сказать, но словно бы не решается.

Что-то мне уже страшно. Она мастерица придумывать, почему мы не можем быть вместе, а мне сейчас больше всего хочется обхватить ее за талию и прижать к себе, позабыв о плохом и хорошем.

– Что это на тебе? – Ее блузка меня завораживает.

Нора слегка растеряна. Оглядела себя с ног до головы и спрашивает:

– Ты про одежду?

Думай, что говоришь, болван. Пытаясь как-то выкрутиться из неловкой ситуации, я беру ее за руку и притягиваю к себе. Нора не противится.

– Я скучал, пока тебя не было, – говорю я сквозь поцелуй. Она такая теплая, как летняя ночь в Мичигане. Все вокруг разморенное, влажное, и во дворе мерцают светлячки. Бывало, наловлю светлячков, посажу в банку, люблюсь, а потом выпускаю. Нора такая же, как светлячок, удивительная и яркая, и не терпит неволи.

Она прикладывает ладонь к моему животу и спускается ниже, задирая футболку. Скользит ноготками по коже, и мне вспоминается наш первый раз. Тогда она тоже вела пальцем по животу, и мне следовало схватить ее за волосы и впиться поцелуем, попробовать губы на вкус. Я не знал и не сделал того, что умею сейчас.

Ее рука опускается ниже, ниже, легонько проводит по возбужденному члену. Нора управляет моим телом на уровне интуиции. Ее язык нервно подрагивает на моем, словно поддразнивая, и я, взявшись за край шелковой блузы, задираю ее наверх, обнажая грудь.

Нора берет в руку мой член, и знакомое томление охватывает низ живота. Я постанываю, она жмет сильнее. Крепко держит, на уровне боли, но все перекрывается удовольствием. Я опускаю руку к ширинке, расстегиваюсь, и Нора свободной рукой помогает стянуть с меня брюки.

– Мы одни? – спрашивает она грудным голосом.

С моих губ срывается смешок. Я опускаю взгляд на свои спущенные штаны.

– Не поздновато ли спохватилась?

Закусив губу, Нора смеется и опускается на колени. Уверенным движением стягивает с меня боксеры, и мне завидно, насколько естественно она обходится со своей сексуальностью. Она меня раздевает, и даже руки не дрожат. У нее не подергиваются губы, когда я провожу по ним языком. Я же, напротив, весь нервный, ладони трясутся, постанываю... Я совершенно неспособен излучать сексуальность.

Может, кем-нибудь притвориться? Героем-любовником из романа. Он слово скажет – и девушка готова выпрыгнуть из трусов. Впрочем, невероятно сложно сосредоточиться на собственном облике, когда тебя затягивает хоровод ощущений.

Я опускаю взгляд на прекрасную и загадочную девушку и сдерживаюсь из последних сил. Это трудно, скажу я вам, когда перед тобой такие красные губы и такие голодные глаза. Нора влажно целует меня в самый кончик, и я, постанывая, хватаюсь за дверной косяк, чтобы не рухнуть.

– М-м, – она снова целует, – ты такой вкусный.

Волна острого удовольствия пронзает меня от паха до груди.

– Нора, – шепчу ее имя, и оно растворяется на языке, словно сахарная вата.

Алые губы расходятся, и она принимает меня в свой рот. Она так прекрасна. Взгляд темных глаз навевает лишь одну мечту: насытить ее своим семенем. Однако надо держаться. *Пожалуйста, пусть в этот раз будет подольше.*

Я смотрю, как она меня пробует и смакует, и мне вспоминается ее божественный вкус, нежней самых нежных кленовых квадратиков, что пекла моя мама.

Хватит о маме! Хотя не помешает отвлечься, подумать о чем-нибудь несексуальном, чтобы еще продержаться. Когда теплый язык Норы начинает шершаво ласкать самый кончик, я экстренно вспоминаю про учебу.

На следующей неделе – экзамен.

Работа! Завтра мне на работу.

Я отвожу взгляд, и Нора, вдруг отстранившись, спрашивает:

– Тебя что-то тревожит?

– А? – рассеянно моргаю я. – Ничего.

Нора усаживается поудобнее и опускает руки на колени.

– Врун, – нежно говорит она. – Колись уже.

Я делаю глубокий вдох. Что прикажете ей отвечать? *Прости, я пытался не кончить за пять секунд, как в прошлый раз.*

– Наверное, просто задумался.

– О чем? – спрашивает она, склонив набок голову. Ее щеки тронул румянец... О нет! Я не хочу, чтобы она решила, будто мне не понравилось.

– Задумался? – переспрашивает она, потупив взгляд. Слегка подается назад – на полдюйма, не больше, но это расстояние – словно сквозная рана в моем сердце.

Склонившись к ней, я беру в ладони ее лицо и приподнимаю.

– Не о плохом, – заверяю я. – Я нервничал.

– Нервничал? Из-за чего?

– Да так. – Я провожу пальцем по ее щеке, и она прикрывает трепещущие веки. – Я хотел показаться крутым чуваком, а не как в прошлый раз. В прошлый раз получилось по-идиотски.

Нора подалась вперед, и моя рука соскользнула с ее щеки.

– По-идиотски? Как это?

Меня бросило в жар. Жутко стыдно.

– Я так быстро кончил, и...

Нора встает, прерывая меня на полуслове.

– Больше никогда так себя не называй, – говорит она с хрипотцой и глядит на меня сердито. – Если ты идиот, то что тогда я делаю с идиотом? Ты оспариваешь мое представление о тебе. И кстати, тут нет ничего постыдного. Ты доставил мне удовольствие. К тому же приятно знать, что ты заводишь кого-то настолько, что он не может сдержаться.

Меня охватывает невероятное облегчение, словно с плеч упал груз.

– Но это не сексуально.

Смерив меня суровым взглядом, Нора добавляет:

– Давай ты не будешь решать, что для меня сексуально, а что нет.

– Прости.

– И прекрати без конца извиняться. Тебе не в чем себя винить, Лэндон. Ты ничего плохого не сделал.

Если так поразмыслить, то я всю жизнь перед кем-нибудь извиняюсь. Даже за то, в чем не виноват. Я тереблю в руках подол своей рубашки,

пытаясь хотя бы отчасти прикрыть наготу.

– Если бы я не считала тебя сексуальным, то не стояла бы сейчас на полу на коленях. И нечего косить под свои представления о привлекательности. Тебе ведь сейчас хочется быть со мной?

Я киваю.

– Скажи словами, мне надо услышать.

Еще бы. «Слов не существует, пока их не скажешь».

– Да, да, больше всего на свете.

– Я поняла.

Нора опять опускается на пол.

Как бы привлекательно это ни выглядело, по-моему, несправедливо, что она стоит передо мной на коленях.

Это я должен стоять перед ней, а не она.

Беру ее за руку и притягиваю к себе. Она поднимается в полном смятении.

– Пойдем в постель. Давай сделаем это в постели.

– Ну, если хочешь, – отвечает она с лукавой улыбкой.

Не особо задумываясь, я подхватываю ее на руки и несу в свою комнату. Брюки болтаются на лодыжках, я высвобождаю ногу, но идти все равно неудобно. Ни за что не отпущу Нору, лишь бы только не уронить. Лучше уж год отсидеть в Азбакане.

Добравшись до коридора, я скидываю, наконец, злосчастные брюки и преодолеваю остаток пути без штанов. Нора тихо хихикает, уткнувшись мне в шею. Я тщетно пытаюсь открыть дверь в спальню; Нора, видя мои мучения, протягивает руку и придерживает передо мной дверь.

Я переступаю через порог и слышу шлепок – она ударилась ногой о косяк.

– Ай!

Черт .

– Прости! – В два шага преодолеваю оставшееся расстояние и роняю ее на кровать.

– Я, кажется, ногу сломала, – смеется Нора, вцепившись рукой в красную отметину на подъеме стопы.

Я даже не заметил, когда она успела снять туфли. Впрочем, в ее присутствии мне не до мелочей.

– Теперь поняла, почему я так нервничаю? – Я присаживаюсь с ней рядом.

Нора склоняет голову на мое плечо.

– Я тоже скучала, пока меня не было, – признается она, вторя моей

недавней реплике.

Какое-то время я молчу, не решаясь спросить. Наконец, выдаю:

– Где ты была?

Она оборачивается и качает головой. Молча.

– Ты меня обманываешь?

Это выскочило в порядке шутки, но у нее отчего-то напрягается спина. Между нами словно всколыхнулся поток энергии. Нора улыбается, однако улыбка насквозь фальшивая.

– Не рано ли вести речь об обманах?

Теперь мы поменялись местами – нервничает она. Отчего-то я чувствую, что ей очень больно.

Я склоняюсь поближе и всматриваюсь в ее лицо.

– А не пора ли?

Ее губы дрожат; вроде бы хочет что-то сказать, но не решается.

Ну, нет так нет.

– И не смотри так, – бормочет она.

На некоторое время в комнате водворяется тишина. И тут сквозь молчание прорезается ее голос – слабенький, практически неузнаваемый:

– Я просто хочу быть твоей.

Чтобы она больше ничего не сказала и не забрала назад свои слова, я поворачиваю к себе ее лицо и прижимаюсь к ней ртом. Обхватив ее щеки, проталкиваю язык между ее губ. Нора лежит, раздвинув в стороны ноги, и я протискиваюсь между ними, не переставая ее целовать. Целую дольше и глубже. Целую остервенело. Внутри все горит. Приподнявшись, люблю ее лицом, пожираю глазами, сантиметр за сантиметром. На нее можно смотреть тысячу лет, и все равно не пресытишься. Уголки ее рта словно подняты кверху, но она совершенно не улыбается.

От лица Норы меня отделяет лишь несколько дюймов. Я склоняюсь и глажусь носом о ее нос; у нее мелко трепещут веки, изо рта вылетает гортанный звук.

– Ты все еще думаешь?

– Лишь об одном.

Она не сводит с меня настороженных глаз.

– И о чем же?

Вместо ответа я подаюсь к ней, сжав в кулаке длинные волосы, завожу руку под спину и приподнимаю ее, притягивая к себе. Не припомню, чтобы мне когда-нибудь так сильно хотелось слиться с человеком, превратиться в единое целое.

Поддерживая рукой под шею, переносу другую руку под ее ягодицы,

нежно лаская податливую плоть, и стоны Норы вливаются в мои уши, наполняя спальню, квартиру, квартал, город, мир.

Ради всего этого она была создана. Она была создана для меня.

Нора берет мою руку и направляет ее вперед, между бедер. На ней тесные брючки из тоненькой ткани. Я ощущаю ладонью ее мокроту. Боже, эта женщина меня точно угробит.

– Не прекращай, Лэндон, только не прекращай.

Прозвучавшие слова – точно искра в сухом лесу, и меня больше нет в собственном теле. Я смотрю на нас сверху, откуда-то с неба, и удивляюсь, за что снизошла на меня такая вот благодать.

Запустив руку за пояс ее брючек, я торопливо расстегиваю пуговицу за пуговицей. Нора приподнимается, чтобы помочь, и я окончательно пропадаю. Стоило лишь посмотреть на нее – на красную шелковую блузку с низким вырезом, на полные груди, которые чуть не вываливаются оттуда, на красные трусики... Сердце судорожно заколотилось в груди, рискуя вырваться на свободу.

Я не в силах поверить, что достоин такой красоты. Тяжело дыша, она подносит к моему лицу дрожащий палец и очерчивает мой рот. Я целую ее в палец, она стонет, не переставая ласкать мои влажные губы. Я обхватываю губами кончик ее пальца и нежно прикусываю. Ее бедра приподнимаются над кроватью.

– Лэндон. – Мое имя невесомо, как прах.

– Нора.

Сбросив красные трусики, она направляет меня к себе, чтоб я вошел.

– У тебя есть?..

Что есть? О чем она?

– Ты о чем?

– Презерватив.

Блин .

– М-м-м... – Кажется, где-то завалялся. Был или нет? *Где место презервативу?..*

Внутри Норы, где же еще.

– Я принимаю таблетки, – говорит она, но вид у нее какой-то неуверенный.

Вскочив с постели, я бросаюсь к комоду и в ворохе трусов и носков нашариваю пластиковую упаковку, потом снова прыгаю к Норе. Твердой рукой она помогает мне и направляет в себя. Я целую ее губы, щеки, подбородок и даже прикрытые веки. Она со вздохом обхватывает меня руками за спину, притягивая к себе, призывая, чтобы я вошел. О, это

чувство!.. Никогда ничего подобного не испытывал. Ее тело, мягкое и податливое подо мной, с изгибами и округлостями, такое ухоженное и загорелое... Я не снимал с нее блузку, груди просто вывалились наружу. Она замечает, что я люблю ее прелестями, и, оттянув ткань, высвобождает груди из тесной блузки. Склонившись, подцепляю ртом нежный темный сосок. Мягко покусываю, и с губ Норы срывается тонюсенький всхлип.

Она обхватывает меня за спину и подтягивает к себе.

– Тебе хорошо, Лэндон?

Я медленно вхожу в нее, смакуя невыносимое ощущение, когда меня обхватывает ее лоно. Кивнув, подношу губы к ее губам. Я медленно двигаюсь, туда и обратно. Туда и обратно. Я не просто ее нежно люблю: я ею обладаю.

Она целует меня, и ее сердце заходится стуком в груди. Мы сливаемся воедино. Ее ноги вдруг замирают и напрягаются, она жарко шепчет мне на ухо: не прекращай. Я не прекращаю, и, наконец, я словно расщепляюсь надвое и падаю на нее, исходя вздохами, и мы вместе пытаемся отдышаться.

Я скатываюсь с ее теплого тела и ложусь рядом на постель.

– Это что-то... – говорю я, переводя дух.

– Нереальное, – заканчивает фразу Нора.

Глава 18

Развалившись поперек моего туловища, Нора отдыхает. Она поигрывает волосами на моей груди, наматывая их на палец, а я молча за ней наблюдаю. Тихонько гудит кондиционер, а в воображении вновь и вновь прокручиваются события последних минут. С лица Норы еще не сошел возбужденный румянец, лицо пышет свежестью. Она нестерпимо прекрасна. Нора успела снять блузку и теперь лежит совсем голая, из всех украшений на ней лишь глаза да пухлые губки, да тату с одуванчиком посреди спины.

– Знаешь, до тебя ни один любовник не был со мной так нежен, – делится Нора, не поднимая глаз. Она смотрит на мою грудь, не переставая поглаживать.

Меня так и подмывает ответить: *«Знаешь, еще никто никогда не называл меня любовником»*, – но я сдерживаюсь.

– Это хорошо? – Я морщусь при мысли о плетках, наручниках и прочем маразме, которым в последнее время все увлеклись. А может, я слишком нежен? Чересчур? По крайней мере, так когда-то считала Дакота, не то чтобы мне хотелось все это припоминать...

Нора сияет от счастья.

– Еще бы, конечно!.. Впрочем, – она задумчиво меня созерцает, – иногда мне хочется, чтобы ты был жестче.

От этих слов мне становится на удивление хорошо, меня вдруг переполняет дикая радость от того, что ей хочется все повторить. Мое истомленное тело вновь страстно желает оказаться внутри нее. Надо только определиться со степенью «жесткости». Мне, конечно, еще предстоит узнать многое в неизмеримом разнообразии секса. Я боюсь причинить ей боль, не сумев вовремя распознать рамки дозволенного. Я понимаю, что между простым традиционным сексом и жесткачом есть существенный серый спектр, но на что именно ориентируется она, мне пока непонятно.

– Насколько жестче?

Взяв в руку мою ладонь, Нора подносит ее к косе. Обхватив пальцами черную прядь, она легонько оттягивает ее назад. У меня дрогнул член.

– Достаточно жестко, – отвечает она и заговорщически улыбается. Начинает тереться об меня. Такое чувство, что наши тела подстроены друг под друга. – Ну как, хочешь попробовать? – У нее хриплый голос. Она

опускает голову к моей груди и проводит языком по затвердевшему соску, легонько царапая зубками и поигрывая языком. Это приятное ощущение молниеносно отзывается в паху. Никто никогда там меня не касался, тем более ртом. Сердце забилося сильнее, чем обычно, я возбужден и немного напуган. Не потому что не хочется, а потому что впервые. Кто-то где-то сказал, что между возбуждением и страхом – тонкая грань удовольствия, так, видимо, на эту грань я как раз сейчас и попал.

Киваю, чуть припозднившись с ответом.

Нора прижимается губами к моей груди.

– М-м, как я обожаю твоё тело.

Её ладони скользят вверх, по шее, и начинают ласкать мою влажную кожу. Я так и зарделся от похвалы. Она поглаживает мою спину, потом снова грудь, и мне стоит огромных усилий, чтобы не начать перед ней извиваться.

– Тебе ведь не приходится качаться, чтобы так умопомрачительно выглядеть, да? Это природное? – И, словно бы спохватившись, она добавляет: – Молчи-молчи, мне приятнее думать, что ты дважды в день потеешь в тренажерном зале. – Нора скользит пальцами по груди и спускается вниз, к животу, прослеживая длинными ноготками рельеф моих мышц.

– Обожаю твою фигуру. – Я сжимаю её полные ягодицы, и она мурлычет. Мурлычет, как кошка, от моего прикосновения, и мне приятно. – Мужчины поклонялись таким женщинам испокон веку. – Вспоминаются древние чаровницы, кружившие головы сильному полу. Несмотря на всю мою склонность к истории, в присутствии Норы, когда она лежит обнаженная возле меня, я не в силах назвать ни единого имени.

– Это вряд ли. – Она саркастически фыркает. – Я не имею ничего против своей фигуры, но мне потребовалась уйма времени, чтобы хоть как-то с ней примириться. В подростковом возрасте моя жизнь была просто невыносима. По телевизору – одни худосочные телки. Сисек ноль, кожа да кости. То же самое в частной школе – сплошь тоненькие блондинки, дочурки богатых папаш. И такие везде – в журналах, в фильмах, в коридорах, – только я, как ненормальная.

Мне стало жаль ранимую девочку, живущую в её душе. Помню, с Дакотой, которая смуглее Норы, происходило почти то же самое, и я был рядом, когда стали всплывать эти проблемы. Если в обществе бытует определенное представление о том, как должна выглядеть женщина, то что делать девушкам наподобие Норы, в чьих жилах течет смешанная кровь, – на кого прикажете ей равняться?

Я пытаюсь представить Нору счастливой и радостной девочкой-подростком, и мое лицо расплывается в улыбке.

– Я бы с радостью тогда с тобой подружился.

Она тихо хихикнула.

– Очень сомневаюсь. Я была дикая и необузданная. Для тебя – чересчур.

Для меня – чересчур? Мне снова напомнили, что я – отнюдь не душа компании. Отчего это скромным вдруг стало быть плохо? Чего вообще не хватает этим женщинам и девчонкам? Скорость им подавай, ночные гонки, если спорить – так с пеной у рта, если чувства – так чтобы трагедия? Неужели нельзя полежать на диване в обнимку и посмотреть вместе кабельное?

Как там принято говорить... посмотреть фильмец, оттянуться?

– Я вечно косячила, попадала в какие-то передряги, и в школе, и дома. В общем, родителям часто приходилось из-за меня краснеть.

Я касаюсь пальцами ее голой спины. Поразительно, даже спина, оказывается, может быть сексуальной. Длинные мышцы спускаются вдоль позвоночника, переходя в пышные ягодицы. Я глажу их пальцами и ласково стискиваю.

– Каждый привлекает к себе внимание по-своему.

Что-то изменилось в ее взгляде. В глубине заплясал огонек.

– Не уверена, что боролась за внимание.

Я ее случайно уязвил.

Дурак.

– Прости, не хотел тебя обидеть. – Черчу пальцем круги на ее коже. Надеюсь, она не отодвинется. Мне нравится лежать, прижавшись к ней. Меня словно окутывает ее тепло.

Нора вздыхает, облизывает пересохшие губы.

– Да ладно... – Она устремляет рассеянный взгляд в потолок. – Хотя, наверное, мне действительно не хватало внимания. Центром вселенной всегда была Стейси, мама с папой души в ней не чаяли, а я – так, пятнышко на небосклоне. Тусклое и неприметное.

Тусклое и неприметное? В ее голосе слышится тоска. Я рассматриваю лицо Нору, пытаюсь запомнить его в мельчайших подробностях. Мелкие веснушки на лбу и крохотный шрам на подбородке – светлый, почти неприметный. Провожу по нему большим пальцем. Интересно, откуда он взялся?

Мне вспоминается ее звонкий смех, неумная речь, ослепительная самоуверенность. Нет, это – явно звезда. Если бы люди были звездами,

Нора стала бы главной, Полярной.

– Ну а ты? Как прошло твоё детство? Ты был необузданным вепрем? – Она хихикает.

Я качаю головой.

– Не думаю. Я читал, тусовался с друзьями.

– Друзей было много?

– Да нет, раз-два и обчелся.

– Видимо, в вашей школе учились не самые умные дети, раз они проглядели такое сокровище.

Я засмеялся.

– Ну, это лишь твоё мнение.

Её пальчики взбираются по моему подбородку.

– Единственно верное. Если бы у меня в школе был такой друг, то жить было бы куда легче. И, кстати, – говорит она, поигрывая щетиной на моем подбородке, – для Тессы ты настоящий оплот. Ей здорово с тобой повезло.

Я застенчиво отвожу взгляд. Нора снова берет меня за подбородок и разворачивает к себе.

– Я не шучу. Ты действительно редкий человек. Это прозвучит странно и по-подхалимски, но редкий – ещё мягко сказано.

У меня зарделись щеки.

– Ради Тессы я на все готов.

– Ещё бы, не сомневаюсь. – Теперь Нора отводит взгляд. – А что ты любил читать?

Ну вот, опять переходим на нейтральные темы. Ладно, я не против, хорошенького понемножку. Надо же передохнуть хотя бы часок между комплиментами и сексом.

– В основном фэнтези. «Властелин колец», «Гарри Поттер». Любил антиутопии. В смысле книг я всеяден.

– А я терпеть не могу антиутопии, – кривится Нора.

Шуточно подтолкнув её в плечо, я подначиваю:

– Да ну? Как такое возможно?

Состроив недовольную рожицу, она приподнимается на локтях. Подтыкает волосы за ухо, облизывает пересохшие губы и говорит:

– Запросто. Сейчас объясню. Там в каждой книжке непременно главная героиня – какая-нибудь крутая девчонка лет пятнадцати с кучей друзей. Они там бегают, сражаются и типа всей ватагой спасают мир. Я, например, в пятнадцать лет в себе-то не могла разобраться, куда уж там мир спасать.

– Неправда! Ты запросто могла бы спасти мир.

– Ну, сейчас-то – пожалуй, – кивает она. – А тогда? Я была серой напуганной мышкой и постоянно находила неприятности на собственную попку. Вот скажи мне, где книги про недотеп?

Нора так распалилась, что нравится мне еще больше.

– Не знаю. Может быть, ты как раз и напишешь.

От ее улыбки у меня сперло дыхание.

– Ну да, может, и напишу. Она точно станет хитом.

Не сомневаюсь. Я бы с радостью прочитал любое ее произведение. Я и сам нередко подумывал что-нибудь написать, но пока что у меня не слишком насыщенная жизнь.

– Ты не проголодался? – Нора усаживается на постели, и я не свожу с нее глаз.

– Я вечно голодный.

Подхватив меня за руки, она тянет с постели.

– Пошли. Я нам что-нибудь приготовлю.

– Или найдем другое занятие? – спрашиваю я, осмелев.

Нора удивленно вскидывает брови.

– Еще успеем, вся ночь впереди, – отвечает она с шаловливой улыбкой и стаскивает меня с кровати.

Глава 19

Мы вроде как бы оделись. Она – без лифчика, в моей университетской футболке и моих же спортивных трусах. Я – в хлопковых трениках. Хотел натянуть футболку, но Норахватила ее у меня из рук и зашвырнула к противоположной стене.

Помотав головой, тащит меня из комнаты. У нее крепкие теплые ладони. Взявшись за руки, мчимся на кухню. Она рванула прямиком к холодильнику, я примостился у столика и жду.

Из-за распахнутой дверцы на миг показалась ее голова.

– Ты любишь капусту?

Меня передернуло.

– Да кто ее любит?

Помню, мама готовила капустные рулеты. Они так воняли, что два дня невозможно было ходить по дому. Блевотина.

– Ты давно ел ее в последний раз?

Качаю головой.

Кивнув со знанием дела, Нора закрывает холодильник.

– Попробуешь мой рецепт? Если не понравится, сделаем пиццу.

Я бы сейчас предпочел заняться кучей других разных дел, куда более интересных. Причем в основном все идеи связаны с полуголой Норой... Ну разве что поесть капусту с ее живота.

Интересно, смогу уломать?..

Нора направляется ко мне со здоровенным кочаном в руках, улыбаясь во все тридцать два.

– А давай так? – Убирает кочан за спину. – Ты съедаешь две ложечки, а я взамен испеку печенье.

С дразнящей улыбкой облизывает губы и отходит на шаг. Молчу, что ради таких губ я готов практически на все.

– Хм-м. – В задумчивости прикладываю к подбородку палец, как будто взвешивая «за» и «против». Мне нравится ее поддразнивать. Она вся разгорается, пышет искрами, а на лицо наползает сияющая улыбка. – А печеньями покормишь из рук?

Кивает, озарившись улыбкой.

– И печеньями, и капустой.

Направляюсь к ней и, прижав ее к холодильнику, шепчу на ухо:

– Ну держись, ты сама напросилась.

Выскользнув из моих объятий, она принимается за дело. Через пару минут духовка уже под парами, а Нора разобрала весь кочан и успела его накрошить.

Я все прокручиваю в голове недостающие части головоломки. Начинаю с невинных вопросов.

– Ты выросла в Вашингтоне?

– Нет, – качает головой. – Сначала, в детстве, я жила в Калифорнии. Оттуда мы переехали в Лас-Вегас, а потом в Вашингтон.

– Ого. – Вспоминаю свой переезд из Мичигана. Мир как будто перевернулся, встал вверх тормашками. Первые месяцы я дико скучал по дому, по школе и девушке. Честно сказать, по Дакоте я еще долго скучал, вплоть до нынешнего момента. Мне до сих пор ее иногда не хватает. Где-то в тайных чертогах заворачалось чувство вины.

Лас-Вегас, Калифорния... я никогда там не был.

– В Вегасе небось отрывалась по полной? – поддразниваю я.

Словно в ответ Нора просит принести ей оливковое масло. Иду к шкафчику. Понятия не имел, что у нас оно вообще есть.

Нахожу масло, она протягивает руку. Поднимаю бутылочку над головой.

– Так как, отрывалась по полной? – повторяю вопрос. До бутылки ей не дотянуться.

Ее занимает такая игра. Она переводит взгляд с бутылочки на меня, с меня на бутылочку.

– В общем, и да, и нет. Мне тогда было шестнадцать.

Подошла, встала впритирку, пытается дотянуться.

– Расскажи про «и да».

Она еще сильнее прижалась ко мне. Теперь ее грудь упирается мне в живот, и удерживать руку на весу становится все труднее. Проведя нежно пальцами по моим треникам, Нора уцепилась за набухающий член. Не могу сдержать стон.

Ее рука заходила вверх-вниз, прямо по ткани. Перед глазами все поплыло, голова закружилась.

– Поймала, – обрадовалась она, и я сразу не понял, о чем идет речь.

Туманными глазами смотрю на бутылку с оливковым маслом в ее руке.

– Ты смухлевала! – хватаю Нору за руки и подтягиваю к себе. – Так нечестно.

Ощущаю губами ее шелковистые волосы. Они пахнут кокосом. Целую в макушку, она так и тает, прижавшись ко мне. Приподняв ее пальцами за

подбородок, смотрю в глаза.

– А никто не говорил, что будет игра по-честному, – отвечает с хитрящей улыбочкой.

Я подаюсь вперед, чтобы прижаться к ее губам, а она уклоняется и ловко выскальзывает из моих рук. Вернувшись к плите, оборачивается и подмигивает. Адская женщина. Хороша, чертовка.

Пока Нора говорит, я стараюсь ее не трогать, держу руки в узде. Она рассказывает о родителях и особняке в Лас-Вегасе, о том, как все лето училась играть на пианино. Уроки музыки, личный бассейн и горячее солнце Невады. Райская жизнь.

Обминая капустные листья с оливковым маслом, Нора рассказывает про сестру и про то, как она смешно ее разыгрывала, и про одну зиму в Южной Калифорнии, которую и зимой-то назвать нельзя. Рассказывает про пальмы и жуткие пробки на дорогах. В ту зиму она завела себе подругу по имени Педра; ее брат вскоре стал мужем Стейси, сестры Норы. Это тот самый врач, которого я нашел в интернете. Тот, с кучей дипломов и большой белозубой улыбкой. При воспоминании о той зиме у нее на лице появляется болезненное выражение, и мне вспоминается кукольный Кен с фотографии в профиле.

– У тебя был парень в Калифорнии?

– Типа того, – отвечает она, не глядя на меня.

Явно что-то скрывает. Неспроста это, неспроста. Еще немного, и я с ума сойду.

– Ну и как он? – спрашиваю я, хотя сам понимаю, что она не станет распространяться.

Нора открывает духовку и ставит на решетку плоский противень с зелеными листьями. Забывает время на таймере и, наконец, поворачивается ко мне.

– Ты уверен, что хочешь вдаваться в подробности? Если мы это затронем, потом дать задний ход не получится, учти.

Хочу ли? А что мы такого «затронем»?

Конечно, я хочу знать о ней все, но как я поведу себя перед лицом правды? Может, лучше немного потянуть время? Ну что плохого в неведении? Не зря ведь говорят, что неведение – благо.

Нора стоит, сложив руки перед собой, и выжидающе на меня смотрит. Да, по-моему, я готов еще немного протомиться в «благом неведении».

– Какое у тебя любимое блюдо? – В ее взгляде проступило нескрываемое облегчение, и по моей спине пробежал холодок – не чересчур ли она напряглась для рядовой ситуации?

Глава 20

Нора оказалась права. Капуста у нее бесподобная. Небо и земля в сравнении с мамиными пахучими рулетиками из детства. Она сняла листья с кочана, тонко их нашинковала и выложила на тарелку, с которой мы будем лакомиться. И все. Блюдо превзошло все мои ожидания. Нора уселась на кухонную столешницу и скармливала мне кусок за куском. Капуста была соленая, с чесночком, и, учитывая, что каждую порцию она припечатывала поцелуем в губы, я так всю сковороду и умял.

– Я ведь говорила, что получится вкусно. – Нора плеснула жидкого мыла на сковороду, взялась за посуду, и мне подумалось, что я должен хотя бы предложить помощь.

Наверное.

– Помочь тебе?

Нора оборачивается с удивлением, и ее губы расплываются в полуулыбке, словно я держу в руках беленького щеночка.

– Давай кое-что проясним, – начинает она, облизнувшись, и я к ней подхожу. – Мало того, что ты ведешь себя как святой, у тебя божественная фигура и разум философа, так ты еще и с посудой помогаешь?

С каждым словом я раздуваюсь от гордости.

На губах Норы играет восторженная улыбка. Мне нравятся ее неприкрытые эмоции. Она не потонула в моей рубашке – та в обтяжку сидит на груди и бедрах. Теперь рубашка пропитается запахом Норы, больше не буду ее стирать. Ну, может, и постираю когда-нибудь, но точно не сейчас. В последнее время у меня вообще мало скапливается белья.

Я стою позади нее, а она рассеянно моет посуду. Задумчиво трет губкой сковороду – о чем замечталась?.. Может, о том, какой я помощник? Неужели путь к ее сердцу совсем не тернист?..

Поразмыслив, я отвечаю:

– Так и есть, крохотуля. Я мою посуду.

Зажав пенную губку в своих длинных пальцах, Нора окунает ее в мыльную воду.

– Еще раз, что там про *крохотулю* ?

Она слегка запрокидывает голову, и взгляду предстает ее шея. Не знаю, умышленно она меня распаляет или так просто получается. По-любому, я редкий счастливец.

– Я ведь старше тебя.

Я беззвучно смеюсь, и ее шея покрывается мурашками. Интересно, это на меня она так реагирует? Охренеть! По ходу, на меня. Обхватываю Нору за талию, она подается ко мне, целую ее под горлом, чуть выше изгиба.

– Зато я крупнее. – Еще один поцелуй. Мой язык скользит по теплой коже, и Нора стонет, изнемогая. Плавно переведя руки к ее бедрам, легонько сжимаю.

– Крупней? Да уж прям? – Она подается назад, прижимаясь ко мне ягодицами.

– А вот и да. – Положив ладони на ее грудь, нежно потираю и глажу. Нащупав под тонкой футболкой соски, чуть прижимаю их пальцами, и они моментально твердеют. Берусь за них и кручу, и каждый от прикосновения становится тверже. Нора уже стонет, прерывисто дышит и подвывает.

Посуда забыта, ее ладони застыли в воде. Я скольжу рукой по ее животу и останавливаюсь, не зная, стоит ли двигаться ниже. Она, словно угадав мои мысли, бросает на меня взгляд через плечо.

– Делай все что захочешь, как раньше, ты помнишь?

С ней не надо ничего изображать и волноваться о производимом впечатлении. Можно быть сильным или слабым, крутым или робким. С ней не приходится преодолевать мучительные сомнения, обдумывать каждый шаг и произнесенное слово. Я через все это вправе перешагнуть. Рядом с ней просто спокойно и не нужно слов. Такого я никогда не испытывал.

Повернув кран, Нора выключает воду, споласкивает руки.

– Чего тебе хочется? Скажи. – Двигая бедрами, она трется о меня задом. – Не бойся. Я хочу тебя. Ты мне нужен.

– Повернись, – рычу я, едва узнавая свой голос.

Нора без колебаний разворачивается лицом ко мне. На ее лице – непривычная робость. Она смущена, вся трепещет. Вновь обретенная скромность очень неожиданна и очень возбуждает.

– Сказать тебе, чего хочу? – Я как-то еще умудряюсь внятно общаться, хотя голова давно идет кругом. Меня прямо трясет в предвкушении. Очень хочется к ней прикоснуться. Я пожираю ее глазами, не веря в собственную удачу. – Я хочу, чтобы ты села на этот стул.

Тянусь к ближайшему от меня стулу, уводя Нору от раковины. С ее пальцев капает вода, а у меня совсем взмокли штаны. Она усаживается на стул, сложив на коленях руки.

– Теперь встань, – инструктирую я.

Она повинуется, и я стягиваю с нее свои боксеры. Задираю рубашку ей на голову и как зачарованный смотрю на полные загорелые груди, на

твердые напрягшиеся соски. Это тело можно лишь созерцать, ему можно лишь поклоняться.

– Садись, – приказываю я, опускаясь на пол.

Она садится, и я скольжу пальцами вверх по ее ногам до линии, где начинаются бедра. Нора охвачена дрожью, она смотрит на меня, и каждый раз, когда наши взгляды встречаются, у нее перехватывает дыхание. Я нежно развожу в стороны ее бедра и, подавшись вперед, начинаю их целовать. Она запускает пальцы в мою шевелюру и массирует голову, пока я одариваю ее тело своим обожанием. Я дразню Нору пальцами, провожу вдоль щели, запускаю один вглубь и слежу за лицом. Она откидывает голову и закатывает глаза, ее губы размыкаются в экстазе.

Я медленно ввожу пальцы и поддразниваю, нежно касаясь губами промежности. Нора стонет и стонет по мере того, как мои пальцы ласкают ее изнутри. После нескольких секунд пытки я заканчиваю ее страдания, проведя языком по влажному клитору.

На вкус – она словно мед в сахарной глазури, для такого сластены, как я, – самое то.

У Норы вдруг напрягаются ноги, она замирает на стуле, я обвиваю руками ее за бедра и приподнимаю их, чтобы ей было удобнее кончить. Прижимаюсь плотнее губами.

Она вслух произносит мое имя.

Боже, Лэндон, как хорошо. Как с тобой хорошо .

Она кончает, а я пью ее сок и держу ее за ноги, пока она отдыхает. Нора, совершенно нагая, сидит, распластавшись на стуле, и тяжело дышит, а я не хочу прерываться. Я чувствую, как она пульсирует под языком, подрагивает волнами оргазма.

Я еще не закончил. Она сказала, что я могу делать все что захочется и быть тем, кем только захочу. Вот кем я хочу быть. Тем, кто боготворит ее тело и кайфует, когда ей приятно.

Когда она кончает в третий раз, ее тело превращается в желе. Нора откидывается назад, измученная, насыщенная и удовлетворенная. Я стягиваю ее на пол и заключаю в объятия. Она вся будто растаяла, растеклась и повторяет контуры моего тела. Я поглаживаю ее нежными легкими касаниями, и через пару минут начинает казаться, что она и вовсе заснула.

– Надо же, я предложила тебе сделать все, что ты хочешь, и ты трижды довел меня до экстаза, – шепчет Нора, уткнувшись лицом в мою грудь. Она обвила меня руками и лежит на мне, словно в колыбели. Мы сидим на полу кухни, и я баюкаю ее, как малютку. Нереально тащусь.

Коснувшись ее щеки, убираю с лица прядь волос.

– Этого мне и хотелось.

Нора привстает, чтобы взглянуть на меня, и перекладывается так, что мои бедра оказываются между ее ног, а ее груди перед моими глазами. Обнаженные груди, необходимо добавить. Огромным усилием я воздерживаюсь от того, чтобы их облизать.

– А можно взять тебя себе? – говорит она и игриво мне улыбается.

Я все же решился лизнуть ее, и в этот момент Нора прижимает мое лицо к своей груди. *«Да я поселился бы здесь, – кое-как пробивается мысль. – Так и сидел бы сутками напролет, уткнувшись лицом в ее груди»*. А люди еще используют слово «грудь»? Кажется, нет.

Я куснул ее, она хихикнула.

– Надо понимать, это – «да»?

Она подшучивает надо мной еще пару минут, а потом я принимаюсь мыть посуду, а она замешивает сдобу для печений, которые были обещаны мне за капусту. Если бы Нора пообещала мне ежедневно готовить овощи, я с легкостью превратился бы в травоядное. Мы дни напролет поедали бы смузи из огородной капусты и жевали зернистые штучки из злаков, состряпанные ее руками.

Вытерев насухо все тарелки, я подхожу к рабочему столу и наблюдаю, как Нора лепит шарики из сдобного теста. Внутри – белые крошки и что-то еще вроде ягод.

– А что у тебя за печенья?

– С малиной и хлопьями белого шоколада.

Пока печенья стоят в духовке, квартира наполняется привычным уже сдобным ароматом, и мне в голову приходит мысль, что Нора должна забегать ко мне каждый день. Я буду тогда очень счастлив.

А собственно, где она сейчас проживает? Совсем вылетело из головы, что она только что заявила ко мне на порог с кучей пакетов.

– Ты вернулась в квартиру? – спрашиваю, когда она усаживается на разделочный столик, а я встаю между ее ног.

– Нет.

Ах вот как. Нет, и все.

– А где ты остановилась? Тебе нужно жилье?

– Завтра приедет сестра, она разрешила пожить в ее квартире там, за мостом.

– На Манхэттене? Но ведь это далеко от работы.

– Да не особо.

– Ты можешь и здесь пожить.

Нора обхватывает меня руками за шею и притягивает к себе.

– Не вариант.

– Почему?

Молча качает головой.

– Если завтра к тебе приезжает сестра, значит, мы не увидимся?

Она кивает.

– Я хотел бы с ней познакомиться.

У нее еле заметно напряглась спина.

– Познакомиться с сестрой? Лихо! – Нора улыбается, а мне не до смеха.

Лихо? Чем тебе не понравилась эта идея? Если мы, типа, пытаемся получше друг друга узнать, то почему бы мне не познакомиться с сестрой?

– А что, нельзя? – Надеюсь, она не заметит, как предательски дрогнул мой голос.

Отстранившись от меня, Нора вновь облакачивается о кухонный шкаф.

– С моей сестрой... с ней не *знакомятся*. Это целая постановка. Ритуал. Нам надо все как следует запланировать и продумать. Ты пойми, они с Амином – не те люди, которые могут так запросто *познакомиться*.

Она говорит, и ее голос переполняет отчаяние. А ведь всего несколько минут назад была совсем другой. Чего она так испугалась? Ну, подумаешь, я познакомлюсь с сестрой, в чем тут фишка?

Обвожу взглядом тесную кухню, смотрю в коридор. Почему-то в голову лезут ненужные мысли: вспомнив размер своих банковских сбережений, я представляю, как выгляжу в этих штанах. И для контраста – сестрица на фотографиях, разряженная в пух и прах. Уложенные волосы, вечерний макияж, превосходные зубы и безупречно белое платье. На одной фотографии, где она стоит, вцепившись в какой-то почетный диплом муженька, у нее все запястья в бриллиантах. Сверкают почище зубов. Ну да, награды, дипломы, куда уж мне...

Настала моя очередь отстраняться.

– Хорошо, не знакомятся и не надо.

Так что я передумал. Столь внезапную перемену я объяснять не хочу, а Нора не спрашивает.

Глава 21

Я совершил приятное открытие: моя кровать вполне подходит для двоих. Она как раз такого размера, чтобы Норе пришлось свернуться калачиком и, положив голову на сгиб моей руки, глядеть на меня соблазнительными глазками. Она греет, как печка, а сама так и светится. Ей очень идет быть счастливой.

Что-то упрямо колотится в стену. Ну невозможно не замечать. Приглушенные вопли из комнаты Тессы мы тоже пытаемся игнорировать, хотя они слишком уж откровенные.

– Ну их и понесло, – смеется Нора.

Я тоже смеюсь.

– Ерунда! Ты бы послушала, как они орут, когда спорят. Наверное, слышно до самого Джерси. – Все это мне уже довелось наблюдать много раз. Еще не изобрели таких звуконепроницаемых стен, чтобы их заглушить.

– Они всегда так шумят? – шепчет Нора.

– Да. Но скандалят они еще громче.

– Как видно, он встретил свою половину. На Тессу лучше не наезжать, себе дороже.

– По ходу, встретил. – Сколько слез было пролито, прежде чем мы добрались до этой точки повествования. Пару раз я готов был их даже убить. Упрямые – жуть!

На ночном столике зазвенел телефон. Тянусь к трубке. На экране высвечивается номер Дакоты и начинает призывно мигать во мраке спальни.

Нора перекачивается ко мне и читает надпись на экране:

– Дакота.

Тут же заныло в груди.

– Ответь ей.

Качаю головой и пропускаю вызов.

Нора приподнимается на локте.

– Почему ты не взял трубку?

А как ты думаешь? Наверное, мне будет неловко разговаривать с ней при тебе. Потому что она – моя бывшая, и между нами все очень запутанно, а между вами – и того хуже.

– Ты была бы не против? – спрашиваю я, лихорадочно соображая, как

бы соскочить с этой темы.

Нора резко садится в кровати.

– Ну, если вас что-то связывает, тогда я буду против. А если у меня нет причин избегать вашего разговора, тогда нет. С чего мне беспокоиться? Меня бесит ложь, а не правда.

Да кто бы говорил, чуть не вырвалось у меня. Нора не врушка, она – королева недосказанности.

– Я ничего не скрываю. Просто нелепая ситуация. Вы когда-то дружили...

– Никогда мы с ней не дружили! – восклицает Нора, фыркнув.

– Ну, жили вместе. Одна хрень. И чего вы не поделили... Я был вашим единственным яблоком раздора?

– Да.

Да, и никаких пояснений. Обломщица...

– А почему ты не хочешь знакомить меня с сестрой? – спрашиваю я без обиняков. Не желает говорить про Дакоту – пожалуйста, подкинем другую животрепещущую тему.

Я смотрю на нее в упор.

– Потому что я нищий студент?

Она вздрогнула.

– Нет. Что это за вопросы?

Вполне оправданные вопросы, мисс Исколесила-весь-мир-с-семейством-высокооплачиваемых-хирургов.

– Зато откровенно, – говорю в ответ на ее свирепый взгляд.

Вот как ей признаешься, что я – первостатейный следопыт, лазил в Фейсбук и раскопал там профиль ее сестры? И должен ли я признаваться? Как видно, должен, раз жду от нее откровенности... Ох, разозлится!

А далась мне к чертям эта честность? Не лучше ли где-то смолчать? Ну, то есть, если я нацеплю на себя уродскую рубашку и спрошу Нору, красиво ли выгляжу, что мне будет полезней услышать: ложь или правду? Я представляю себя в цветастой рубашке отца, из тех, что принято надевать в отпуск... Клянусь, что никогда не стану посмешищем для своих детей. Я буду для них крутым папаней. А вот если Нора начнет врать про рубашки, то с этой мечтой можно распрощаться.

Так что, пожалуй, недомолвки и ложь – бедствия одного пошиба.

– Я отыскал на Фейсбуке профиль твоей сестры и немного порылся. Видел ее муженька с его тыщей пятьсот наград и дипломов. Попадались там фоточки с пляжа, где ты в желтом бикини...

С ее лица сходит краска, она сидит тихо, не шелохнется.

– У сестры большой дом и роскошная машина, которую ей купил муженек. А еще я видел чувака, который лапал тебя своими клешнями.

У Норы перехватило дух. Молча сидит, не сводя с меня глаз.

– Зачем?.. Зачем тебе это? – кое-как выдавливает она из себя.

– Ну а что? Это ж Фейсбук, там все на всеобщем обозрении. – Нашел хилый довод, чтобы оправдать свое неумное любопытство. Ужасный ответ.

Нора отодвигается от меня, недоверчиво качая головой.

– Давно это было?

– Сегодня, пока тебя ждал. – Неужели сегодня? С тех пор, как я познакомился с этой женщиной, постоянно теряю счет времени.

– Что еще ты увидел? – У нее слегка дрожат руки.

Перевожу на них взгляд, и Нора немедленно усмиряет дрожь, сцепив вместе ладони.

– Ничего. У тебя ведь нет на Фейсбуке своего профиля.

Она кивает, избегая смотреть мне в глаза.

И мне сразу становится ясно, что на Фейсбуке она есть, без вариантов.

– Что ты надеялся там отыскать?

Не гони лошадей... Беру ее за руки и подтягиваю к себе. Нора не противится, но и не делает встречных движений.

Интересно, всегда так бывает, когда с кем-то встречаешься? Неприятная тяжесть внутри, чтобы не расслаблялся. Потому что в любой, даже самый чудесный момент где-то рядом таится подлянка. Она только и ждет удобного случая, чтобы изгадить замечательный светлый миг твоей жизни.

– Что ты скрываешь? – Внешне я вроде спокоен, но внутри бушует ураган.

Нора качает головой.

– С чего ты взял, будто я что-то скрываю?

Нарочито закатив глаза, я подкладываю руку под голову и устраиваюсь так, чтобы было удобнее смотреть на Нору. Она расположилась у меня на коленях, моя ладонь покоится на ее бедре. Такое чувство, что сейчас эта точка прикосновения – единственное, что нас связывает, довольно хилая ниточка.

– Наверное, потому что это правда. Ты не хочешь знакомить меня с сестрой. У тебя тайная страница на Фейсбуке. Ты не рассказываешь о прошлом бойфренде и прочих своих отношениях. И когда я хотел разобраться, ты банально заткнула мне рот.

Переведя дух, Нора выжимает из себя фальшивую улыбку.

– А знаешь что? Хочешь познакомиться с сестрой? Да ради бога. Завтра, после работы. Ты когда заканчиваешь?

– После двух я свободен.

– Все, договорились. А теперь, будь любезен, перестань ворошить мое грязное белье, иначе я тоже найду, до чего докопаться.

Сдвинув брови, перевожу на нее озадаченный взгляд.

– Докопаться? А у меня не до чего докапываться.

– Да ну?

Хватаю ее за бедра и усаживаю на свой живот.

– Поясни-ка.

– Ты и Дакота. Обширная тема для разговоров. Ты скрываешь, что вы общаетесь – по крайней мере, поддерживаете отношения. Не берешь при мне трубку, когда она звонит. Тебе не кажется, что для такого святоши это уже чересчур?

Сумасшедшая женщина! Поворачиваю к себе ее лицо – теперь не отвертится от поцелуя.

– Я ничего не скрываю. Мы с Дакотой – друзья. Ей, наверное, хочется большего, но это максимум, что я способен ей дать. – Обхватываю лицо Норы своими трепещущими ладонями. – Меня ни на кого больше не хватит, здесь все твое.

Нора нежно целует меня в губы, потом ее рот становится все смелее, отчаяннее, и вот она уже выписывает круги вокруг моего языка.

– М-м, заманчиво, – шепчет она, обдавая меня своим теплым дыханием.

– Это ты заманчивая... – бормочу я в ответ, и нас затягивает в пучину поцелуев.

Глава 22

Нора

Боже, как же он здорово отвлекает. Я слегка отстраняюсь – надо бы перевести дух. У него нежные мягкие губы. Даже чересчур. Не могу ни о чем больше думать.

Надо взять себя в руки.

Он убирает руку с бедра, и я себя лучше контролирую. Открываю глаза и осматриваюсь в комнате, ищу, на чем остановить взгляд. На стене висит календарь хоккейной команды: крупные мускулистые парни воззрились на меня со стены глазами-пуговками. У каждого в руках клюшка, и каждый смотрит так, будто я сделала нечто предосудительное.

И зачем над кроватью висит такая нелепость? Иногда его возраст ощутимо напоминает о себе, словно неоновая вывеска над головой. Как сейчас, например. Из постели удобно читать расписание турниров какой-то хоккейной команды. Как видно, не часто Лэндон водит к себе женщин. Что ж, чем не повод проникнуться нежностью к календарю.

Зато улыбка у него мудрая не по годам, и сердце из чистого золота. Он заботлив и осторожен, осмысливает каждый взгляд и каждый поцелуй. Не просто прижимается губами, а вкладывает душу.

А фигура!.. Это фигура мужчины. Руки оплетены канатами мышц, поросль на щеках, широкие плечи, на которые он возлагает чужие заботы. Таких чутких людей я вообще не встречала, даже среди женщин. Впрочем, сколько ни уговаривай себя, а все-таки он на пять лет моложе. Если сравнивать нас по возрасту, то разница существенная. Он чувствует себя молодым, я чувствую себя старой. Он второкурсник, ну что у нас может быть общего?

Его губы спускаются к моей шее, язык нежно выписывает круги.

Может, я и назову пару вещей, которые нас связывают...

С другой стороны, опять звонит Дакота. У меня просто нет сил на любовные треугольники. Переросла я всю эту подростковую чепуху: ругалась с подругами из-за мальчишек, рыдала в обнимку с бутылкой дешевого пойла. Лэндон еще не успел переварить эту «химию», слить Дакоту из кровеносной системы, когда я вошла в его жизнь и потащила в

другом направлении.

Не понимаю, что его в ней привлекает, помимо внешности. Она эффектна, занимается до седьмого пота ради красивой фигуры. А в душе – грубая, злая, капризная и...

Да неужели? Чем это я занимаюсь? Лежу в его постели, осыпаясь поцелуями, и продумываю список причин, почему его бывшая так ужасна?.. Приехали.

Лэндон целует мне шею, а я веду пальцами вниз по его спине. Еще ни с одним мужчиной мне не было так спокойно, да мне и не встречался человек, который, если бы ему дали возможность делать со мной что угодно, предпочел бы лизать меня до тех пор, пока я не растекусь по полу блаженным киселем.

У него нет никакого опыта. Он впервые снимает квартиру, а я уже выплатила ипотеку. Ему не довелось пожить вдоволь студенческой жизнью, а я много раз просыпалась с похмельем на чужом газоне. Он ни разу не был на вечеринке, не перепихивался по пьяной лавочке, и все его представления о женщинах сводятся лишь к Дакоте.

Он сплелся с ней корнями, и ей принадлежит та его часть, которую я никогда не смогу забрать. Его первые воспоминания никогда не станут моими. Впрочем, зачем они мне? Мои первые воспоминания ему тоже не принадлежат. Я разделила их с кем-то другим. Так зачем мне волноваться? Отчего так гадко? Наверное, от того, что мой бывший не оживает где-то поблизости и не названивает, когда мы в постели.

Тут в мои размышления вклинивается новое воспоминание. Лицо Клиффа, когда Хардин зажал его мертвой хваткой. Клиффа подослали шпионить. Я все поняла, просто у меня не хватило смелости спросить. Уж лучше пусть все останется на уровне подозрений.

Прямо здесь, возле квартиры, Дакота молила меня отпустить Лэндона. Дать ей попытку исправить ошибку. Любопытно, что именно их так крепко связало. И что это за незаживающая рана, которая до сих пор у них кровоточит?

Хватит ли у меня сил зажать эту рану и выдержки, чтобы наложить стежки?

Смотря что их связывает. Я знаю, что по какой-то причине Лэндон не готов отпустить ее в свободное плавание, только вот не пойму по какой. И дело не в потерянной девственности, все куда серьезней.

Нечестно было бы требовать от него ответа, когда я сама не готова вдаваться в подробности о своем прошлом.

Как же вселенная такое допустила? Как могут люди, до конца не

свободные, вдруг привязаться к кому-то другому, да еще с такой силой?

Увязла я... А следовало остановиться на уровне легкого флирта. Это как зуд – чем больше трешь, тем сильнее чешется. Меня увлекло, я не смогла оставаться на расстоянии. Я постоянно о нем думала, и эти навязчивые бесконтрольные мысли терзали меня, как его ненасытные губы, прильнувшие к моей груди.

Не вовремя навалились тяжкие размышления, однако другой минутки может не представиться. Я пообещала Дакоте, что мы с ним расстанемся, и на душе скребут кошки. Человек-то она неплохой, когда не вякает без нужды. С другой стороны, то она о моей жизни грозит все выложить, то выкидывает меня из квартиры, на которую имеет прав не больше моего. Нет, с ней бывает занятно, приятно вдвоем потусить. Когда мы только познакомились, она предложила сходить с ней на танцы. Я только успела распаковать вещи и с радостью ухватила за возможность поближе узнать новых соседей – Дакоту и Мэгги.

Дакота вся расфуфырилась, надела облегающее красное платье, блестящие черные туфли. Выпрямила свои вьющиеся волосы, распустила их по плечам. Горячая штучка, в полной боевой готовности. Она сказала, что недавно пережила разрыв, и ей нужно проветриться. Я и подкинула ей мыслишку станцевать с Эйдемом, тем высоким блондином из балетной академии. Я же не знала, что это был за «разрыв», иначе никогда бы такое не предложила.

Для меня разрыв – это что-то типичное: то парень у девушки загулял, то кто-то решил разорвать отношения в пользу карьеры. Такие разрывы обычно лечатся, достаточно зависнуть где-нибудь на ночь с подругами.

Если бы я знала, что вторая половина этой трагедии – Лэндон, ни за что не толкнула бы ее в объятия того парня. Лэндон был для меня лишь лицом, вырезанным из фотографии с выпускного. Абстрактный первокурсник, до которого пилить через всю страну. И лишь познакомившись с Тессой в Нью-Йорке, я поняла, что к чему.

На ту пору я уже обратила на Лэндона внимание и у нас уже был инцидент в ванной комнате. Дакота все выставляет так, словно я специально за ним охотилась, чтобы причинить ей боль. Не такая уж я и злодейка. И все же не посторонилась, узнав, что безупречный соседка Тессы, воплощение всего того, что мне хотелось увидеть в мужчине, по совместительству – бывший бойфренд моей соседки.

И вышло, что Лэндон – тот самый ботан-доходяга из Мичигана, бегающий за ней по пятам, который в постели и мухи не обидит. Дакота нам бесконечно рассказывала о том, какой он пугливый и консервативный.

Однажды она предложила ему взять ее по-собачьи, и он кончил, не успев даже вставить. Нет, вы подумайте, что тут хорошего?..

Смотрю на Лэндона, моего Лэндона – по крайней мере, пока он лежит со мной голый. Его руки впиваются в мои бедра, рот властен и требователен. Он говорит мне такие вещи, которые вне постели стесняется произнести. Рядом с ним я исполнена чувства достоинства, меня любят и ценят, мной дорожат. Этого не опишешь словами.

Я несильно впиваюсь ногтями в его живот, оставляя небольшие отметины. Помечаю собственность. *Он мой !* Так и хочется крикнуть об этом Дакоте!.. А если нет? Может, мы обе его недостойны?

Она-то, конечно, не отцепится. Ведь Лэндон для нее как костыль. Эта девочка так и будет висеть на нем, пока он не задохнется. Хочется верить, что со мной ему стало легче дышать. Да, пусть он будет со мной, но свободный, такой, как есть, и научится, наконец, думать о своих потребностях. Дакоте, похоже, комфортно держать его в плену детской влюбленности, за которую она судорожно продолжает цепляться. Эх, знать бы, что их так крепко связало, тогда у меня появилась бы хоть какая-то точка отсчета.

Учитывая, с каким упорством она на меня наезжает, давно пора сделать вывод, что без боя она не сдастся. У меня же для боя нет сил. После некоего происшествия Лэндон вдруг стал для нее рыцарем в блестящих доспехах, а она для него – дамой, к которой нужно примчаться на помощь.

А я? Как же я?

Где мое место в его системе координат?

Я хочу ему всяких благ, чтобы он не ронял свою планку. У нас не было общего прошлого, как у них, однако мне по силам подарить ему будущее.

Я еложу на нем, Лэндон стонет. О, эта божественная упругость! Как здорово он на меня реагирует. Он ласкает, и гладит, и жадно хватает меня. Как приятна мне эта отчаянная, ненасытная страсть! Склонившись к его уху, шепчу:

– Лэндон, о, боже, как хорошо. – Я его возбуждаю, и он дрожит подо мной. Я его королева, а он – не какой-то там подданный, он – возлюбленный король. Да, мой король, и мы будем править с ним на равных. Меня не загонишь в платье и каблучки, я не стану трофейной женой, ни для кого. Не хочу быть похожей на Стейси.

Впрочем, зря я. Амин души в ней не чает. Мне даже завидно, что они так живут. Хотя меня такая жизнь не устроила бы. Мне нужен товарищ, партнер, а не даритель особняка с подобранными в тон полотенчиками и

китайским фарфором. Мне нужен человек, который захочет проводить со мной время. Да я любому подаренному «Мерседесу» с торжественной ленточкой предпочту человека, которого не будут бесить мои реплики во время просмотра киношки.

Лэндон начинает ласкать мою грудь, полноправный хозяин. Я не променяла бы это чувство ни на какую вещь на свете. Так и лежала бы дни напролет. Жаль, что времени у меня совсем не осталось.

В отличие от Дакоты. Время на ее стороне, и поэтому их отношения куда прочнее, чем просто первая любовь. Я могла бы с ней справиться, если бы знала, что у них все кончено. Старая песня. Соседские ребятишки растут вместе, вместе пьют лимонад на ступеньках. Дружба перерастает в любовь, ну и дальше хрестоматийно. Плавали, знаем. Пусть немного шаблонно, зато сколько преимуществ.

Я говорю о чем-то более глубоком, о том, что происходит, когда у вас общая трагедия. Знаю не понаслышке. Помню, как больно мне было, когда братишка Амина сказал, что у меня симпатичная сестра. Я дико ревновала – в четырнадцать лет! Со временем ревность прошла, и после нашего разрыва мы вновь стали друзьями. После нашего первого разрыва.

С тех пор на нашу долю выпало множество взрослых проблем, а после того, как поженились его брат и моя сестра, ситуация стала и вовсе безысходной.

Родственники без конца напоминали о том, что мы с ним – венец совершенства. Мы годами ели их заковыристые сыры и пили их кислые вина, которые старше меня раза в два, не меньше. Очень скоро родится племянница, опять наша общая, на двоих. Мост между нашими семьями обвалился, и этот миленький ангелок, по представлению моих родителей, обещает заново его возвести. Я буду тетей, он – дядей. Но нам не быть вместе. Так что на месте родителей я бы не стала возлагать особых надежд.

Да, я знаю, меня все винят в разрыве отношений между нашими семьями. И сестра, и мамочка с папой. Им легче найти виноватого, чем признать правду.

И что меня дернуло пообещать Лэндону встречу с сестрой? Что за блажь?

– О чем задумалась? – спрашивает Лэндон, целуя ложбинку между грудей. Какой же он милый, почти нереальный. Ну не скажешь же ему, что я лежу тут, пока он обцеловывает меня с ног до головы, и пытаюсь вынести приговор нашим будущим отношениям.

– Я хочу тебя. – Впиваюсь губами в его подбородок, покрываю поцелуями скулу, медленно перехожу к губам и, приподняв бедра, даю

понять, чего именно мне хочется и как.

Глава 23

Лэндон

Кратчайший маршрут до квартиры ее сестры оказался не таким уж коротким. По идее тридцать семь минут, но время течет слишком медленно. Электронный голос вещает, что до искомого здания на Тридцать четвертой осталось всего шесть минут. Я собирался поехать на метро, но подумал, что на такси будет проще. Вернулся со смены домой, получил эсэмэску от Норы: написала адрес и предложила увидеться в восемь. Больше никаких подробностей. Место, время и радостный смайл.

С утра она попрощалась со мной как-то сбивчиво. Чмокнула в щечку и прошептала, что ей было очень хорошо. Постеснялась присутствующих Хардина и Тессы?

Похоже, Нора хочет попасть к сестре до меня – может, перемолвиться с ней с глазу на глаз. В общем, не представляю, что меня ждет за порогом некой манхэттенской квартиры. Пока ехал, послал две эсэмэски Тессе, но та не ответила. Видимо, у них с Хардином есть занятия поважнее.

Взглянул на телефон, скинул дежурную эсэмэску матери и Кену. О своих планах на вечер я не распространяюсь. Зачем подливать масло в огонь, давать лишний повод для сплетен? Они и так рады уши развесить. Я ведь не абы куда иду, а к сестре Норы, со временем сами обо всем узнают.

– Это здесь? – спрашивает водитель с нечесаной шевелюрой. Он опять врубил поворотник. Заколебали улицы с односторонним движением. Водила, похоже, наш, бруклинский, к Манхэттену не привык. На перекрестке дикая пробка. Мы застряли где-то между Девятой и Десятой авеню. Теперь понятно, почему местные особо не рвутся осматривать исторический центр.

Водитель, видно, большой фанат «Linkin Park». Надо же, я не знал, что кто-то на свете еще слушает их альбом «Hybrid Theory». Когда он вышел, я был еще первоклашкой. В моем детстве слушать «Linkin Park» считалось круто. Помню, в моду вошли мешковатые джинсы, и я из них не вылезал. И даже носил кошелек на цепочке.

То, что в те времена не существовало соцсетей, настоящее благо. Было бы редкой подставой, если бы на Фейсбуке или Твиттере остались

пережитки моей бурно-штанной молодости. До сих пор не терплю запах лимонов, потому что в какое-то лето до одури брызгался маминым спреем «Sun In». Волосы осветлял. Мой водила, по ходу, на этот «Sun In» нехило подсел.

Выглядываю из окна и читаю надпись у здания слева. Печатные белые буквы на черном полотне гласят: «408 ЗАПАД ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ УЛИЦА».

– Похоже, здесь.

Все, приехали...

Выхожу из такси, одергиваю рубашку. Сегодня решил одеться без особых понтов, не хочу никого пугать. Облачился весь в черное. Рубашка чуточку тесновата – так случается, когда заказываешь одежду по Интернету, не зная точного размера. Хотя не сказать, что прям сильно в обтяжку. В общем, вид сносный.

Надеюсь.

У подъезда, усевшись на табурет, дежурит швейцар. Кого-то он мне напоминает – героя какого-то мультика или фильма. Подхожу и вижу, какой он на самом деле приземистый. Маленький, круглый, нос луковкой, в сеточке капилляров.

Перед зданием рядком тянутся аккуратные кустики, словно выстриженные маникюрными ножницами. Так и хочется их поворошить. Здесь все выглядит дорого и престижно. Провожу рукой по кустам, срываю розоватый бутончик и тут же выбрасываю на ходу. Зачем? Почему? Что за импульс? Я машинально срывал и бросал бутоны бесчисленное количество раз. Что это за манера – срывать и выбрасывать? Может, я латентный социопат, которому нравится вырывать цветы с корнем?

Я слишком много думаю?

Скорей всего.

Швейцар спрашивает, к кому я иду, я отвечаю, и он начинает названивать в квартиру Нориной сестры. Я же, воспользовавшись моментом, осматриваюсь в фойе. Несмотря на чистоту, шик и лоск, смахивает на больницу. Белые стены, синтетические ароматы и искусственные цветочки для красоты. Казенщина и санитария.

Погрузившись в раздумья, я не заметил, как ко мне обратился швейцар. Махнув в сторону лифтов, он сказал, что меня ждут, и я должен подняться на какой-то этаж. Номер я, конечно, прослушал. Переспрашивать не хотелось, и я бреду по коридору, медленно приближаясь к искомому лифту и все это время надеясь, что вот-вот появится Нора, выпрыгнет, словно чертик из табакерки, и укажет мне верный путь, потому что в таких

домах так запросто не погуляешь – не ровен час, кто-нибудь вызовет копов.

И тут – о чудо! – открываются двери лифта, и навстречу мне выходит Нора. Она выглядит необычно – прекрасно, но необычно. Такой я ее еще не видел. Длинные гладкие волосы разложены по плечам, покрашенные глаза, черные стрелки, и брови черней, чем обычно. Как она хороша!

Сегодня она – настоящая леди. Так и сияет. Зеленая подводка подчеркивает зелень в глазах. Сексуальность во всем облике. Черная блуза приспущена на плечах, а горловина изогнута на груди наподобие сердца. Нельзя быть такой возмутительно классной, ведь мне придется вести себя паинькой в присутствии ее родных.

– Уф, тесновато здесь, – бормочу я, заходя в лифт. Беру ее за руку, целую ладонь. Закрываются двери, Нора нажимает пальчиком на кнопку, и я нежно притягиваю ее к себе.

– Как дела на работе? – интересуется она, и я целую ее в лоб, в кончик носа, в уголок рта и напоследок в волосы.

Разомкнув губы, она лнет ко мне, и я прижимаю ее к стене.

– Хорошо. – На губах – карамельный вкус блеска.

– Ты соскучился? – спрашивает Нора приглушенным голосом.

Дверь открылась, она отстраняется.

– А небо синее? – иронизирую я.

Просветлев лицом, Нора качает головой. Подносит к подбородку свои наманикюренные пальчики и счастливо улыбается.

– На мой взгляд, сегодня облачно, – шутит Нора, и я тянусь к ней, чтобы приобнять, но она вовремя уворачивается. – Потерпи чуток, милый друг.

Я бросаю демонстративный взгляд в коридор, и Нора попадает! Оборачивается, ослабляя бдительность, и я крепко ее обнимаю. Откидываю с плеча длинную прядь волос и впиваюсь губами в надушенную шейку.

– А ты приглядиись повнимательней. – Бережно прижимаю ее к коридорной стене. Вокруг ни души. Отлично. – Небо ясное, как никогда.

Обвожу пальцами контуры ее пышной груди. Шикарная блузка! Грудь вздымается, словно волны, вверх-вниз, вверх-вниз. Так и хочется затащить ее в лифт и нажать кнопку «стоп».

Нора облизывает пересохшие губы, и я чувствую, как ее руки лезут в задние карманы моих джинсов.

– Пожалуй, ты прав.

Она впиивается в мои губы, слегка прикусив их зубками, и я, застонав, приваливаю ее к стене. Однако в этот миг открывается дверь и выходит, похоже, Стейси. Стоит, испуганно прикрыв рот рукой, и таращится на нас.

Мы встречаемся взглядами, она прячет руку, но глаза так и остаются неестественно раскрытыми.

– Стейси... – произносит Нора. Я отстраняюсь, отдергивая рубашку. – Это Лэндон.

Без лишних промедлений подхожу к ней и беру ее за руку. Она протягивает мне руку для поцелуя и чмокает в обе щеки. Я с непривычки не знаю, какой стороной обернуться, и Стейси, к ужасу для себя, касается моих губ. Нора смотрит на нас выпученными глазами и едва не хохочет. Ее сестрице, до предела беременной, тоже смешно. Она улыбается, как видно, поняв, что европейские церемонии чересчур тяжелы для понимания среднего американца, да и вообще человека, который еще не успел обжиться в Нью-Йорке.

– Приятно познакомиться. – Стейси придирчиво меня рассматривает, пытаюсь оценить все до последней мелочи: одежду, волосы, руки, ботинки. Огладив на себе платье, начинает нервно возиться с бантом на талии. Ее фигурка кажется чересчур хрупкой для такого здорового... шара с младенцем внутри. – Как поездка? Долго, да? – Стейси подводит нас к двери, из которой она только что вышла.

– Да ничего, мне понравилось. – В глубине комнаты замечаю мужчину. Он стоит за барной стойкой. У Стейси гигантская гостиная, в которую запросто поместилась бы вся моя квартира, и образцовый муж, который разливает красное вино по бокалам на тоненьких ножках.

– Когда мы в городе, я редко бываю в Бруклине, – фыркает Стейси. Цокая каблучками, она проводит нас внутрь. Пробормотав что-то про Миранду из «Секса в большом городе», Нора предлагает мне выпить.

Я не знаю, о чем разговаривать, поэтому, с радостью ухватившись за предложение, направляюсь следом за Стейси к стойке.

Глава 24

– А вот это – бутылочка коллекционного «Шато Мулен-де-ла-Рок». Из Бордо, – поясняет Стейси с легким французским акцентом.

Не представляю, о чем идет речь. Видимо, это какая-то разновидность вина.

Киваю и соглашаюсь. Мне, честно, по фигу, пусть потчуют хоть дешевым пойлом из магазина.

Муж Стейси протягивает мне руку. В отличие от жены, он одет неформально: потертые темные джинсы, босой, однотонная белая футболка. Как видно, не так уж он заиклен на статусных фишках, как я сначала предположил.

– Привет, старик. Приятно познакомиться. – Улыбается, сверкая зубами. – Я Амин, но, если хочешь, зови меня Тоддом.

– София о вас много рассказывала. Я слышала, что наши родители живут по соседству. Как тесен мир, – говорит Стейси, уставившись на сестру.

Так значит, она зовет ее Софией? Запомним.

– Да, очень. – Не знаю, что тут добавить. *Да, Стейси, мир тесен, но ты, похоже, живешь на вершине.*

Осматриваюсь. Рояль, современная мебель. Все идеально подобрано в тон, от декоративных подушечек, горкой сложенных на диване, до картины над аркой.

– Пойдемте, – Стейси берет меня за руку. – Ужин почти готов. – Она ведет меня в столовую и водворяет во главе стола.

– Лэндон, садись ко мне, – приглашает Нора, похлопывая по соседнему стулу.

Киваю и направляюсь к ней. В итоге Стейси усаживается напротив меня, а Тодд – возле жены и напротив Нору.

– Тодд великолепно готовит, – сообщает Стейси. Нора тем временем наполняет вином мой бокал. На столе все так аппетитно: жареная курочка с рисом, немыслимые соусы и подливы. Стейси чмокает мужа в щечку, тот бросает на нее обожающий взгляд. – Правда?

Смотрю на Нору – та сидит, уставившись в тарелку. Затем поднимает на меня плутоватый взгляд и закусывает губу, чтобы не рассмеяться. Подцепив со стола щипцы, запускает их в большое блюдо, на котором

горкой уложены овощи.

– Так что, Лэндон, – начинает Тодд, прервав неловкую паузу, за что ему все благодарны. Жаль только, момент он выбрал не самый удачный: я как раз набил полный рот. – София сказала, ты учишься в нью-йоркском университете. Ну и как, нравится? У меня куча знакомых, которые его окончили.

Нора отправляет в рот новую порцию пищи, а я стремительно пережевываю собственную, чтобы была возможность ответить.

– Очень! Я пошел на учителя начальных классов, а там со второго курса как раз начинаются интересные предметы.

Стейси поперхнулась кусочком хлеба.

– Со второго курса? А я думала, вы уже выпускник.

– Нет, я перевелся с первого курса Центрального Вашингтонского.

Нора сидит с непроницаемым видом, невозможно понять, о чем она думает. Стейси переводит взгляд на сестру.

– Хм-м-м, – произносит она в замешательстве, поглядывая на мой бокал. Наверное, заподозрила, что они опаивают в своем доме несовершеннолетнего. Мало того, что впустили в дом какого-то проходимца, так еще и преступили закон.

– Видимо, я недопоняла. – Стейси в упор смотрит на младшую сестру. – Ну да ладно. Так как вам Нью-Йорк? Красивый город, здесь всегда есть чем заняться. Правда, порой меня раздражают толпы. Мы постоянно перемещаемся между Нью-Йорком и штатом Вашингтон. Там, признаюсь, мне больше нравится.

Затем Стейси переходит на мужа, подчеркивает, как ей повезло. Он – востребованный хирург и удачливый инвестор. Очень мило. Видимо, самый подходящий момент, чтобы похвастаться своими умениями. Я, дескать, наизусть знаю первый фильм из серии «Властелин колец». Мы с ним – на двух полюсах. Мне нечего добавить к этому разговору.

– Совершенно понятно, почему вы предпочитаете Вашингтон, – поддакиваю я, избрав наиболее безопасную тактику.

Сестра Нору болтает про виноградники, бенефисы, упоминает симфонический концерт, которого ждать еще целый месяц. Я киваю, Нора умудряется вставить пару словечек. Стейси говорливая. Я успел опустошить тарелку, наложить добавки и снова все до крошечки подобрать. Нора спрашивает, наелся ли, я киваю, и в ту же секунду Стейси встает из-за стола и тащит торт. Даже не торт, а чудо какое-то: мраморно-шоколадное произведение с зефирной глазурью.

Подозреваю, что это – дело рук Нору. Она кивает.

– Ничего вкуснее не пробовал, – восторгаюсь я.

– Да, София у нас – отменный кулинар. Я раньше не понимала, почему она отказалась от медицинского колледжа. Туда так сложно попасть, а ее уже брали. Когда сестра заявила, что хочет печь кексики, я решила, что она у нас имбецилка. – Стейси бьет по мозгам с такой милой улыбкой, что даже не знаешь, в какой момент жахнет.

Закатив глаза, Нора ловко парирует:

– Что поделать, в семье хирургов и без меня хватает. – Перед ней стоит пустая тарелка, и она пьет уже третий бокал вина. Постойте, или четвертый?

Хочется, чтобы всем было хорошо и комфортно, и у этой семейки сложилось обо мне самое благоприятное впечатление. Между тем атмосфера в комнате накаляется. Мы словно идем вчетвером по канату. Стоит одному оступиться – и все полетят в тартарары.

– Согласен, она отличный повар. – Я поднимаю бокал, точь-в-точь Ди Каприо в «Гэтсби». Нора переводит на меня игривый взгляд и закусывает губу. – Я до сих пор под впечатлением. С ней вместе работает моя соседка, Тесса. Так она говорит, у них еще ни одного кулинара так быстро не повышали в должности.

Продолжаю восхваления. Помню, как-то раз я назвал ее «пекарем», и она восприняла это с зубовным скрежетом.

В разговор вступает Тодд.

– Я помню, Софи, ты с самого детства была чумовой поварихой, днями напролет пекла пирожки. – Он делает большой глоток красного вина. – А однажды она заставила меня выложить двадцать баксов за один-единственный пирожок! – Зять смотрит на Нору с гордостью. Должно быть, он дельный парень, если не постеснялся отдать ей должное на публике.

– Хитрюга, – поддразниваю я, пихнув ее в бедро. Она берет под столом меня за руку и сплетается со мной пальцами.

– Они с моим братцем вечно придумывали мошеннические предприятия по отъему денег, – умиленно воркует Тодд. – Как-то раз попросили купить им тележку, чтобы с нее торговать. – Тодд настоящий мастак ворошить прошлое Норы, в котором мне не было места.

Отпиваю немного вина, понимая, что этот бокал будет последним. Я просто не наберусь смелости попросить добавки.

– А давно вы знакомы с Норой? – обращаюсь к Тодду.

За него отвечает Стейси.

– Норе тогда было десять. Они познакомились, когда мы стали

встречаться. Мы любим друг друга со школы. – Стейси берет мужа за руки, и тот переводит взгляд на меня. Нора рассказывала, что у него была сестричка, и они с ней дружили. Не помню, как ее звали. Педра? Но вот про брата она ни разу не упоминала. Может быть, я не расслышал?

– Правда, нам понадобилось какое-то время, чтобы разобраться в своих чувствах, – указывает Тодд, словно желая напомнить Стейси о том, что и они несовершенны, как бы ей ни хотелось создавать подобную видимость. – Нора с моим братом были очень близки, – добавляет он, не сводя с меня глаз.

– Как и мы, – добавляет Стейси, чмокая мужа в щечку. – Мы с Амином неразлучны с самого первого дня.

Нора натирает мне пальцем ладонь. Жаль, что нельзя остаться наедине на пару минут. Мне бы хотелось кое-что прояснить.

– А когда вы возвращаетесь в Вашингтон? – спрашиваю я, не обращаясь конкретно ни к кому из супругов.

К моему удивлению, отвечает не Стейси. Она вдруг притихла и сидит так уже несколько минут.

– Во вторник, – говорит Тодд. – Мне надо на конференцию, а Стейси пока побудет здесь. Во вторник вернусь, заскочу за ней, и мы сядем на ночной рейс до Вашингтона. Неделя обещает быть непростой. – Он улыбается, скрывая легкое беспокойство, чем зарабатывает лишнее очко в свою пользу. При мысли, что запросто можно слетать по делам, а потом «заскочить» за женой в другой город, как будто бы речь шла о поездке в метро, мне становится просто смешно.

Нора бросает на меня настороженный взгляд, и я осмотрительно молчу.

– Софи, может, как-нибудь пройдемся по магазинам, прикупим что-нибудь для малыша? – предложила Стейси.

Никак не привыкну, что все вокруг зовут ее Софией или Софи. Интересно, что будет, если я тоже попробую так к ней обратиться? И что у них за мода такая на двойные имена? Нора-София, Амин-Тодд? Может, пусть меня тоже как-нибудь зовут? Мэтью, допустим. Это, кстати, мое второе имя. Интересно, Нора тоже начнет путаться, как и я?

Нора оживилась. Видимо, ей очень нравится ходить за покупками для малыша. Какими бы ни были у сестер отношения, на восторгах по поводу ожидаемого младенца это явно не сказывается.

Глава 25

Еще полчаса пролетели за пустячными разговорами, потом стали убирать со стола. Сестры уединились на кухне, а мы с Тоддом сидим на диване в окружении целой армады декоративных подушечек. Одна подушечка испещрена крохотными лисами, симметрично разбросанными по полотну, другие – однотонные. Интересно, зачем их так много? Ими вообще кто-нибудь пользуется? Решаю проверить подушку на мягкость, тыкаю локтем и тут же проваливаюсь. Наверное, спать на них удобно...

– Развлекаетесь? – спрашивает Тодд. Его губы расплзаются в блистательную улыбку, как у диснеевского красавчика-принца. Я прямо завидую. Ну, то есть он знаком с Норой с незапамятных времен, хирург, у него есть жена и квартира в Нью-Йорке, которую они держат на запас, на случай спонтанного визита. А я что? Снимаю крохотную конуру пополам с подругой и только недавно научился сортировать испачканное белье. Нора привыкла вращаться среди людей, которые обустроили свою жизнь, нашли тепленькие места, дожили до возраста, когда берут закладную на дом и наматывают авиамили.

Я располагаюсь поудобнее и, схватив подушечку с лисами, кладу ее себе на колени.

– Жена помешана на своих подушках, – произносит Тодд, кивая.

– Наверное, это женское. Моя мама такая же.

Мама? Реально? Ты сидишь в квартире с видом на центр Манхэттена и болтаешь про маму?..

Я совершенно чужой на этом празднике жизни. Вспоминается старый родительский дом и несвежий ковер. Как матушка ни старалась, по два часа канифоля ковры здоровенным промышленным пылесосом, который специально брала напрокат, застарелые пятна упорно не отходили.

А если привезти Нору в мой родной город? Затмит она собой пасмурную обыденность Среднего Запада? Окидываю взглядом просторную гостиную. Периферийным зрением замечаю как минимум три канделябра. На полке над электронным камином расставлены аккуратным рядом сувениры: небольшая железная статуя, кусок дерева, сточенный в пирамидку...

– Они там, пожалуй, надолго, – изрекает Норин зять, потирая ладонью шею. – Я рад, что хотя бы опять разговаривают... – Вздыхнув, он тянется к

столику на колесах, стоящему возле дивана. Каких только напитков там нет! Да еще лайм, лимон и пачка соломинок. Вот что такое быть взрослым, думаю я. Это когда у тебя свой собственный мини-бар, а твоя жена может скупить все немыслимые подушечки, на которые только упал ее взгляд.

Спросить, что ли, почему сестры не общались? Или он подумает, что Нора мне ничего не рассказывает?

Тодд смешивает себе выпивку, мельком роняя, что это «буравчик». Терпеливо слушаю, как он вдаётся в повествование о происхождении джина, налитого в этот коктейль. Он и мне хочет сделать на пробу, но я отклоняю его предложение.

– Стейси души в ней не чаёт, хотя, конечно, порой излишне горячится. Волнуется о сестренке. Она ведь по ночам не спит не только из-за того, что арбуз проглотила.

Тодд улыбается. Смешное сравнение, удачное. Стейси и правда так выглядит, будто пытается проташить под одеждой контрабандный арбуз.

Я продолжаю валять дурака, делать вид, что я в теме.

– Наверняка Нора ценит ее беспокойство, ты же ее знаешь. – Импровизирую, хотя сам без понятия, какая она на самом деле.

– Да, точно. – Тодд откидывается на спинку дивана, рассеянно осматривается, словно что-то забыл. Проследив за его взглядом, я вижу огромную свадебную фотографию Тодда и Стейси. Нора там тоже есть. Она стоит в изумительном розовом платье, по ее плечам рассыпаются шелковистые завитки, а рядом – какой-то мужчина. Кого-то он мне смутно напоминает, как, кстати, и соседний. Чего только не примерещится на нервной почве.

– Слушай, мы с тобой мало знакомы, и я, конечно же тороплю события, но все мы надеемся, что твое присутствие положительно скажется на состоянии Норы. После той аварии она никого к нам не приводила, и мы уже, грешным делом, подумали, что она вообще больше ни с кем не будет встречаться. А уж тем более не подпишет бумаги.

Какие бумаги? Какая авария?

– Э-э... кхм... – И зачем я отказался от выпивки? – Рад слышать. – Глотка горит. Подавшись вперед, с надеждой выглядываю в коридор. Да где же Нора?

– Мы хотим ей добра. Тут такая грызня из-за этих бумаг... – Тодд проводит рукой по лицу, устремляет вперед напряженный взгляд.

На притворстве далеко не уедешь. Он вдаётся в такие детали, о которых я и понятия не имею. В голове не укладывается, что Нора привела меня в этот дом, не снабдив хотя бы малейшими сведениями. Вот это

подстава! Она говорила, конечно, что знакомство с сестрой – не лучшая идея, но у меня и в мыслях не было, что все так обернется. Какая-то семейная драма, важные бумаги, таинственная авария...

– Я попробую с ней переговорить, – вызываюсь я за неимением лучших идей.

– Правда? – Тодд так и засветился от радости. – Тут любые методы хороши. Зря она отказывается подписывать, они все равно к тому времени уже не были парой. Почему обязательно надо устраивать лишние сложности? И, между нами, – со вздохом добавляет он, – я был бы счастлив, если бы все закончилось до появления ребенка.

Ну а мне для полного счастья не помешало бы внести капельку ясности в отношении этого бардака.

– Понимаю. Ладно, поглядим, что можно сделать. – Я поднимаюсь с дивана. Надо скорее отыскать Нору, пока мне крышу не снесло. – Не подскажешь, где у вас туалет?

– Прямо по коридору и направо.

Я сипло благодарю и удаляюсь. Тодд не делает попытки встать с дивана.

Захожу в ванную, плещу в лицо холодной водой. В кино этот прием неизменно выводит героев из ступора. Однако, видимо, не в моей ситуации. Вытершись полотенцем с вышитой на нем монограммой, я пребываю в полной растерянности.

Все это уже чересчур: и Нора, и эта дизайнерская квартира, и все их дизайнерские скелеты, рассованные по шкафам.

Я облегчаюсь по-маленькому, мою руки. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю: я как будто помолодел, стал безусым юнцом. Это что, освещение играет со мной недобрую шутку?

Одно мне ясно наверняка: я совершенно не вписываюсь в здешнюю обстановку.

Глава 26

Наконец, добираюсь до кухни и вижу там Нору. Она сгребает в пластиковый пакет поджаренный кубиками картофель. В уголке за небольшим круглым столом сидит Стейси. Ей ужасно неудобно в шпильках на ремешках, я почти слышу жалобные призывы ее отекающих ножек.

– Нора, можно тебя?

Мельком взглянув на меня, она продолжает свое занятие.

– Давай через несколько минут.

Надо бы кивнуть и уйти в сторону, вести себя вежливо и не устраивать сцен, однако в голове крутятся слова: «*бумаги*», «*авария*», «*до появления ребенка* », и, упорно застыв на пороге, я жду. Лицо горит, тянет дать деру, но буксовать поздно. Надо, наконец, уже выяснить, какого дьявола у них происходит.

– Это важно, – настаиваю я.

Нора поднимает на меня взгляд, оценивает ситуацию. Потом ее лицо озаряется пониманием, и она кивает, отложив пакет на столешницу. Заверяет сестрицу, что это недолго, и ведет нас на крышу для разговора. Дескать, там можно уединиться.

– Ну, что происходит? – спрашивает она, едва мы оказываемся снаружи. Крыша общая, но сейчас мы здесь одни. И хорошо. Неспешной походкой Нора направляется к диванчику возле большого стола, и я иду следом. Она устраивается на диване, я присаживаюсь перед нею на стул. Не хочу к ней сейчас приближаться, иначе наш разговор закончится, как обычно. Она пустит в ход любые козыри, лишь бы уклониться от объяснений.

– Это ты мне Расскажи, что происходит, – холодно говорю я.

С крыши город как на ладони. Смотрю на Эмпайр-стейт-билдинг, и если бы не злость, то просто сидел бы и смаковал этот редчайший момент. Такого, пожалуй, и не было с тех пор, как я приехал в Нью-Йорк. Целыми днями то на работе, то на учебе. А здесь – яркие фонари, живой шумный город.

Нора облокотилась на спинку дивана.

– Может, объяснишь, что случилось, или прикажешь догадываться? – спрашивает она ровно.

– Интересный вопрос, Нора, очень интересный. Тодд почему-то

уверен, что ты должна что-то там подписать, и он сообщил, что вы с сестрой отчего-то не разговаривали, а еще упомянул о какой-то аварии, в которой, судя по всему, все и дело.

Мне не видно ее лица, скрытого под пологом ночи, и тело ее неподвижно, – она не шелохнулась.

– Он – что?..

Не понимай я ее так хорошо, принял бы это за неподдельное изумление.

– Не надо притворяться. Когда ты вела меня в эту квартиру, ты отдавала себе отчет, что я ни сном ни духом о ваших терках. Захочешь – расскажешь, не хочешь – не надо, больше я в эти игры с тобой не играю. Ты или впускаешь меня в свою жизнь, или нет.

Нора, наконец, сменила позу. Она явно в шоке, и я не знаю, у кого из нас крепче нервы. Сдвинувшись на край стула, смотрю на нее, не отрывая глаз.

– Разумеется, я хочу впустить тебя в свою жизнь.

И только. Больше ни слова.

Она что, издевается? Не помню, когда я в последний раз был настолько взбешен. Нашла себе куклу на ниточках! Сколько можно!

– Если так, тогда и веди себя соответствующе. Потому что лично я уже заколебался расшифровывать твои туманные послы.

Нора, подавшись вперед, берет меня за руки.

Я высвобождаюсь.

– Поговори со мной. Если хочешь ко мне прикоснуться, то *говори*.

– Что тебе рассказал Тодд? Что ты хочешь узнать? – Еще один способ уйти от разговора и не выдавать информацию. Вполне предсказуемо.

Я зол, как черт.

– Ты серьезно? Ты даже сейчас умудряешься ускользнуть от ответа!

– Но ты ведь не задавал вопросов.

Я аж руками всплеснул.

– Не придирайся к словам. Просто скажи, что за дребедень тут у вас происходит. Почему вы со Стейси не общались? По-моему, у тебя было достаточно времени, чтобы разобраться, стоит ли мне доверять.

Нора молча вздыхает.

– Ты слишком категоричен. Слушай, я не хочу тебя втягивать в семейные дразги. История давняя и не очень красивая. Родители со мной не разговаривают, сестра встала на их сторону. Боится проявить свободомыслие, поэтому примкнула к ним. Да, она не права, и точка. А Тодд – болтун, у него вообще нет права трепаться. Он, конечно, из всех

наиболее адекватный, но не стоит ему доверять: мастер угождать своим да нашим.

От этого объяснения все стало еще непонятнее. В кармане тренькает телефон, уже в третий раз за последний час. Вытаскиваю его, читаю «Дакота» и снова игнорирую вызов.

– Да возьмишь ты эту говенную трубку? – рявкает Нора.

– Нет. Сначала расскажи про аварию. Кто в нее попал? Ты?

Я отхожу от нее – захотелось глотнуть свежего воздуха. Придерживаясь за перила, смотрю вниз, на улицу. Здесь много машин – куда больше, чем в нашем районе. Такси гудят громче, отовсюду доносятся звуки музыки.

Махнув рукой в сторону цилиндрического здания с прожекторами на крыше, Нора говорит:

– Мэдисон-сквер-гарден. Там сегодня выступает «Halsey».

При мысли о музыке мой гнев ненадолго притих.

– Твоя любимица поет? А почему ты не на концерте?

– Потому что я здесь. – Нора встает и подходит ко мне. – Хватит ссориться, дай я к тебе прикоснусь. – Она протягивает руку и легонько проводит по моей руке. – Лэндон.

В ее устах мое имя звучит так нежно, что я, не совладав с собой, обхватываю ее за талию и прижимаю к своей груди.

Глава 27

– Может, ненадолго задержимся здесь? – Ее губы касаются моей шеи. – Не хочу к ним возвращаться.

– Давай. Поиграем? – Сейчас мысль об игре не вызывает во мне бурного оптимизма. – Только, чур, я начинаю.

Теперь она у меня не отвертится. Веду Нору к дивану, осматриваюсь. На крыше мы по-прежнему одни. Усаживаюсь на некотором расстоянии от нее и обдумываю, что бы такого спросить. Долго ломать голову не пришлось, вопросы так и роятся.

– Из-за чего ты поссорилась с сестрой? Что за бумаги тебе надо подписать и почему ты меня сюда привела, ни о чем не предупредив? Давно ты узнала, что я – парень Дакоты?

С преувеличенным вздохом Нора кладет ноги на журнальный столик, поставленный возле диванчика.

– Ну, во-первых, вопроса четыре. Но я не против, учитывая обстоятельства. – Пристально взглянув на меня, она продолжает: – С сестрой мы ссорились, потому что мне пришлось на время отойти от семьи, и ей не на кого было опереться. Второй вопрос пропускаю. Тебя я привела, потому что хотела сделать тебе приятное. Я надеялась, что хотя бы раз в жизни сестра поведет себя не по-свински и что ты им понравишься. Впрочем, мои иллюзии быстро развеялись.

Нора нагнулась, чтобы разуться. Сбросив сандалии на мореное дерево, касается выреза блузки. Кроме нас, на крыше никого нет, и мне рисуется картина, как мы сидим с ней на патио и пьем игристое вино. Мы возмужали и повзрослели, нас уже не обременяют заботы молодости.

Пронзительный автомобильный гудок возвращает меня к реальности. Наверное, я никогда не пойму тех водителей, которые в остервенении жмут на клаксон. Ну, пошумишь ты, а толку-то? Сразу пробка рассеется? Жаль, что у меня нет машины. С колесами ты свободен как ветер.

– Мой ход, – говорит Нора, вновь водрузив ноги на столик. – Для чего ты сюда пришел? Что вас с Дакотой так сильно связывает? И последнее... – Она постукивает по подбородку миндалевидным ноготком. – Если бы я приехала знакомиться с твоей родней (допустим, мы бы друг друга не знали), как бы ты меня им представил?

Договорив, Нора устремляет мечтательный взгляд на линию

горизонта. Отсюда и вправду открывается чудесный вид.

– Я пришел, чтобы получше тебя узнать. Мне казалось, что если я встречу с твоей сестрой и ее мужем, то мы станем ближе.

Я умолкаю, колеблясь, и тут мне приходит в голову, что нельзя больше пропускать вопросы. Мы перешли эту грань, надо двигаться дальше.

Дакота ... С чего же начать?

– Ну, во-первых, у нее никого больше нет, она одна в целом мире. Поэтому, какие бы кульбиты она ни выделывала и как бы ни складывались наши отношения, я всегда буду рядом. Тебе, наверное, трудно понять. – Я придвигаюсь ближе и кладу на столик ноги в каком-то футе от Нориных ног. – Она для меня как родная, ее нельзя разом взять и вычеркнуть из жизни.

– Вычеркнуть из жизни? – Нора насупилась.

– Ну да, бросить и позабыть. А что касается третьего вопроса... – Я взглянул ей в глаза и расплылся в улыбке. Пусть знает, что этот вопрос я не отклоню. – Если бы вы не были знакомы, то я сказал бы: «Мама, Кен, Хардин, вот дама моего сердца».

Засмеявшись, Нора прикладывает к губам пальчик. Посасывает его, и я теряюсь в догадках: то ли она делает это машинально, то ли пытается меня обезоружить.

Ну уж нет, только не в мою смену. Отвожу взгляд от ее волнующих губ и притворяюсь, будто не замечаю манящего жеста.

– «Дама сердца»? – прозвенел в осеннем воздухе чистый голос. Ветер немного утих и уже не швыряет в лицо волосы. Темные пряди разложены по плечам, их острые кончики начали завиваться. Протянув руку, я касаюсь шелковых локонов, и Нора внимательно всматривается в мое лицо.

– Да. Думаю, это самый подходящий эпитет для женщины, обладающей массой достоинств. – Я запрокидываю ей за спину прядь волос и легонько поглаживаю по лопатке.

– И что же это за достоинства? – Ее грудь вздымается и опускается с каждым произнесенным словом.

Тихо хмыкнув, я продолжаю ласкать ее кожу. Она – как котенок, которому хочется, чтобы его целый день гладили и почесывали. Кажется, я превращаюсь в кошатника. Бр-р-р. Кошек рвет комочками шерсти, и иногда они гадят в доме. Не знаю, сумел бы я с этим смириться. Благо пока что у меня лишь одна кошечка, Нора.

– Ну, например, вот это. – Я подношу руку к ее глазам. – И это. – Касаюсь нежных губ. Пальцы медленно сползают к груди, и я бережно обвожу сосок. – И это. – Я прикладываю ладонь к ее сердцу и чувствую,

как оно бьется. – А это – самое любимое.

Внезапно Нора осыпает меня поцелуями. Щеки, губы, подбородок, глаза – все, что придется. Мое робкое «ой» тает в облаке поцелуев. Она вся в моих объятиях, такая нежная, такая теплая. Ее обуяла какая-то нереальная страсть.

– А еще ты училась в колледже.

Она чмокает меня в лоб и смеется. Мне приходится открыть глаза, чтобы удостовериться, что это не сон. И все же какое-то смутное опасение подтачивает меня, словно червь, толкает в изнуренное сердце и шепчет: самое худшее впереди. Я мысленно перебираю все сцены, когда мы были вдвоем, и они ясно встают перед глазами, однако стоит сосредоточить взгляд на чем-то одном, как оно ускользает. Все, что связано с ней, – преходяще. Что с нами не так?

– А еще? – Теперь она елозит у меня на коленях.

Подхватив Нору под ноги, приподнимаю, чтобы она меня не касалась.

– Не спеши. Мы не закончили игру. – Подавшись вперед, зарываюсь лицом в ее груди. – А ведь ты меня почти отвлекла.

Покусываю ее за грудь, она взвизгивает и слезает с моих коленей.

– Хорошо, хорошо, поняла, – бормочет Нора, переводя дух. Ее кожа тускло мерцает в свете городских огней. Я и не подозревал, что в Манхэттене так здорово видно луну. Все же Бруклин и центр – это большая разница.

– Чей теперь ход? – Нора отодвигается к дальнему краю дивана и, усевшись по-турецки, поворачивается ко мне лицом.

Ну, если не помнит, то...

– Мой.

– Врун! – с улыбкой восклицает она. Я пожимаю плечами, изображая невинное недоумение. – Как ты думаешь, мы можем быть вместе? Как считаешь, мы с тобой ненормальные, что всем этим занимаемся? – Она словно прочерчивает пальцем линию между нами. – Какой у тебя самый существенный недостаток?

Самый существенный недостаток? Быть вместе? Ненормальные?

А правда, мы ненормальные?

Я не позволяю и тени сомнений закрасться в этот божественный миг.

– Ну, мы же вместе, – отвечаю я.

Отведя взгляд, Нора прячет улыбку.

– Самый существенный недостаток – это то, что я чересчур всех жалею. – Мне нелегко признавать за собой недостатки, но я хочу быть с ней честен. – Она мельком поднимает взгляд и тут же отводит. – Ну да, мы с

тобой ненормальные.

– А ненормальные по-хорошему или по-плохому?

У каждого из нас есть повод считать другого чуточку как бы того...

Чокнутым ?

Озабоченным ?

Я не знаю, как квалифицировать наше с ней поведение. Мы просто хотим узнать друг о друге побольше. Как-то я шел за Норой от работы до города, который находится в часе езды, я выуживал информацию в Фейсбуке, и она знала, кто я такой, прежде чем разбудить во мне чувства. Мы оба нарыскались вдоволь, и, может, как раз поэтому так хорошо друг друга понимаем?

– А какая разница? Итог-то один.

Она вздохнула и задумалась.

– Да, итог один.

Мы продолжаем игру. Вопросы нейтральные, без переходов на личности, такие можно спокойно и другу задать.

Какое у тебя любимое время года ? У нее лето, у меня зима.

Снег или дождь? Я выбираю снег, она – дождь. Как-то раз, рассказывает Нора, когда ей исполнилось тринадцать, никто из гостей не пришел. Тогда сестра отвела ее на крышу виллы, и они танцевали под дождем. Родители были в ярости – девчонки промокли насквозь и залили водой начищенные полы. Стейси взяла вину на себя: мол, побежала за выскочившей на крышу кошкой.

Была у них кошка по имени Тали, и как-то раз она прыгнула на спину маме, когда та спускалась по лестнице. Нора готова поклясться, что кошка тем самым хотела отомстить за Нору, которую заперли дома на две недели в наказание за какой-то проступок. Я так и не узнал, что было дальше, потому что рассказчица расхохоталась и не может остановиться. И мне становится ясно, что в целом мире нет ничего милее, чем слушать, как она рассказывает, не упуская ни единой детали. У нее долгое предисловие и куча сопроводительных комментариев. Наверное, ей стоит попробовать себя в писательском ремесле. Нора смачно повествует, как сестра заплетала ей косы и учила красить губы. Я узнал, как ее мама менялась с годами, превратившись из нищей работницы кафетерия в светскую львицу, жену известного хирурга.

Впрочем, Нору мамины достижения не впечатляют. Не знаю почему.

– Что еще? Ты рассказывай важное, а не то, чем она зарабатывает. Что тебе в ней нравится, воспоминания из детства и все такое.

Нора придвигается ближе и начинает ласкать мою грудь, ворошит

волосы пальцем.

– Как тебе удастся задавать такие личные вопросы?

– Они кажутся личными, только когда не хочешь делиться. – Я не справился с грустью в голосе.

– Ладно. Мама, ну... – Нора пытается подобрать нужное слово. – Она готовила лучший на свете arroz con leche^[2].

– Это твой любимый десерт?

– Это единственный десерт, от которого я без ума.

У меня отвалилась челюсть. Я, наверное, ослышался.

– Единственный?

– Ага. – Она переходит на шепот. – Между нами, я не люблю сладкое, предпочитаю остренькое.

– Что? Обманщица! – Мой гнев лишь частично наигранный. – Ты же пекарь, ну, то есть кондитер!

– И что? – Ее глаза сверкают в свете городских огней.

– И что? Она еще спрашивает! Теперь я и не знаю, как к тебе относиться.

Она зарывается в мою грудь.

– Так теперь ты во мне сомневаешься? Стоило лишь признаться, что я не люблю сладкое? А то, как запутанна моя жизнь, это все чепуха?

– Ну, кто не ошибается. Но это... Немыслимо, как смириться...

Я отстраняюсь от нее. Она подхватывает меня под локоток, но я упорствую.

– Все, с меня хватит! – Я притворно заплакал. На миг мне даже показалось, что со стороны я выгляжу как чокнутый болван на крыше роскошных апартаментов. Впрочем, чувство оказалось мимолетным, я понял, что мне на самом-то деле плевать. – Предательница! – Я закрываю лицо руками.

Нора взвизгивает от смеха.

– Ладно, прекрати! – Она хихикает, пытается отвести мои руки от лица.

А я не прекращаю. Ей весело, и я кайфую. В отчаянии качая головой и пряча в ладонях улыбку, я испускаю притворный вопль отчаяния:

– Я-то думал, ты не такая!

Она все хохочет и пытается заглянуть мне в лицо.

Наконец, я поддался. Хватаю ее за талию и укладываю на диван. Горловина блузки приспустилась – подмяв Нору под себя, я испортил безупречное одеяние. Я вожу носом из стороны в сторону, очерчивая плавные выпуклости платья поверх ее мягких грудей.

– И что с тобой теперь делать? – спрашиваю я, а она стонет под моими жадными касаниями. Я стою над ней на вытянутых руках, точно в стойке перед отжиманиями.

– Ну, есть у меня пара мыслишек, – шепчет Нора.

Если бы я точно знал, что никто из соседей не покажется в эту минуту на крыше, то прильнул бы губами к ее промежности.

Глава 28

Нора

– Может, лучше вернемся? – предлагает он после пары раундов.

Похоже, я полюбила эту игру. Пока что он не пропустил ни одного вопроса и думает, что я не заметила.

А я все подмечаю. Моя голова лежит у него на коленях, он ласкает мои волосы, мягко массирует голову. Так и уснуть недолго. Когда тебя долго не гладят чужие руки, то начинает казаться, что это вовсе не важно. А на самом деле в нас это природой заложено: нам нужно прикосновение другого человека, от первого до последнего дня.

– Еще разок и пойдем. – То, о чем мне на самом деле хотелось его спросить, я оставила напоследок.

– Ладно, только один.

Прикрыв глаза, собираюсь с силами для решающего поворота в нашей беседе.

– Ты поверил мне, когда я сказала, что Дакота тебе изменила? У тебя появилось такое чувство, что ты должен ее опекать и защищать, после того, как исчез ее брат? – Пальцы Лэндона застыли в моих волосах. Очень трудно продолжить. – И еще...

– Ее брат не исчез. – Лэндон меня отодвигает.

Что и требовалось доказать. Вот он, спусковой крючок их непростых отношений.

– Так мне было сказано, – поясняю я. Когда она выкрикивала его имя во сне, я спросила, что происходит, и она рассказала про пропавшего брата.

Я хочу заглянуть в глаза Лэндону, но он отворачивается. Сажусь и бросаю взгляд в сторону двери, ведущей на лестницу.

– Значит, ты просто не в курсе. – Его голос безрадостен.

– Так расскажи. Между нами стена. Ты хочешь, чтобы я выложила тебе все без утайки, а сам придержишь ценную инфу. Неплохо устроился. Вся эта история очень крепко вас связывает.

Не глядя в мою сторону, Лэндон качает головой.

– Я не вправе открыть чужую тайну.

– Чужую? Если ты замешан, значит, тайна твоя. – Меня это уже порядком бесит. Если бы я знала, что там у них случилось, мне было бы легче понять. – Доверься. Мне нужна лишь твоя откровенность.

От меня не ускользнула вся ирония этой фразы.

Лэндону явно не по себе. Ну и я хороша – сама молчу о бывшем, отказываюсь распространяться, не позволяю себя расспрашивать, а от него жду полного отчета. Однажды я ему конечно же все расскажу. Может быть, даже скоро. Мне просто надо немного в себе разобраться. Понять, что у нас происходит. Мне казалось, что все уже ясно, и я решилась, но Лэндон вдруг начал темнеть, и я теперь не настолько уверена в собственном будущем.

Он тихо заговорил. Я держу рот на замке, протянув к нему руку – вдруг захочет за нее подержаться.

– Мало того, что со школой у Картера не задалось, до него докапывались все, кому не лень, даже собственный папаша. Да и соседи подобрались еще те, в основном приехавшие из Кентукки и Западной Вирджинии. Они привыкли жить по старинке, не принимая ничего нового и отторгая всех, кто хоть чем-то от них отличается. Это как раз у таких на окне вместо шторы полощутся флаги Конфедерации. Безработица была просто жесткач, и народу оставалось только промывать косточки молодежи, обсасывать подробности их личной жизни. В общем, стали поговаривать, что Картер и Джулиан, его лучший друг... – Лэндон умолк и уставился перед собой рассредоточенным взглядом. – Мол, им нравится целоваться.

– А по правде? – У меня скрутило живот. Очень не хочется это слышать, да как видно придется. Видно, что Лэндону тяжело.

– Целовались. Какое-то время взрослые только посмеивались – мол, у Картера брючки узковаты и голос тонковат, и вообще он какой-то... Ну, смеялись, и ладно. В общем, все всех устраивало, пока кто-то не пустил слухок, будто бы Картер, мол, пробовал целовать и другого мальчишку, а паренек с нашей улицы пожаловался, что Картер пытался его лапать. И тут их всех словно прорвало.

У меня сердце упало, с непривычки затрясло. Меня давно перестали трогать события внешнего мира, да и внутреннего тоже, теперь же, когда появился Лэндон, я вновь стала чувствовать и переживать.

– А он правда это сделал?

Лэндон отчаянно замотал головой.

– Нет, он никогда бы до этого не дошел. Это все они, окружение. Распустили злые языки, брызгали ядом. Если у человека одна извилина, до него даже не доходит, что он в чем-то не прав. Эти люди, они утверждали, что якобы... – Лэндон нарисовал в воздухе знак кавычек, – ничего не имеют против геев, лишь бы те их не трогали. Вот спрашиваешь у такого: «Ты – гомофоб?», так он спорит.

Знакомая история. Со мной учились подобные девочки-Барби. Как только меня не обзывали, чего только не говорили. Причем, я думаю, они

полностью сознавали, что делают. Из-за того, что я смуглая, меня без конца спрашивали, с какой бензоколонки качает бабло мой отец, а он тем временем спасал их мамаш от рака кожи, потому что те слишком долго пекли свои попы на солнце.

– Так Картер превратился из всеобщего посмешища во вселенское зло. И понеслось! Это как охота на ведьм. Сколько мальчиков отиралось в его компании? Сколько он пытался облапать из тех, кто катался с ним на велосипеде? А к скольким раздолбаям он домогался, помогая им долгие годы с домашкой? Больше не было никаких обвинений, а тот мальчик, которого он будто бы лапал, признался, что на клевету его подбил старший брат, которого Картер конкретно «вымораживал». Но что толку? «Голубизна» Картера стала притчей во языцех. Отец стал срывать на нем злобу. Когда шепоток за спиной превратился в откровенные вопли, а на стене их дома кто-то написал три больших черных буквы, у папаши лопнуло терпение. В ту ночь мы с Дакотой с трудом оттащили его от сына, а с утра Картер не явился в школу.

У Лэндона срывается голос, и я пересаживаюсь к нему на колени. Он прижимает меня к себе, словно ищет некое утешение. Я сижу, отирая слезы со щек, сама не заметила, в какой момент они потекли. Слишком живо представилась эта картина. Помню ночь, когда Дакота забилась под кухонный стол. Не повезло девчонке.

– Мы вернулись домой и нашли его. – Лэндон прокашлялся, я обхватила его руками, прижала к себе покрепче. – Мне пришлось силой вытаскивать Дакоту из комнаты. Она ругалась, била меня, вообще была не в себе. Орала. Боже, как она орала. Потом приехала полиция, и его увезли. Он повесился, весь в ссадинах и синяках от побоев.

Лэндона передернуло, а я рыдаю, зарывшись в его волосах. Неудивительно, что они оба такие. Не будь у нее тогда Лэндона, вообще непонятно, во что бы она превратилась.

– Прости, мне очень жаль, очень. – В исступлении тру его спину, сто раз пожалев, что извлекла эту правду на свет божий. Мне и в страшном сне не могло такое привидеться. – Извинениям нет конца. Сердце кровью обливается, что испытывал паренек из-за того, что он целовался «не с теми». Самоубийство само по себе ужасно, а когда кончает с собой подросток – с этим вообще тяжело примириться. Когда ты молод и юн, тебе все кажется важным, и любое несчастье – конец света.

– Чш-ш. – Лэндон поглаживает меня и утешает. – Чш-ш, не плачь. Все пройдет.

Он меня утешает? Приподнимаю за подбородок его лицо, заглядываю

в глаза.

– Мне никогда до тебя не дорасти, хоть тысячу жизней проживи.

Он крепко прижимает меня к своей груди, и постепенно нисходит понимание того, что я влюбляюсь в него. И от этой привязанности не отвертеться, даже если он не полюбит меня в ответ.

Глава 29

Лэндон

Ко мне поехали на такси. Нора притихла и словно просветлела душой. После неловкого прощания со Стейси и ее мужем даже мне стало как-то веселее. Разговор на крыше принес облегчение. Стена, что была между нами, стала как будто бы ниже, хотя и не исчезла совсем. Чем лучше я узнаю Нору, тем сильнее понимаю: мы с Дакотой были слишком юны для таких отношений. Между нами была просто удобная взаимозависимость. Впрочем, что бы ни случилось, я всегда приду ей на выручку. И даже Нора стала проще на это смотреть.

Я рассказал ей о худшем дне своей жизни, и это нас будто сроднило. Почему, чтобы сблизиться с человеком, надо переложить на него частицу своей беды? Беда – не самое ценное подношение. Лучше, наверное, переживать в одиночестве.

Впрочем, кто его знает. Я часто вспоминаю тот день, но почему-то легче не становится. Если бы не трагическая гибель Картера, из меня получился бы совсем другой человек. Все мои представления о горестях и потерях перевернулись в одночасье. Я понятия не имел, что такое настоящее страдание и настоящий кошмар. Кошмар и страдание – это когда в твоих руках на холодном линолеуме бьется обезумевшая от горя Дакота, а из соседней комнаты выносят неподвижное тело ее брата.

Дакоту так трясло, что врачам пришлось колоть ей успокоительное. В ту ночь она спала в моей постели, прижавшись к моей груди, и сердце ее разрывалось на части, когда она, в очередной раз проснувшись, понимала, что все это не сон.

Я обнимаю Нору и чувствую, как ее трясет. Вряд ли стоило все ей рассказывать, тем более с такими подробностями. Скорей бы забыть о том злополучном событии. Однако время идет, а воспоминания по-прежнему свежи.

Мы удаляемся от Манхэттена, и кажется, что больше становится расстояние между мной и Норой. То, что случилось на крыше, нас сильно сблизило. Надолго ли этого хватит в ночи вдали от сверкающего огнями города? Наверное, в темноте проще спрятаться друг от друга.

– Прости за истерику, – прерывает молчание Нора.

Мы подъехали к дому. Она высвобождается из моих объятий и не спеша выходит из машины. Тихая бруклинская ночь просачивается в наш

уютный манхэттенский кокон.

– Ничего страшного. – Я пожимаю плечами, пытаюсь ее хоть капельку успокоить. Судя по ее лицу, не подействовало. – Зайдешь ко мне?

Она кивает, и я беру ее за руку.

Тут раздается судорожный вздох, и из темноты доносится голос Дакоты:

– Ты весь день не брал трубку.

Нора отпускает мою ладонь. С приступочка у стены встает Дакота. Она теребит в руках зеленый лист, отщипывает от него лоскутки, роняет их себе под ноги.

– Откуда ты взялась? – Хорошо бы нам втроем спокойно, цивилизованно поговорить. В магазин, расположенный под моими окнами, заходит компания молодых людей, я провожаю их взглядом до прилавка. Сегодня работает Эллен. Как видно, она одна. Я слежу за парнями и попутно наблюдаю за двумя девушками. Нора стоит позади меня, отвернувшись. Дакота не двигается с места, тормозит в руках листик. Интересно, как примет ее Нора после сегодняшних откровений? Может, будет немного терпимей?

Мои воспоминания перемешиваются с реальностью. Только что я видел Дакоту из прошлого – убитую горем, рыдающую. Теперь она стоит руки в боки, с видом решительным и грозным. Совсем не похожа на убитую горем. Или это только фасад?..

Тесса ведь тоже не выглядит убитой горем, но она разваливается на части, разрывается по швам.

– Я весь день не могла до тебя дозвониться. – Дакота говорит тихо, с ощутимым надрывом. – Уже второй раз сюда прихожу, собиралась уйти. – Она смотрит в упор на Нору. – Мы же вроде решили, что ты сообщишь мне насчет Мичигана.

Мичиган! Совсем вылетело из головы!

– Как отец? – спрашиваю, беспомощно перебирая в уме варианты ответов.

– По-прежнему. – Взгляд Дакоты метнулся под ноги. Такое чувство, что слова даются ей с трудом. – На звонки ты не отвечаешь. Выходит, не едешь. Мог бы просто сказать.

Опять обвиняет. Справедливо? Не пойму.

Бывает, надо судорожно найти какой-то ответ, а черное и белое неразличимы, и тогда жалеешь, что нельзя обойтись полутонами. Сейчас как раз такой случай. Ведь я неплохой человек? Верный друг, сознательный гражданин. Подношу женщинам тяжелые сумки, а однажды даже отдал

полицейским конверт с деньгами (там было двести долларов), который кто-то потерял на улице. Я не из тех, кто получает удовольствие, когда другому больно.

Кстати, интересная мысль. Я столько лет осуждал парней, которые изменяют своим девчонкам и предают друзей, считал их какими-то недоделанными, а сам разве лучше?..

Ведь я врал Дакоте прямо в глаза. Не думаю, что я когда-нибудь признался бы ей в том, что переспал с другой. Мне удобнее верить, что это ее не касается. А собственно, почему не касается? Она прочно вошла в мою жизнь, она мне доверяет, но я собирался утаивать Нору?.. Мало того, что я скрывал Нору, прятал ее, точно маленький некрасивый секрет, так еще смел на нее дуться за то, что она не спешит делиться со мной своим прошлым. Ну не наглец?..

Я плохой, я негодный друг. Я превратился в манипулятора. Конечно, я не натравливаю друг на друга невинных детей. Я даже не знаю, кем будет Нора в этой истории – Питом или все-таки Гейлом? Китнисс хотя бы борется за жизнь. А я просто мечусь в нерешительности меж двух женщин, которым небезразличен, и не знаю, что дальше делать. Складывается ощущение, что я забавляюсь. По доброй воле или нет – ничего не меняет. Зачем я весь день динамил Дакоту? У нее, между прочим, умирает отец! Ну почему я такой? Может быть, в отношениях всегда столько сложностей?

– Прости. Надо было взять трубку, когда ты звонила... – Начинаю оправдываться, поглядывая то на Нору, то на Дакоту. – Длинная выдалась ночка.

Я даже не сразу понял, как это двусмысленно. Проходит пара секунд, слова оседают в прохладном воздухе.

– Ну прости, что прервала твою *длинную ночку*. – Дакота обнажила зубы. – Я с утра улетаю. Меня встретит твоя тетушка Риз. Она подбросит меня до больницы.

Как услышал про тетю, сердце сжалось. Я очень соскучился. Благодаря ей у меня было хоть какое-то подобие нормального детства. Вся моя любимая родня: она и дядя. Потом дядя умер, и осталась она.

– Прости, Дакота.

– Поезжай с ней, – неожиданно подает голос Нора.

Я оборачиваюсь. Мне, наверное, послышалось.

– Поезжай с ней, Лэндон, – повторяет Нора, а глаза у нее грустные-грустные.

– Что? – спрашиваю еле слышно. Она стоит, скрестив руки на груди.

Неспешно кивнув, Нора тихо повторяет:

– Поезжай с Дакотой. Так будет честно.

Сбитый с толку, пытаюсь сообразить, что тут происходит.

– Нет, серьезно. Сопереживание не отнимет того, что сейчас между нами. Ты правильно сделаешь, если поедешь.

– Лэндон и сам может высказаться, – встречается Дакота. Ее голос – как натянутая струна, что тянется из глубокого детства.

– Для тебя же стараюсь. – Нора подается вперед, Дакота шагает ей навстречу. Не уверен, что дело кончится миром. У меня уже нет сил. Не хватало только кошачью драку разнимать.

– А ну прекратили, обе. – Встречаю между ними и развожу руки в стороны.

Дакота держится на расстоянии, но никак не уймется.

– Мэгги и с тобой пыталась связаться, – со злобным прищуром смотрит она на Нору.

– И что? – пожимает плечами та. – Я там больше не живу, и нам не о чем разговаривать.

Судя по всему, ответ Дакоте не нравится. Меж тем я кидаю взгляд на угловой магазинчик, чтобы проверить, как дела у Эллен. За прилавком ее не видно. Делаю шаг по направлению к магазину, и Нора хватается меня за рукав.

– Отпусти, – повышаю голос я, торопливо добавив «пожалуйста», которое она вряд ли расслышит.

Открываю дверь, вижу подростков у кассы. Сгруппировались в кучу, галдят. Из тех, что помладше, двое перекидываются шоколадным батончиком. Меня не замечают. Лишь один бросил взгляд, но ему, видимо, глубоко по фене мое появление.

Оглядываюсь: снаружи Нора с Дакотой стоят рядом и разговаривают. Похоже, никто из них не кричит, уже хорошо.

– Сколько стоит? – спрашивает Эллен один из мальчишек. Для подростка у него неожиданно низкий голос.

Отработанными движениями Эллен сует в пакет небольшую пачку чипсов. Приняв у парнишки десятку, отсчитывает сдачу.

Тот смотрит на зажатую в кулаке пятерку и говорит:

– Я дал двадцать.

Он купил пакет чипсов и бутылку газировки.

– Ты дал десятку, – спокойно возражает Эллен. Склонила чуть набок голову – пытается сообразить, что к чему, проверяет себя.

– Ты дал ей десятку, – подаю голос я из-за мальчишеских спин. – А теперь руки в ноги и проваливай.

Подростки медленно оборачиваются (хорошо, что у нас не компьютерная игра, потому что к этому моменту они у меня все лежали бы на полу) и нагло меряют меня взглядом. Я тоже оценивающе на них смотрю, пытаюсь прикинуть, насколько они агрессивно настроены, и тут из-за спины раздается вопль Дакоты:

– *А ну выметайтесь отсюда!* И чтобы не рыпались. А если кто-то надумал глупить, жизнь заперет за пару секунд. Так что кому интересна его дальнейшая судьба, тот *спокойно уходит*.

Детишки – а самому старшему на вид не больше пятнадцати – поспешно линяют, что-то бормоча себе под ноги. Но Дакоте сейчас не до них: она в упор уставилась на меня.

Не знаю, что делать. Те времена, когда мы понимали друг друга без слов, безвозвратно ушли в прошлое. Когда-то мы умели подолгу общаться на уровне взглядов. Я смотрю на нее, пытаюсь припомнить, какой она была раньше, и ее прежний облик с трудом накладывается на нынешнюю версию. Поразительное чувство, когда вроде бы знаешь человека вдоль и поперек, но совершенно не можешь понять. Мне слишком больно на нее смотреть – сегодня всколыхнулись воспоминания о Картере, и я с усилием отвожу от нее взгляд.

Подхожу к прилавку. Эллен сконфуженно разглаживает стопку полиэтиленовых пакетов на полке под кассой.

– Ты поосторожнее, когда работаешь по ночам, да еще в одиночку. У тебя что-нибудь есть для защиты? – Заглядываю под прилавок. Под ногами – коробки с бумагой, открытый ящик с инструментами. Конечно, она могла бы воспользоваться молотком, если что...

– Да ладно, все в порядке. Да и некому больше работать так поздно, – говорит она хриловато.

Не хочу вгонять ее в краску и заставлять объясняться, почему она одна работает по ночам. Раз говорит, значит, так и есть, и доставать ее разговорами я не намерен.

– Ты уж поосторожнее, ладно? – добавляю я на прощание. – И сразу же отцу звони, если зайдет такая компашка.

Закатив глаза, Эллен обещает звонить. Предложив ей закрыться на ночь, возвращаюсь на улицу.

Едва я успел переступить порог, передо мной возникает Дакота.

– Она оклемалась?

Я кивнул и ищу взглядом Нору, глядя поверх Дакоты.

– Лэндон, я пыталась тебя предупредить насчет Норы. Ты, конечно, мне не поверишь, но она обманывала тебя с самого начала. – Дакота

говорит порывисто, ей стоит больших сил сдерживать злость. – Она знала, что мы встречаемся. Она и меня обманула, не только тебя. Она...

– Хватит. – Я безжалостно пресекаю этот словесный поток.

На тротуаре стоит Нора, чуть приоткрыв рот и приподняв плечи. Она отчаянно пытается изобразить, что ее ничего не волнует, хотя в голове наверняка крутятся тысячи версий о том, что сейчас происходит между мной и Дакотой. И, словно этого мало, Дакоте приспичило взять меня за руки.

– Я тут пытаюсь дозвониться, а ты все это время был с ней, да еще притащил ее к себе домой. Поверить не могу! Нет, если бы ты просто все рассказал... А я-то ломаю голову, унижаюсь, как сумасшедшая, бегаю за тобой... Ну неужели так трудно? Ты или она, хоть кто-нибудь мог бы мне все объяснить? Сплели себе паутину, да сами в нее и попались.

Впервые обратив внимание на ее внешний вид, пытаюсь сообразить, зачем она явилась сюда при полном параде. Прилегающая блузка с глубоким вырезом, обтягивающие черные джинсы в противовес привычным треникам и лосинам, перламутровый макияж в свете уличного фонаря.

На что она рассчитывала, когда сюда собиралась? Надеялась соблазнить меня ради Мичигана? Хотела отбить меня у Норы?

А может, и то, и другое?

– Дакота, – каждая буква ее имени сочтется негодованием, – я сказал, хватит. Не надо сюда приходить и устраивать сцены. Здесь тебе не Сагино. Будешь орать, здесь в полицию позвонят.

– Лэндон. – Она сжимает мои ладони, я вырываюсь. – Пусть тогда Нора расскажет тебе о семье и богатеньком муже. Он...

Она что-то говорит, говорит, слова влетают в одно отверстие на моей голове, вылетают в другое – я ничего не слышу.

О муже ?

– Когда мы выгнали ее из квартиры, она прибежала, будто ей совсем некуда податься. А на самом деле у нее есть дом, загородный особняк. Я сама его видела.

Скарсдейл. Вот почему она переодевалась.

Что-то еще, и еще, и еще ... Дакота не унимается. Нора смотрит на меня и постепенно мрачнеет. Я сам чувствую, что меняюсь в лице. Она все поняла, это видно по взгляду. Там сплошное смятение.

Выходит, она замужем ?

Ну конечно, кто бы сомневался.

Глава 30

Словно зомби, протискиваюсь мимо Дакоты и встаю перед Норой.

– У тебя есть муж? – Мой голос предательски дрожит.

Она молча смотрит на меня, вздыхает.

– Это долгая история.

Сзади подходит Дакота.

Долгая история?

Долгая история – это когда ты добавляешь подробностей к уже имеющейся базе. Долгая история – это немножко проще, чем, на фиг, тайный муж. То есть версия со шпионажем – это были еще цветочки. Все куда хуже. Самое страшное, что у Норы, оказывается, есть муж, а она ведет себя так, словно речь идет о заначенном бутерброде. Я одного не пойму: для нее это вообще не проблема или она просто не воспринимает меня всерьез? Нора словно перечеркнула все мои чувства, я совершенно опустошен. Мне надоело играть в кошки-мышки, гоняться за этой извечно ускользающей бестией. Довольно. Мне нужны ответы.

– И этой «историей» ты забыла со мной поделиться, – тихо говорю в ответ. – Весьма важной «историей».

Нора кивает – спокойная, собранная, полная моя противоположность. А меня как будто засунули в тесный шкаф, из которого не выбраться. Разве она стоит таких мучений? Неужели так трудно было рассказать? Я думал, она мне доверяет.

Пытаюсь понять, что происходит в ее голове. Припоминая, какого существенного прогресса мы сегодня достигли. Я все еще слышу ее смех, помню, как она массирует меня пальцами и как сладостно ее целовать. Эта женщина оставила на мне огромный отпечаток. Не знаю, стану ли прежним, когда со мной будет покончено.

И еще одного я никак не могу забыть. Нора дарила мне уверенность, что я очень хороший человек. Сильный. Адекватный. Я чувствовал, что быть мной – хорошо.

Но много ли значит такая чепуховина в болоте вранья?

– Я не собираюсь всю ночь здесь с ней скандалить, – шепчет мне Нора, так, чтобы Дакота не слышала.

Однако у Дакоты на вечер, как видно, другие планы.

– Ах, так ты ему не сказала?! – восклицает она. – Ну, ты не расстраивайся, мы ведь тоже не знали. Пока не получили на него

квитанцию.

От потрясения я не слышу и половины из того, что она орет, но Дакота не унимается, и рано или поздно один из нас, или я, или Нора, не выдержит и огрызнется. Так перед грозой поднимается ветер: понимаешь, что скоро грянет.

Нора взрывается сразу.

– А тебя это вообще не касается, ясно? И не рассказывала я ничего потому, что это не ваше дело. Я свою долю квартплаты платила, что еще?

Дакота от неожиданности захлопнула рот.

– Да ты!..

– А ну прекратили обе! Я не намерен лаяться здесь всю ночь. – Смотрю на них, а те разинули рты и уставились на меня. – Хватит.

У них даже слов не нашлось от изумления.

Дакота первой опомнилась.

– Мы не лаем. Просто скажи этой лживой сучке...

– Хватит! – гаркнул я.

Дакота выпучила глаза. Нора стоит притихшая и глядит на меня со спокойным умиротворением. Надо с ней переговорить, наедине. При Дакоте мы ничего не проясним.

– Дакота, ступай домой. С утра я приеду. Сообщи, какой у тебя рейс, попробую взять билет. А сейчас, пожалуйста, уходи. – Я гляжу на нее сурово, чтобы не думала, что это все шуточки.

– Ты выбираешь ее, да? – спрашивает Дакота.

У меня засосало под ложечкой.

Конечно, я ее понимаю. После многих лет, после всех наших воспоминаний, я вдруг предпочел какую-то левую телку. По крайней мере, так Дакоте видится ситуация. Для нее, наверное, это дико. Интересно, ей тоже показалось, что мир ушел из-под ног? Раньше, в далеком прошлом, я и не мыслил о том, чтобы предпочесть ей другую. С самого детства Дакота поддерживала меня, с тех самых пор, когда она отловила собаку старика Руперта и попыталась сдать бедолагу в приют, из самых благих побуждений. Кто-то, очевидно, сказал ей, что хозяин плохо обращается с псиной. В ту пору в этой упрямой маленькой женщине я видел лишь самое лучшее, то, чего не могу рассмотреть в ней теперь. Дакота, которую я знал, прячется где-то внутри завистливой взбалмошной незнакомки, стоящей сейчас передо мной.

И я не буду подпитывать злого зеленого монстра, что пристроился у нее на плече.

– Это не соревнование. Если ты не уйдешь, то завтра я с тобой никуда

не поеду.

Дакота не сводит с меня взгляд, ждет, чтобы я сказал еще хотя бы слово. А я не говорю. Мне больше нечего добавить.

Я поворачиваюсь к Норе, а Дакота за моей спиной медленно удаляется. Я слежу за ней краешком глаза; если она скажет хоть слово, я не сдержусь. Меня снедает злость, причем на себя самого в том числе. Хоть раз в жизни способен я удержать ситуацию в руках?!

Нора поднимает на меня глаза.

– Я...

Я упреждающе поднимаю руку. Моя очередь говорить. Теперь она, понимаете ли, готова общаться... Смешно!

Мимо проходит хозяин с собакой; собака остановилась и подняла ножку у мешка с мусором, лежащего на тротуаре. Молча слушая тихое журчание, мы с Норой выигрываем время перед непростым разговором.

– Прежде чем ты что-либо скажешь, знай: для меня игры закончились. Если ты хочешь стать частью моей жизни, то позволь мне стать частью твоей. И подумай, прежде чем отвечать. Seriously.

Наверное, нет ничего хуже, чем быть эмоционально привязанным к женщине, совершенно не представляя, кто она такая. Хотелось бы думать, что всем тайнам найдется волшебное объяснение, но сейчас, глядя на нее, я уже ни в чем не уверен. Как же не хватает здесь манхэттенской крыши!..

На глазах Норы блестят слезы.

– Давай зайдем к тебе? – Она тянется, хочет взять меня за руку.

Я отстраняюсь и молча веду ее в свой подъезд.

Глава 31

Нора

Этот лифт, он всегда так шумел? Не знаю, от чего меня больше мутит – от лязга, от перепада давления или от мысли о неизбежности предстоящего разговора. Выходим на этаже, глаза режет от ярких ламп. Мы не идем, а как будто плетемся со скоростью черепахи. Так и подмывает сказать ему, что мне нужно по делам, и бежать без оглядки.

Вычеркнуть его из своей жизни с той же легкостью, с какой он в ней появился.

Лэндон вставляет ключ в замок, распахивает дверь, пропускает меня вперед. Прохожу под его рукой, он щелкает выключателем. В тусклом свете прихожей черты его лица обостряются, и мягкие нежные губы скрыты тенью.

Сейчас мысль о разлуке не кажется страшной. Все будет куда сложнее, когда загорится свет, и я вновь увижу его таким, как он есть – светящимся изнутри.

Сегодня он открылся мне с неожиданной стороны. Пока не заявила Дакота, я видела его боль, его вину, его переживания. А еще я увидела в нем защитника – мужчину, готового взвалить на себя тяжкий груз.

– Пить хочешь?

Плетусь за ним в кухню и думаю: *«Разве что выдуть бутылку водки, чтоб сразу вырубиться»*.

Лэндон не спешит включать верхний свет, и я прислушиваюсь, дома ли Тесса. Все тихо. Либо спит, либо вышла куда-то. Час поздний. Понятия не имею, сколько времени.

– Воды, если можно.

Он вынимает из холодильника бутылку воды, себе берет «Гаторейд» и хлопает дверцей.

Сердится?

Что за вопрос, а как же иначе?

Я иду за ним в комнату, Лэндон говорит, что ему надо в душ. Не знаю, легче мне будет от этой отсрочки или только хуже. Он включает верхний свет, берет из комода одежду и уходит. Опускаюсь на кровать и лежу, уставившись в потолок.

Итак, он намылился в Мичиган. Поездочка на двоих. Родной город, масса воспоминаний... Надо же, какая горькая у меня участь. У Дакоты

отец при смерти, а я все о себе пекусь. Конченная эгоистка. К сожалению, смерть брата – лишь один пласт их общего прошлого. Нельзя мне было вклиниваться между ними. Вот захотела раз пожить вольной птицей, и сразу вокруг столько жертв.

Лэндон заслуживает другой жизни. Чтобы его тихо любили, чтобы вокруг царил покой. Он надежный, он из тех, кто всегда стремится исправить несправедливость. Мне бы с ним ни о чем не пришлось волноваться. А вот ему бы не повезло. Тяжкий жребий – связаться со мной, кинуться в пучину моей личной жизни. И семья у него хорошая. Хорошие люди. Не то что некоторые, которым лишь бы захватить да имя свое раскрутить.

Опять у меня глаза на мокром месте, совсем расклеилась. Усаживаюсь, пытаюсь собраться с мыслями. Нашла время рыдать и оплакивать себя, бедняжечку. Слезами горю не поможешь. Сегодня – последняя ночь на двоих, в последний раз я почувствую прикосновение его рук.

Спускаюсь с кровати, иду в ванную. Не заперто, по коридору струится облачко пара. Зайдя внутрь, я закрываю дверь и запираюсь на замок. Роняю одежду на пол и, сделав глубокий вдох, лезу под душ. Лэндон стоит под струей, и вода обволакивает его нагое тело. Глаза закрыты, подбородок вздернут, лицо обращено к упругой струе. Ни знаком, ни жестом он не дает мне понять, что заметил мое присутствие. Но и не вздрагивает, когда я обхватываю его за талию.

Прижимаюсь щекой к его влажной спине, и мы стоим так минуты, часы, потерявшись во времени. Наконец, он оборачивается, я прислоняюсь к его груди. Сердце Лэндона бьется ради меня, а мое за него трепещет.

Поддерживая его пальцами за подбородок, хочу поцеловать, но он отворачивается. Что-то резануло внутри. Что ж, говорю себе, привыкай. После того, как я все ему расскажу и он останется наедине с Дакотой, у нас по-любому все будет кончено. Целуя его в первый раз, я уже понимала, что этот день неизбежно наступит, просто не думала, что будет так больно. Мы ведь просто хотели развлечься. Теперь же, когда он уклонился от поцелуя, я понимаю, как далеко все зашло. Когда мы успели перейти за грань нежной дружбы?

Что сейчас между нами?

Я хочу извиниться.

– Прости, что... – Даже не знаю, с чего начать.

– Не надо. Давай поговорим, когда... – Он взглянул на меня. – Давай оденемся.

Я соглашаюсь. Не потому, что мне хочется одеваться, а потому, что

Лэндон попросил. Пусть будет все, как он хочет.

Мы выходим из душа. Он берет полотенце и поворачивается ко мне. Опустившись на колени, обтирает мне насухо стопы, лодыжки. С него капает вода, но ему важнее, чтобы мне было сухо.

Меня обуревает желание сказать ему что-то приятное, однако я не нахожу нужных слов. Беру его за руки и поднимаю с колен, обтираю полотенцем. Он не сопротивляется – закрыл глаза, и я не спеша стираю капельки влаги. Прошу Лэндона присесть на унитаз, чтобы я могла обсушить его волосы, и он подчиняется. Глаза закрыты, губы сомкнуты. Вот бы вернуться в тот день, когда все только начиналось, и начисто переиграть. Если бы мы жили в книжке, в любимом им фэнтези, я навела бы чары и повернула вспять время. Сварила бы сыворотку правды и подсыпала себе в еду, чтобы с самого начала выложить ему все как есть, начистоту.

Из стопки чистой одежды, что лежит на полке позади унитаза, вынимаю мужские трусы. Склонившись перед Лэндоном, начинаю его одевать. Он не противится. На нем зеленая футболка, вся в складках, на голове всклокоченные мокрые волосы. Такой жалкий, что больно смотреть.

Я насухо обтираюсь, беру с пола черные трусики. Он тянет за них, словно хочет отнять.

– Дай я найду тебе что-нибудь свежее.

Поднимает с пола мою одежду.

Завернувшись в полотенце, я плетусь за ним в спальню. Мы закрываемся в комнате, и я сбрасываю с себя облачение. Лэндон жадным взглядом ощупывает мое голое тело – меня бросает в дрожь, – выдвигает ящик комода и протягивает мне серые трусики и рубашку без рукавов.

Он не смотрит, как я одеваюсь, и на меня наваливается ощущение пустоты. Самонадеянно было ждать от него бурной страсти, а то, что он специально отводит взгляд, лишь укрепляет во мне неуверенность.

Даже одетую, меня преследует чувство незащищенности. Я присаживаюсь на кровать. Отпив газировки, Лэндон опускается рядом, протягивает мне бутылку воды.

Нет смысла тянуть с разговором.

– Я вышла замуж в девятнадцать. – Он почти не дышит, уставился в стену. – Были свои причины. Хотелось что-то доказать своим родителям, вырваться из-под железной опеки, а еще больше – насолить его предкам. Мне было противно брать деньги у своих. Я стала женою Амира, и материальный вопрос отпал сам собой, я больше не зависела от семейной поддержки.

Лэндон сидит, внимательно впитывает информацию и, как обычно, ухватывает самую суть.

– А где он сейчас, твой муж?

Ах, если бы все было так просто!

– Мой муж сейчас где-то в пространстве между этой комнатой и Скарсдейлом.

Ну, по крайней мере, если вести речь о его брэнной душе.

Лэндон морщит лоб.

– Получилось легко и играючи. Детишки подписали какие-то бумаги и оказались женаты. Такое ликование! Ну как же, высвободились из-под опеки родителей. Первая любовь, молодо-зелено. Все было прекрасно – до первых сложностей.

Я умолкаю. Так и подмывает спросить: *твоя любовь тоже продлится до первых сложностей?*

– А когда начались настоящие проблемы, типа пьянства и вылета из колледжа, его родители обвинили меня и пригрозили прекратить финансирование. Я ничего не могла с ним поделать, совсем перестала его понимать. Он как-то обмолвился, что родители вынуждают его отписать на них землю, которую когда-то приобрели на его имя. Муж не вдавался в подробности, но я навела справки и поняла, что эту землю хотят продать втридорога. Нет, сына они любили, и до аварии его жизнь была распланирована на годы вперед. А когда планы рухнули, они решили перейти к плану Б: получить землю от меня и продать. На полученные деньги собирались построить еще одну клинику и повесить на ней семейную вывеску.

Его принуждали отписать свою собственность в пользу родителей, последовав примеру брата, однако мой муж отказался. Помню, в тот день мне пришлось силой вытаскивать его из отцовского кабинета. Амир стал мертвенно-бледным от злости и кричал, обзывал отца мошенником и лжецом. По дороге домой он все время молчал. Вот тогда я поняла, что вышла замуж не по любви, а по дружбе.

Чисто формально у нас все было лучше некуда. Отцы наши – деловые партнеры, сестра с братом помолвлены, мы много путешествовали по свету и воспитывались в достатке. Вот только по милым маленьким пустячкам наши взгляды существенно расходились. Амир терпеть не мог то, от чего я была без ума, типа выпечки. Ладно бы муж не интересовался кухней, но хотя бы ел то, что я приготовлю. Так нет же! Чаще всего Амир не притрагивался к еде. Его страстью была недвижимость, которая меня, в свою очередь, совершенно не интересовала. Наши семьи были повязаны

деньгами и репутацией, и мы, сами не зная как, оказались заложниками игры, правил которой не понимали. А здорово было бы подгадить предкам и расписаться без пышного торжества? Наши материалистичные родственнички будут оплеваны. То-то забава! Да, мы были знатные конспираторы. В остальном же нас мало что связывало, как физически, так и эмоционально.

Я выложила Лэндону все начистоту, без остатка, была откровенна с ним, как ни с кем раньше, но его интересует лишь одно:

– И какие у вас сейчас отношения? Вы разошлись или нет?

Он слишком молод, чтобы волноваться о размолвках и свадьбах, о юридических документах и дарственных на землю. Для него имеют значение только чувства, а все эти разборки среди богатеев – пшик, пустой звук. Разум Лэндона не замутнен, и вот я пришла и мараю его.

– Дело такое. – Я набираю полную грудь воздуха. – Поскольку сам он решать уже не в состоянии, родные хотят, чтобы все на них отписала я. Однако пусть не надеются. Мы с Амиром им ничего не должны. Они бы с радостью отключили его от аппаратов, да только я помешала.

Лэндон смотрит на меня, мучительно пытаюсь сложить два и два.

Следовало давно ему рассказать. Теперь, когда все выплыло, не понимаю, чего я боялась. К сожалению, жизнь – непростая штука, и кому-то мои проблемы покажутся «малыми бедками» богатой девочки, но для меня-то они тяжелы.

– Нас нельзя было назвать счастливой семьей. Просто друзья детства, которые вдруг поженились и наломали дров. Нам даже разводиться было лень, так и бегали на случайные встречи. Ну, он – точно.

– Я что-то не уловил... – Лэндон задумчиво чешет загривок. – А давно он...

– На системе жизнеобеспечения? Амир сейчас у себя дома, подключен к аппарату. За ним присматривает сиделка.

– У вас дома.

– Чисто формально.

– Ну а как же иначе? Фактически вы женаты, ты утаивала от меня здоровый ломоть своей жизни. И надо было появиться постороннему человеку, чтобы вытянуть это на свет божий? Почему ты сама ничего не рассказывала? Я бы что-то придумал. А теперь все в тебе кажется лживым, ненастоящим. Я даже не знаю, как тебя воспринимать.

Я сглотнула ком в горле.

– Понятно. Прости, что втянула тебя в эти распри.

Резко повернувшись ко мне, Лэндон сверкнул глазами.

– Нет, ты как раз не втянула меня. Ты держала меня в неведении до самого последнего момента. Господи, я не знаю, сколько ты еще собиралась все скрывать.

Я пожимаю плечами. Мне нет оправданий.

– Я одного не понимаю. Ты действительно думала, что мне нельзя доверять?

– Да при чем здесь доверие? Просто ситуация очень тяжелая. Ты – студент. – Я смотрю на его дрожащие руки, заглядываю в глаза. – Беспокойся об экзаменах, у тебя жизнь впереди. Ты молод, ни к чему тебе чужие проблемы.

Он встает, задев рукой деревянное изголовье.

– Не надо решать за меня, о чем беспокоиться, а о чем нет!

Я тоже вскакиваю с постели.

– Да я тебя вообще не собиралась посвящать! – ору в ответ.

– Ладно, Нора, давай не будем валить с больной головы на здоровую. Теперь я во всем виноват. Скажи уже, наконец, ты хочешь, чтобы я был с тобой и помог тебе найти выход, или нет.

Я тупо моргаю.

– Что?

– А что? – вторит Лэндон, вскинув руки.

По моей щеке скатывается слеза.

– Я не поняла: после всего этого ты готов дать мне еще один шанс?

Мне и тысячи жизней не хватит, чтобы стать достойной этого человека.

Он качает головой и, перестав мерить шагами комнату, замирает на месте.

– Я предоставляю тебе выбор. Решай.

– А как же Дакота?

Его глаза прожигают во мне дыру.

– При чем здесь Дакота?

– Ты собрался с ней в Мичиган. Вы останетесь наедине, и...

– Ты что, смеешься? Тебя *это* сейчас больше всего беспокоит? – Сев на кровать, Лэндон обхватывает руками лицо.

Наш разговор мне представлялся иначе. Я думала, мы зайдем к нему и решим, что отношения чересчур усложнились, он огорчится, когда я уйду, однако наутро все будет в порядке. Голова идет кругом.

А может, я все же способна с ней конкурировать? Может, он действительно выберет меня?

История с повесившимся братом не дает никому покоя. Помню, как

уверенно Дакота зашла в магазин вслед за Лэндоном, а я осталась снаружи. Я помню, как она взяла его за руки, и он, разумеется, не возразил. Помню, как она вышла с рыданиями... Фишка в том, что я давным-давно отлюбила свою первую любовь, а Лэндон с Дакотой – нет.

– Прикоснись ко мне. – Я подхожу к нему и встаю рядом. Мне хочется провести с ним последнюю ночь перед расставанием.

Рука Лэндона нащупывает мое лицо, и я, прикрывая глаза, чувствую, как он гладит меня по щекам.

– Прости, – говорю я, и его палец скользит по моим губам. Я не уточняю, за что прошу прощения; очень скоро он это поймет. Он еще поблагодарит меня за то, что убралась с дороги. Лучше поздно, чем никогда.

Я знаю, как это закончить, как перебороть его и отвлечь, и тем временем положить конец отношениям.

Тянусь к животу, к его плотным мышцам, беру за рубашку и притягиваю к себе, касаюсь нежных губ. Я могу целовать его вечно и никогда не пресытиться. Опускаю Лэндона на кровать, толкаю за плечи и взбираюсь поверх его тела. Обхватываю коленями и трусь бедрами о его пах. Холодные мокрые волосы ниспадают на спину, и Лэндон принимается ласкать мои груди. Я тяну время, нанося ногтями отметины на твердый упругий живот. Он вздыхает, дрожит, называет меня по имени и, кончая, притягивает меня к своей груди. Я чувствую, как он содрогается от удовольствия, а сама стараюсь не заплакать.

Что случилось со мной? Кто эта слабачка, что проливает слезы над пареньком, которого слишком сложно любить?

Я прикрываю глаза, пока не хлынули слезы. Глубокий вдох, выдох. Надеюсь, Лэндон не догадается, что со мной происходит.

Он заснул. Взяв одежду, покидаю его в тиши бруклинской ночи.

И вот я у дома. По пути выплакала все глаза, на сердце тяжело, тело разбито. Добираться сюда – не ближний свет, но было поздно звонить водителю. Всю дорогу, пока ехала в поезде, я сидела, уставившись в пустое сиденье напротив. Вспоминалась ночь, когда Лэндон за мною следил. Чем настойчивей я борюсь с воспоминаниями, тем упорнее они возвращаются.

Набираю код на высокой железной ограде, такси тем временем уезжает. Ворота со скрипом распахиваются, и я медленно захожу на просторную подъездную площадку. Цветы и подстриженные деревья венчают дорожку, как имитация жизни. На возвышении громоздится большой темный дом. Безжизненное сооружение.

В доме тихо, не считая журчания воды в большой емкости с рыбами да мерного пиканья медицинских приборов в хозяйской спальне. У парадного крыльца припаркован автомобиль сиделки, значит, она где-то рядом. Каждый шаг отдается эхом под высокими сводами, и в голову закрадывается вопрос: а любила бы я этот дом, обернись все иначе?

Быть может, я привязалась бы к мужу и растила детей?.. Над головой канделябры, на стенах – дорогие картины, сплошной эксклюзив, и все это для человека, который никогда их не увидит.

Дверь в спальню не заперта, как и положено. Я распахиваю ее и вхожу.

Амир сидит в своем кресле.

У него закрыты глаза.

Лицо чисто выбрито, белая хлопковая рубашка расстегнута под подбородком.

Он был настоящим красавцем.

Он и сейчас красив.

Утром я устрою сиделке хорошую взбучку за то, что заставила его целую ночь просидеть в инвалидном кресле. Но это потом, а пока, поставив на пол сумку, я сажусь возле больного. Приподняв тяжелую руку, опускаю свою голову ему на колени и под шипение дыхательного аппарата зарываюсь лицом ему под мышку.

Я больше не плачу, и впервые за долгое время мне вдруг начинает казаться, что я вполне могла бы прожить здесь до скончания своих дней, в этой комнате, подле своего безучастного мужа.

Глава 32

Лэндон

За три часа в небе я извелся от скуки. Повезло еще, что удалось взять билет. Впрочем, никакая удача не могла развеять уныния этого утра. Проснувшись, я обнаружил на телефоне эсмэску от Дакоты и пустую постель. Нора посреди ночи уехала, и я в полном отчаянии.

Мне кажется, я гораздо старше своих двадцати, а Дакота гораздо мрачнее, чем та девочка-балерина, которую я когда-то любил. Из-за пролитых слез у нее потускнели глаза.

Мы приземлились.

Я упорно не смотрю на нее. Наконец, мне становится стыдно. Мою постель согревала Нора, а Дакота в то же самое время ревела в своей.

У транспортера с багажом Дакота молча глядит на подвижную ленту. Махнув в сторону пустых кресел, прошу ее занять место. Кивнув, она садится.

Рядом со мной стоит женщина с ребенком на руках, и мне тут же представляется Нора с младенцем сестры. Вижу девушку с длинными темными волосами и сразу: «Она!» В самолете по телику крутят рекламу «Игры престолов», и тотчас приходят мысли о Норе. Все, на что бы я ни бросил взгляд, напоминает о ней. В глубине души тлеет искра надежды, что и она, озираясь по сторонам, думает обо мне.

Багаж долго ждать не приходится. Подхватив наши сумки, направляюсь к Дакоте. Она клюет носом.

– Ты как?

Поднимает на меня карие глаза, впалые и безжизненные.

– Ничего, скоро оклемаюсь.

Давить я не стал – потихоньку бросаю такую привычку. Хотя самого так и подмывает сказать, что вид у нее неважнецкий.

«Киа», которую я взял напрокат, выглядит свежачком, однако насквозь провоняла сигаретами. Странно, ведь весь салон обклеен стикерами «не курить». Дакота упорно молчит, и я настолько увлекся отслеживанием ее состояния, что даже не заметил, когда мы въехали в родной город. Увидел его в зеркале заднего обзора и лишь тогда начал опознавать. Я молча веду машину, вцепившись в руль. Мы проезжаем мимо старого здания, где когда-то находился «Блокбастер». Помню, мама меня туда часто водила. Каждую пятницу мы заказывали пиццу в «Пицца-Хат» и брали в прокате

кассету. Теперь здание обветшало и выглядит таким же заброшенным, как и старенький пыльный видак на каминной полке в маминой вашингтонской квартире. Мимоходом бросаю взгляд на Дакоту. Интересно, она помнит, как стащила со стойки в «Блокбастере» карамель на палочке и как мы потом удирали? За нами погнался управляющий, приземистый белобрысый Карл. Ходили слухи, что Карл – бывший зэк, недавно освобожден. По счастью, он нас не догнал. После этого случая я сказал маме, что прокатные фильмы мне надоели.

Чем дальше в Сагино, тем больше меня завораживают низенькие крыши домов. Я словно вторгся в чужой, незнакомый мне мир. В свои двадцать лет я много поездил и повидал, в отличие от большинства горожан.

Остановившись у светофора на перекрестке Вудман и Эйрвей, бросаю проверочный взгляд на Дакоту.

– Смотри, «Макдоналдс» снесли.

Когда-то здесь, на углу, стоял классический «Макдоналдс»; теперь на его месте асфальтированная площадка.

Дакота уставилась в окно.

– Там новый построили. – Махнув в сторону квадратного здания с желтыми арками, она бессильно роняет руку на колени.

Проезжаем то место, где раньше был бар. Здесь все сровняли с землей.

– Куда подевался «Диззис»? – Вспомнилось, как мы вытаскивали отсюда Дакотиного отца, но я остаюсь безучастным. На моем лице не промелькнула даже тень улыбки.

Дакота пожимает плечами.

– Я слышала, он сгорел дотла. Ничего удивительного.

Какое-то смутное воспоминание пытается выйти на свет божий. И тут моему взгляду предстает отчетливая картина.

Дакотин отец, Дейл, сидит, привалившись к стене в переполненном баре. В одной руке – банка пива, другая покоится на талии невысокой блондинки. Женщина плотненькая, коренастая. Лицо в обрамлении мелких кудряшек. Похоже, ее лучшие годы пришлись на восьмидесятые.

Дакота проталкивается сквозь толпу, я пробираюсь вплотную за ней. Она отыскивает глазами отца, начисто упившегося и опоенного присутствием женщины. Едва он успел опомниться, как Дакота подскочила и выхватила у него початую бутылку, зашвырнула в мусорное ведро.

– Ты! Совсем охренела? – Он уставился на свою дочь.

Та расправила плечи, набрала полную грудь воздуха, приготовилась к

схватке.

– Пошли, – процедила она сквозь зубы.

Он взглянул на нее и расхохотался. У мерзавца хватило наглости ржать в лицо собственной дочери.

Дама с пышным начесом не спеша обвела взглядом Дакоту, Дейла, эту пародию на отца, меня, пригубила свою бодягу и расправила плечи.

Дакота потянула отца за рубашку.

– Пойдем же.

Дейл сдвинул брови.

– Что ты ваще-ще тут забыла? – процедил он с угрозой.

Меня затрясло.

Дешевая подделка под Фарру Фосетт шагнула вперед и обняла Дейла за шею. В тусклом освещении мне показалось, что карие глаза Дакоты налились кровью. Ей была невыносима мысль, что отец связался с другой женщиной, пусть даже мать и не думает возвращаться из Чикаго.

Я потянул подругу за рубашку, подтаскивая ее к себе.

– Уже поздно, а завтра с утра на работу, – обратился я к отцу Дакоты.

– Вас, мелкотня, вообще сюда не звали. А ну по домам, оставьте людей в покое.

Дейл поднес губы к уху женщины, собираясь ей что-то шепнуть, и тут Дакота на него бросилась. Для пятнадцатилетней девчонки, тем же утром схоронившей брата, до сих пор она являла собой пример небывалой стойкости. Но теперь ее прорвало. Она как обезумела. Вцепилась в его ненавистные плечи, принялась колошматить в грудь своими крохотными кулачками.

Я метнулся к ней, обхватил за талию и пробовал оттащить.

– Не хочет уходить – его проблемы, – говорил я. – Пошли отсюда.

Она отчаянно мотала головой, однако наконец подчинилась.

– Ненавижу тебя! – кричала она вслед отцу, пока я волок ее из бара...

– Я рада, что этот гадюшник сгорел. Поделом. – Голос Дакоты вернул меня в настоящее.

– Согласен.

Мы едем по родному городу. Прошла целая вечность с тех пор, как я отсюда слинял. С гложащим чувством вины я сворачиваю налево, выруливаю на шоссе Полковника Глена. Подъезжая к отелю, замечаю на парковке какую-то полуголую женщину со ссадинами на лице. Она раскачивается взад-вперед, еле держится на ногах.

– Добро пожаловать в Сагино, обитель героиновых проституток, –

блекло констатирует Дакота, и в окончании фразы я улавливаю легкую дрожь отвращения.

Выключаю зажигание, бросаю взгляд на парковку.

– Не похоже на героин, – бормочу я без особой уверенности.

Мы регистрируемся в гостинице. Я прошу тетку за стойкой дать две отдельных кровати. Дакота уязвлена, хоть и пытается это скрыть – я видел, как она вздрогнула. Ей понятно, что мы сюда приехали как друзья.

Шэрон, сотрудница отеля, протягивает два ключа, и после недолгих блужданий мы находим свой номер, где пахнет шариками от моли и все кажется тускло-желтушечным в свете настольной лампы. Городок не изобилует гостиницами, к тому же, раз мы очухались в самый последний момент, то будем довольствоваться тем, что есть. Маме я не сообщил о приезде, так что ее членской картой со скидками в этом единственном мало-мальски пригодном местечке я воспользоваться не смогу.

Пока я обшариваю стену на предмет выключателя, Дакота ставит сумку на ближайшую к окну кровать и говорит, что идет в душ. Я бы тоже от душа не отказался. Тем временем проверяю свой телефон и читаю эсэмэску от Тессы: «Если что, обращайся, и будь осторожен, во всех смыслах слова».

Шлю ответ: мол, поберегусь и прошу не делиться информацией о моем маленьком приключении с мамой и Кеном. Не то чтобы я был слишком юн, чтобы спрашивать у мамочки разрешение на поездку, просто не хочу причинять ей лишнее беспокойство, а беспокоиться они точно будут.

Из душа Дакота выходит в начале одиннадцатого. Глаза красные, щеки припухшие. У меня сердце екнуло при мысли о том, что она там плакала. Так и подмывает обнять ее и не выпускать до тех пор, пока эти глазки с красной сеточкой капилляров не обретут вновь молочную белизну.

Вместо этого я говорю:

– Закажу что-нибудь поесть.

Беру со стола рекламный буклет и принимаюсь листать его в поисках телефона обслуживания номеров. Таковых, кажется, нет.

– Здесь у них нет обслуживания, – в недоумении констатирую я.

Дакота отвечает, что не голодна. Я поднимаю взгляд на ее хрупкую фигурку, завернутую в белое полотенце, и на мокрые кудряшки, с которых стекает вода на голые плечи и грудь.

– Нет, тебе надо поесть. Я закажу пиццу в «Кузине Пеппи». – По ее лицу пробегает тень улыбки. – Помнишь, как мы, бывало, закажем, и я прошу водителя подъехать к окну спальни, чтобы мама не проснулась?

Беру с кровати телефон, ищу номер. Дакота молча роется в сумке.

Заказываю пиццу, хлебные палочки и двухлитровую «Пепси» одну на двоих, как в старые добрые времена. Дакота идет в ванную, чтобы переодеться в уединенной обстановке, и это уже не напоминает «старые добрые времена».

Наконец, она выплывает из ванной. На ней растянутая футболка, доходящая до середины бедер. Смуглая кожа лоснится, и даже на расстоянии мой нос улавливает запах ее любимого лосьона с кокосовым маслом. Я информирую, что пошел в душ, и Дакота кивает, ложась на постель. Она какая-то опустошенная, напоминает зомби. Уж лучше вцепилась бы в горло, чем вот так неподвижно лежать, свернувшись калачиком и безжизненно глядя в окно.

Делать нечего. Вздохнув, беру чистые трусы и направляюсь в ванную. Вода горячая, но напор хреновый. Мне надо, чтобы из душа хлестало, тогда, может, снимется ноющее напряжение в плечах.

Я заимствую у Дакоты лосьон. Она пользуется им, сколько себя помню. У него привлекательный запах, и мне приходится усилием воли сдерживать позывы и блокировать воспоминания. Чищу зубы. Расчесываю волосы. Расчесываю растущую бороду. Я торможу. Торможу от того, что не знаю, что сказать Дакоте и как утешить ее на расстоянии. Мне известен лишь один способ, и сейчас он нам не подходит.

Помедлив еще пару минут, я набираюсь храбрости и выхожу из ванной. Дакота лежит на кровати в той же позе, обхватив себя за ноги и отвернувшись спиной. Я только дернулся, чтобы погасить свет, как вдруг раздается стук в дверь.

Ну, конечно, пицца! Расплачиваюсь со студентом, от которого пахнет травкой, и закрываю дверь. Запираю ее на замок, на оба замка, и зову Дакоту. Та перекатывается на спину и садится. Поскольку тарелки я попросить забыл, а наш наркоша с собой не принес, беру два кусочка пиццы и кладу их поверх коробки с хлебными палочками.

Пододвигаю коробку поближе к Дакоте; моя подруга принимает ее в полном молчании. Если она в скором времени не заговорит, я просто сойду с ума. Довольно-таки лицемерно с моей стороны, потому что я и сам разговаривал с ней разве что о пицце.

Мы молча едим. Я включаю телик, чтобы как-нибудь заглушить тишину. Выбираю местные новости и морщусь, когда заводят очередной разговор о политике. Достало. Листаю каналы, наконец, нахожу сериал о закусовых. От него уж точно башка не опухнет. Надо же было дорасти до двадцати лет, стать полноправным избирателем – и совершенно не

интересоваться политикой.

Ограничившись единственным куском пиццы, Дакота отставляет коробку на стол.

– Поешь еще.

– Я устала, – еле слышно бормочет она.

Встаю, беру коробку, открываю и протягиваю ей кусок.

– Пока не съешь, спать не ляжешь.

Со вздохом, не поднимая глаз и не споря, она запихивает в себя пиццу, выпивает стакан воды, отворачивается к стене и затихает.

Я набиваю брюхо и, когда уже больше нет сил, откидываюсь на матрас и лежу, уставившись в потолок, пока веки не начинают слипаться.

Глава 33

Утро выдалось зябким. Здесь холоднее, чем я ожидал. Дакота спит, а я отправляюсь в ближайший «Старбакс» взять кофе навынос. После того как я отбыл из города, выстроили новый «Старбакс» с раздачей через окно. За время своего нью-йоркского обитания я успел соскучиться по окошкам. Подъезжаешь себе, берешь шипучку, конфет, туалетной бумаги – милое дело. А главное – удобно. Лентяйский рай, прямо скажем. Милая мелочь, которой мне не хватает на Среднем Западе.

Неприятный сюрприз: в окне обслуживания моя давняя знакомая, одноклассница по имени Джессика Риз. Она несколько не изменилась, разве что в ней поубавилось живости. Появились мешки под глазами, да и улыбка утратила былую неотразимость.

– Боже! Лэндон Гибсон! – восклицает она, растягивая слова. Я растерянно улыбаюсь. – Говорят, ты в Нью-Йорк перебрался! Ну и как там? Наверное, людей тьма, как в кино показывают. Правда?

Киваю.

– Да, народу полно. – Пытаюсь деликатно переключить разговор. Не хочу говорить о себе. – А ты как?

Она высовывается из раздаточного окошка.

– В порядке. Работу нашла, здесь оплачивают медицинский полис. У меня теперь маленький – родила после школы. Помнишь Джимми Скупа? Он – отец, правда, не помогает. – Джессика неприязненно морщится, а я пытаюсь представить себе Джимми Скупа в роли отца: мешковатые джинсы, крашенная шевелюра.

За два года среди незнакомцев я успел привыкнуть к тому, что люди не выкладывают при встрече всю свою подноготную. Непривычно вновь вернуться в место, где предельная откровенность – в порядке вещей. Если сейчас заглянуть на Фейсбук, я узнаю, что Джессика ела на обед и почему рассталась с парнем. Все равно что смотреть о ней фильм. Суший ужас.

– Я рад, что у тебя все хорошо. – Кофе готов и стоит позади нее на прилавке. Сдается, она еще не готова вручить мне заказ.

Что-то сказав сотруднице, Джессика возвращается к нашей беседе.

– Говорят, вы с Дакотой расстались. – Ее глаза подергиваются жалостливой зеленцой. – Зря ты с ней связался, она тебя недостойна. Вот братец был более-менее, а она – так себе. Эх, уж лучше бы она, а не он...

– Джессика , – прерываю с нажимом. Меня не парит, что она думает про Дакоту, я по-любому не дам ей такое договорить. – Мне пора. – Киваю на свой заказ.

Она кивает в ответ и советует мне не падать духом. Пристроив стаканы на подставку в машине, желаю Джессике хорошего дня. То, что на самом деле мне хочется ей пожелать, я ни за что не скажу в адрес женщины.

Вцепившись в руль, еду обратно в отель. Захожу, вижу – Дакота нервно меряет шагами комнату.

– Ты куда подевался?

Ставлю кофе у телевизора.

– Съездил, кофе нам раздобыл. Будить не хотел, думал, успею.

Дакота кивает, и после моих объяснений в ее осанке появляются ощутимые изменения.

– Я боялась, что ты слинял.

Пожимаю плечами.

– Куда, например?

– Назад, в Бруклин, – тихо поясняет она.

Поставив соломинку на стол, стягиваю с нее упаковку.

– Не глупи. Была охота тащиться в Мичиган, чтобы здесь тебя бросить. – Отпиваю глоток «фраппучино». – Угадай, кого я там встретил.

Дакота сидит на кровати, скрестив ноги. Стараюсь не задумываться о том, что на ней лишь футболка и хлопковые трусики.

– Кого? – спрашивает она, не отрываясь от кофе. Голова у нее уже высохла, и волнистые локоны обрамляют лицо. Мне всегда нравились ее волосы. Бывало, потянешь кудряшки, и те подсакивают, как пружинки.

А как они пахнут! А какие шелковистые на ощупь!

Уймись, Лэндон .

Возвращаюсь к прерванному разговору.

– Джессику Риз. Она работает в новом «Старбаксе» возле торгового центра.

Дакоте даже не пришлось напрягаться, чтобы вспомнить. Таково свойство нашего городка: ты можешь годами здесь не появляться, но никогда его не забудешь.

– Передавала тебе привет, – сочиняю я.

Дакота подхватывает соломинкой капельку пены.

– Она никогда мне не нравилась. От нее сплошной негатив.

Перемолвившись с тетушкой, Дакота готова ехать в больницу,

проведать больного отца. Он лежит в Сионе, где в прошлом году возвели новый корпус. Учитывая, что местные без конца жалуются на экономику, странно видеть новые постройки. Ну ладно, «Макдоналдс» и «Старбакс», это я еще понимаю, но зачем громоздить стоэтажный торговый комплекс с бутиками и ресторанами? Если у жителей туго с деньгами, то кто будет там отовариваться?..

В регистратуре я называю наши фамилии. Медсестра, нацепив улыбку и зажав под мышкой планшет, ведет нас в палату. Больничные запахи навевают тоску, сразу вспоминаешь о мучениях и недугах. Меня передергивает. Над всей этой антисептикой витает тяжкий дух смерти.

Мы двигаемся по нескончаемому коридору, и я невольно заглядываю в палаты. Я знаю, что это некрасиво, однако не могу удержаться. Рассматриваю людей, прикованных к смертному ложу. Положа руку на сердце, они ведь здесь умирают. Как подумаю – тошно становится. А если для кого-то я стану последним живым человеком, которого ему суждено увидеть?..

Дейл сидит на кровати, прикрыв глаза. Проходит пара секунд, а он все не просыпается. Неужели отошел? Мурашки поползли по спине.

Если он умер, пока мы пили кофе...

– Мистер Томас, вас пришли навестить дочь и зять, – произносит сестра. Ее густые черные волосы стянуты на затылке в конский хвост. Она искренне верит, что мы с Дакотой женаты. И все же что-то в ней вызывает симпатию. Быть может, то, что в ее глазах нет сочувствия, когда она обращается к Дейлу. На Дакоту она смотрит иначе, чем на монстра, лежащего перед нами. Его бледная кожа испещрена желтыми пятнами и багровыми синяками, глаза запали, а щеки ввалились, обострив линию скул.

В палате умирающего царит многозначительная пустота. Ни цветов, ни открыток, никаких свидетельств того, что его навещают. Хотя я, конечно, и не ожидал тут праздничного оркестра. Наконец, мы попадаем в его поле зрения, и первым Дейл замечает меня. Посмотрев на меня так, точно понятия не имеет, кто я такой, он обращает взгляд на дочь. Поднимает тонкую руку и манит ее пальцем.

– Я не... не думал, что ты приедешь.

У него хриплый голос, и дышит он с присвистом. Руки тонкие, точно пруттики, кости торчат.

Дакота напускает на себя храбрый вид. Если бы я ее плохо знал, мне и в голову бы не пришло, что она дико подавлена и дрожит от страха. Подруга держится молодцом, и за это я поглаживаю ее по спине.

– Я не собиралась приезжать. – Дакота подходит чуть ближе к больничной койке. Ее отец подключен к нереальной куче аппаратов. – Просто мне сказали, что ты умираешь.

Дейл и глазом не повел.

– Да, так врачи говорят.

Чтобы отвлечься, я читаю вывески на стене. На виду – диаграмма болевых ощущений, по шкале от нуля до десяти. Ноль – улыбающийся смайлик, десять – красное лицо. Здесь нет ни одного улыбающегося. Интересно, какой у него уровень боли. Если выше пяти, то жалеет ли он, что пропил жизнь?

Такие люди, как он, вообще о чем-нибудь сожалеют? Ему, наверное, и в голову не пришло, что, как только он умрет, его дочь останется одна на всем белом свете. Не сказать, чтобы от Дейла был особенный толк, но у нее вообще никого не осталось, да теперь ей еще разгребать результат его жизненных предпочтений. Двадцатилетней девчонке придется хоронить отца.

Наконец, он впервые обращает внимание на меня. И у него даже хватает наглости спрашивать:

– А этот с чего появился?

– Затем, что ты умираешь, и он вызвался проводить меня из Нью-Йорка, – неприветливо отвечает Дакота. Противно видеть, как он ее мучает. В присутствии отца у нее меняются голос и даже осанка.

– Какое одолжение, – хмыкает Дейл, смерив меня снисходительным взглядом.

Пытаюсь найти хоть что-то, хоть какую-то причину, чтобы пробудить в себе жалость к умирающему.

Дакота присаживается на его постель и спрашивает:

– Как ты себя чувствуешь?

– Как при смерти.

Она улыбается. Неуверенной, робкой улыбкой, но все-таки.

Махнув в мою сторону костлявой рукой, Дейл говорит:

– Не могу при нем разговаривать. Пусть уйдет.

– Пап... – Дакота не оборачивается.

Я и сам рад уйти.

– Конечно, не хочет, чтобы ему напоминали, каких гадских дел он наворотил.

Я приближаюсь к постели.

Дейл дернулся.

– Пошел вон, наглец. Увел мою дочь и еще появился. А эта – вся в

мамашу... – Он закашлялся, хватая ртом воздух.

Мне плевать. Отодвинув Дакоту, склоняюсь над ним и чувствую себя великаном. Да я запросто положу конец этому унижению, раз и навсегда...

– Лэндон! – Дакота хватается за руки.

Куда меня черт дернул? Стою, занеся кулаки для удара. Решил угрожать человеку, которому уже нечего терять. Мне и не снилось, какую лютую ненависть я носил в себе все эти годы. Теперь понятно, как люди срываются, даже самые чистые и целомудренные.

Делаю выдох, отхожу от больничной койки.

– Я оставлю тебе машину, – говорю я и выхожу из палаты.

Напоследок бросаю взгляд на прикованного к постели мерзавца. Он лежит, ссохшийся и бессильный, на осунувшемся лице застыл взгляд, при виде которого все простишь и забудешь. Не забудешь лишь одного: как жестоко он избил родного сына. На парне не осталось живого места.

Хватая ртом воздух, выхожу из здания. Присаживаюсь на скамейку, выдерживаю с полчаса и сбегая. Видеть взгляды больных – то еще удовольствие. Пойду куда глаза глядят, лишь бы здесь не задерживаться. О чем я думал, когда решился сюда прийти?

Слоняюсь по парковке, от нечего делать пересчитываю автомобили. Проверяю вызовы на телефоне. Звоню тете Риз. Отчитав меня за то, что не сообщил о приезде (а именно по этой причине Дакоту не потребовалось подвозить), тетушка предлагает мне встретиться в новом «Старбаксе». Джессика отработала свою смену и ушла, так что возражений нет.

Мы с тетушкой обнялись, она села и тут же поняла, что что-то стряслось.

– Лэндон, что у вас происходит? – Сколько бы она ни двигала головой, прическе хоть бы хны. Производители лака на ней состояние сколотили. Интересно, у них есть программы поощрения за пожизненную лояльность бренду?

– Дейл при смерти. – Я пожимаю плечами. – Мама на сносях, а я, видимо, провалю сессию. Все, как обычно.

– Ну, чувство юмора тебя не покинуло, – усмехается Риз. – Как поживаешь? Как Нью-Йорк? Я соскучилась по тебе и по маме. А как тебе ее муж? Он хороший человек? Как поживает его сынишка? Э-э... Хардин?

– Хардин. Вы же с ней постоянно созваниваетесь. – Пью кофе. Уже третий стакан за сегодняшний день.

– Ну, это другое. А может, она лукавит, я не знаю. Она хоть там счастлива?

– Ага. – Я киваю. – Счастлива, даже очень.

– Ты надолго к нам?

– Да так, пробуду денек-другой.

Мы сидим три часа. Смеемся, вспоминаем былое, делимся новостями. После того, что случилось с утра, настроение у меня понемногу выравнивается. О Норе молчу, ни словечка.

Возвратившись в отель, я вижу, что Дакота в постели. Странно, белый день на дворе. Она так и легла, не снимая ботинок. От хлопка двери вздрогнули хрупкие плечики. Я почему-то уже знаю: он умер. Наконец-то он умер.

Непростительно думать такое о человеке.

Но, к черту мораль, так и есть.

Подхожу к ней, сажусь на постель. Девчонка совсем исхудала.

Я беру ее на руки. Она невесомая, точно птичка, легко уместается на коленях.

– Мне очень жаль, – говорю, потирая ей спину.

Дакота всхлипывает, уткнувшись в мое плечо. Обхватывает руками за шею, из глаз катятся слезы.

– А мне – нет.

Она не жестокая, это все от обиды. Я ее не виню. Когда умирает злодей, его трудно оплакивать, пусть даже это отец. Покойников принято выставлять неким таким совершенством, посвящать им цветистые речи. Противно. Тухлые принципы.

Проходит какое-то время, Дакота наплакалась, слезы высохли. Она слезает с моих колен и идет в туалет. Готовы ли мы оставить прошлое в прошлом? Позабыть обо всем? Не только о море пролитых слез, но и о радостях? О том, как гонялись за светляками в ночи и за солнышком средь бела дня. Обо всем, обо всем, обо всем. С этой девушкой связана большая часть моей жизни, так готов ли я ее отпустить?

Она кивает и просится снова на ручки. Я что-то взвешиваю в голове и, вздохнув, раскрываю объятия.

Глава 34

В номере тихо. Дакота спит. Комнату освещает лишь монитор включенного ноутбука. Я держу его на коленях. Сегодня мы подписали документы на кремацию Дейла. Похороны ей устраивать не хотелось, и лично мне это вполне понятно.

Уже четыре утра. В который раз проверяю телефон. От Норы нет ни звонков, ни сообщений.

Я должен был сразу понять, что она решила уйти. По неспешным движениям ее бедер и по тому, как она ласково целовала меня в лоб, пока я кончал. Мне не хватает ее тепла, ее смеха. Кажется, что с момента последней встречи прошло уже несколько месяцев, а не дней.

Жму на иконку Фейсбука. Знаю, попахивает мазохизмом, да и вряд ли увижу там что-нибудь новое. Вбиваю в строку поиска имя сестрицы. Прокручиваю до той фотки на пляже, где Нора в желтом купальнике цвета солнышка с мужчиной, обнимающим ее за талию. Был бы он здоров, он бы остался с ней?

Я здоров. Но способен ли я остаться с ней?

Почему вообще в этой жизни приходится выбирать – то или это? Почему нельзя все и сразу? Может, я хочу обнимать ее днем и любить по ночам? Бросил взгляд на Дакоту. Может быть, она сохнет по мне так же, как я сохну по Норе?

И вообще, это как-то нечестно. У Дакоты – большое горе, и я вроде бы тут, чтобы ее поддержать, а сам сижу и пускаю слюни по Норе.

Вновь взглянул на экран. Коснулся курсором лица Норы... Опа! Всплыло ее имя. Настоящее имя. Щелкаю ссылку, и открывается профиль, до которого прежде я добраться не мог. Как видно, она перед этим закрыла мне доступ. Не знаю, грустить или радоваться, что она больше не видит смысла что-то от меня скрывать.

Постов тут не густо – пара случайных гороскопов, несколько ссылок от друзей, рецепты.

– Она есть в Инстаграме.

Я вздрогнул от неожиданности.

– Что?

Мне стыдно, лицо заливается каской.

– У нее профиль в Инстаграме.

Чуть-чуть повозившись во тьме, Дакота тянет руку ко мне через проход меж кроватей. В руке – сотовый телефон. На экране – куча квадратных картинок. Это профиль. В углу – имя «Нора» и рядышком «Х».

Отрываю взгляд от экрана – Дакота опять отвернулась к стене. Из тактичности или обиделась. Включаю телик, заглушаю звук – пусть создает видимость, что я чем-то другим занимаюсь, а сам полистаю картинки.

Еда, повсюду еда на весь экран. Аппетитные макароны пастельных оттенков, изобилие печенья с цветными крошками. При виде торта с фиолетовыми цветами сердце екает. Вот Тесса с Норой стоят в обнимку, у каждой – по пятнышку розовой глазури на носу. Тесса вытянула руку, она снимает. Я засмеялся. Тесса, полный профан по части гаджетов, и подсела на селфи?

Попадается и мое лицо, много раз. Вот мы стоим перед входом в «Джувьетту», вот я озадаченно вглядываюсь в меню. Несколько беспристрастных кадров, когда я на кухне, и даже есть фотка с Хардином с подписью «Свет и тьма». Хардин весь в черном, смотрит понуро. Мы куда-то идем, я повернулся к нему и лыблюсь, как последний debil. Непривычно смотрится, хотя кадр сам по себе вышел очень удачный, как и все остальные. Надписи поэтичные и все время с подтекстом. Под какими-то кадрами – просто решетка с номером, под другими – абзац о том, какое щемящее чувство возникает, когда видишь улыбку новорожденного малыша. Там есть фотография, где у Норы чуть более светлые волосы и контрастный макияж. На ней обтягивающее платье, и кажется, что оно не из ткани, а попросту нарисовано на коже или сшито специально, чтобы обольстительно подчеркнуть все зачатки ее пышного тела. Рядом стоит коктейль на барной стойке. Нора поднесла к губам полоску белой бумаги, где написано: *«Я вижу свет, что движется ко мне, и всеми силами тебя я отстою»* .

Куча картинок сестрицы с большим круглым брюхом. Царственная красавица при параде. Пару раз натыкаюсь на собственное лицо, и сердце неистово заходится. Грусть и тоска. Я зол, я в отчаянии, мне ее не хватает. Короче, не знаю теперь, что и думать.

Еще две моих фотки. Я стою, глядя в сторону от объектива, а на фоне все залито солнечным светом. Кадры практически одинаковые. Правда, подписи к ним разные. Для первой позаимствованы слова из знакомого мне коктейля с любовным предсказанием. Помню тот вечер, когда я узнал, что Дакота и Нора – соседки по съемной квартире. Ночь начиналась с надежд, а принесла разочарование. Тот момент во всех подробностях снова восстает в памяти.

Да, я видел, что она без конца что-то фотографирует, но не придавал этому особенного значения. Тесса, как только открыла для себя продукцию Apple, вообще из телефона не вылезает. Я и то часто выхожу в интернет через телефон: проверяю задолженности, заглядываю в рабочий график. Да в сети всегда есть чем заняться.

А я-то все это время ломал голову – либо ее нет на Фейсбуке, либо она соврала и скрывает от меня подробности своей личной жизни. И вот передо мною полнейший отчет. Здесь даже Дакота пару раз появляется. Они с Норой сидят на полу, скрестив по-турецки ноги, между ними – настольная игра, рядышком бутылка вина. Заметив розовый телефон, я вспоминаю, как мы резались в ту же игру с Дакотой и Картером, когда были совсем мелкими. Обычно играли мы с Картером, а Дакота возилась на кухне. Отец похрапывал на диване, а то и вовсе где-то шлялся.

Надо бы переключиться. Не хочу зависать в том периоде. Мы пережили с ней потерю, и эта потеря, как черная дыра, высасывает воздух в любом помещении, где мы окажемся вместе.

Дакота не выставляет тоску напоказ. Она возится на кровати, поправляет футболку, и ясно, что ей не спится. Она понимает, что я все просек и тоже не сплю. И еще она знает, что я знаю про то, что она это знает, ну и до бесконечности.

Хоть разок побуду эгоистом и не стану сейчас ее утешать, а попросту полазаю в телефоне. Под второй фотографией тоже есть подпись. *«Ты жаждешь зимы, а я жажду лета. Но, милый, это две вещи несовместные».*

По спине пробежал холодок. Щелчком выключаю экран и бросаю телефон на кровать Дакоты.

В темноте вдруг послышался голос, прерывая невыносимое молчание.

– Лэндон?

– Что?

Дакота не спешит поворачиваться. Так, лежа ко мне спиной, она робко спрашивает:

– Ты ее любишь?

Ненадолго задумываюсь над ответом. Прикидываю, как она может отреагировать.

– Ну да. Наверное.

С кровати доносится вздох.

– Когда ты успел меня разлюбить?

Господи, что тут ответишь? И есть ли он, этот ответ? Я даже не уверен, что полностью ее разлюбил. Окидываю Дакоту взглядом, и вспоминается,

каково это было – обнимать ее во сне. Главное – время четыре утра, а я только что признался девушке, что люблю другую... Ну неужели надо затевать подобные разговоры?

С другой стороны, не вечно же прятаться.

– Ты знаешь, мне кажется, что я тебя так и не разлюбил.

– Прекрати врать.

Говорит она жестко, по-прежнему лежа лицом к стене. Так запросто не ответишь, нужно подумать. Я устал, не хочу выяснять отношения, просто надо как-то ей объяснить, что она выпала из моей жизни на целых полгода. Полгода – немало. А теперь, в темном номере на две кровати, этот срок кажется бесконечным. Дакота почти не изменилась и пахнет так же, хотя ее хрупкое тельце превратилось в поджарое, атлетическое. Она сгоняет с себя семь потов и выглядит бесподобно. Нелепо их даже сравнивать, Нору с Дакотой, они совершенно разные, однако обе прекрасны, и ни одна из них не превосходит другую. Вся разница в чем-то другом. Глубоко внутри. Это – энергия, и контакт, и то, чего ждешь при общении с человеком.

Что-то мне этот анализ не нравится. Смахивает на анкету для сайта знакомств.

Молчу. Может, Дакота сама спровоцирует разговор и прервет затянувшееся молчание? Она неподвижно лежит, отвернувшись к стене, и старенькому телику не под силу рассеять вампирский полумрак. По пути к парковке под ногами я заметил использованный шприц. В пору моего детства жить тут было не настолько хреново. Милый славный городок, у меня осталась о нем куча положительных воспоминаний. Наркомания зацвела буйным цветом уже позже, когда здесь загнулась экономика. Люди получают гроши, вот и глушат тоску кто во что горазд.

Качаю головой, хотя и знаю, что Дакота не видит.

– Я не вру. Мне нет смысла тебя обманывать.

Дакота стрелой взметнулась с кровати. Розово-карамельная футболка – как мазок в темноте. В крошечном телевизоре крутят старые выпуски шоу Мори Повича. Надеюсь, такое уже никто и не смотрит. Маме он очень нравился; помню, сижу за домашкой, а по телику все орут и орут: «Ты не отец!»

– Да? Уверен? Что-то мне кажется, что ты врешь. Мы вернулись в свой город проводить умирающего отца, а ты даже слова не проронил.

В четырех стенах повисает молчание, и лишь женщина в телике радостно скачет и, тыча пальцем в лицо своему бывшему, орет что-то совсем неуместное.

– У вас с ней что-то было? – спрашивает Дакота и добавляет, не

дождавшись ответа: – Мне надо знать.

Нет, серьезно, она, типа, будет меня обвинять во всех смертных грехах, а я должен покорно со всем соглашаться? Или избрать жесткий путь и сказать ей, что все это – ребячество? Пора бы уже повзрослеть.

Собравшись с силами, натягиваю фигуральный бронежилет и ступаю на поле брани.

– То есть вот до чего мы дошли? – Я придвигаюсь к кровати и сажусь, выпрямив спину. Если Дакота подойдет, то коснется моих коленей. – Мы что теперь, как чужие? Будем устраивать сцены ревности, придирааться по мелочам? Или можно все-таки вести себя как взрослые люди, которые вместе полжизни прошли?

– Просто ответь на вопрос.

– Да. Было. – Признаюсь по той простой причине, что у меня нет привычки врать.

Дакота опускается на кровать и закрывает руками лицо.

Не знаю, как ее утешить, да и стоит ли. Извиняться я тоже не буду, не за что мне перед ней извиняться. И не стану утверждать, что это был незначительный факт, потому что факт был значительный.

Я решил, что ей сейчас не помешает выплакаться, а сам уставился в телевизор. Теперь на экране еще одна женщина: стоит с каменным лицом, а вокруг нее вертится какой-то удалец – радостный, что не оказался отцом! Просто страшно представить, куда катится мир.

Единственный способ следить за ходом часов – ориентироваться по телепередачам. Отыграла рекламная пауза, значит, прошло уже сколько-то времени. И вдруг Дакота заговорила:

– А если бы мы не уехали, мы все еще были бы вместе, как думаешь?

– Ну да, – отвечаю с кивком, – скорее всего.

– Ты такой молчаливый. Даже не пытаешься мне ничего объяснить, оправдаться, – тоскливо замечает она. Она сидит неподвижная, сгорбленная, с застывшим, точно у куклы, лицом.

– А что объяснять? Мы расстались с тобой на полгода, – говорю, сохраняя предельную выдержку. Стоит только мне дать слабинку, стоит дать ей понять, что в груди у меня жжет и жалит, считай, делу конец. Стоит только сорваться, повысить голос, и мы поскандалим. А скандал – это из области личного. Нас опять засосет в отношения.

– Когда это все началось? – спрашивает она.

Дакота смотрит на меня внимательно, ждет ответа, в глазах слезы. Еле сдерживаюсь, чтобы не подойти к ней, не приласкать.

– Не так давно.

– До того, как мы... попытались? – Не зная, куда спрятать взгляд, она останавливает его на часах, которые стоят на крохотном столике.

– Нет, уже после, – сказал я, надеясь, что это принять будет легче.

Из горла Дакоты вырывается тихий стон.

Еще пара тягостных мгновений, и она, отвернувшись, ложится.

Я тоже решаю лечь спать, залезаю под одеяло и слышу:

– Я была с Эйденем.

Пока до меня доходит значение ее слов, мозг лихорадочно соображает. Я не знаю, что думать и тем более что сказать. Как-то нелепо расстраиваться в моем положении, и уж точно мне не о чем горевать. Поэтому странно, что меня всего крутит. Не знаю, от чего мне сейчас противнее – от того, что она переспала со знакомым мне парнем, или от того, что ее выбор пал именно на того, кого я всей душой презираю.

Надо же было из всех парней в большом людном городе выбрать того единственного, который мне не по душе. Все в нем, от надменной ухмылки до тщательно уложенного блонда, вызывает во мне чувство гадливости. *Ну почему именно с ним?*

Перевожу взгляд в ту часть комнаты, где лежит Дакота, и закрываю глаза. Вспоминаю Нору, сидящую на моих коленях, мягкую и податливую в моих объятиях. Как она стонала, когда я касался ее языком. Растрепанные волосы, сочные раскрасневшиеся губы, красная блузка в комплекте с черными сексуальными брючками. Помню, как звонко она смеется, когда я стараюсь казаться умным, и помню мурашки на ее руке, когда я провожу по ней пальцем. Каждый миг с ней мне дорог, не променял бы его ни на что. И если Дакоте выпали эти мгновения с кем-то другим, то кто я такой, чтобы мешать?

Как я ни старался, нужных слов подобрать мне не удалось. Я не в силах облегчить ей страдания.

Наверное, зря люди думают, будто первая любовь – это навсегда.

Глава 35

Я вернулся из Мичигана месяц назад, и время тянется нестерпимо долго. Жизнь моя дала резкий крен. Мама родила на прошлой неделе, и я ездил к ним на уик-энд. Недавно вернулся. Эбигайл Скотт – очаровательная девчушка.

Всего-то два года прошло, а как кардинально все изменилось. Семья разрослась. Я и не думал, что мама моя снова влюбится и что у меня будет брат или сестра, а то и двое разом. По крайней мере, с малышкой ладить куда легче, чем с Хардином. Хардин с Тессой не разговаривают. А раз уж я между ними как будто посредник, так мне тоже порой достается.

Тесса перебралась на диван и снова возненавидела музыку. Все это напоминает фильм «Сумерки». Там Белла Свон вырвала магнитолу из автомобиля голыми руками. Что ж, мне знакомо ее настроение: ничего необычного, что человек изорвал в клочья наушники. Я все-таки подписался на кабельный и запоем смотрю «Игру престолов». В конце каждой серии вспоминаю о Норе, и думается, как здорово было бы вместе смотреть, делиться догадками и сокрушаться о погибших. Прошло недели три, а я уже на последнем сезоне, осталось две серии. Первое время, особенно когда в кадре появлялся Нед Старк, мне было непонятно, почему это Боромир трется у Белой Башни. Лишь потом я смекнул, что к чему.

Никто из нас не делает шаг навстречу – ни я, ни Нора. Тесса тонет в своем горе и, скорее всего, даже не знает, на какой фазе наши отношения. А фаза у нас – по нулям. Совсем.

Приезжаю в кафе, вижу Эйдена. Сейчас его смена. После Мичигана мое отношение к нему несколько не изменилось. Я даже стараюсь выискивать в нем хорошее; правда, получается с трудом. Стараюсь особо не распаляться из-за того, что он переспал с моей бывшей подругой.

– Хай, брателло, – говорит он, и меня вдруг пронзает мысль: интересно, он в курсе, что я когда-то встречался с Дакотой. Попутно приходит догадка, что она не посвятила его в подробности о своем прошлом. Может, между ними нет особой привязанности и они в общем-то не откровенничают. А может, у них просто был дружеский перепих, ну, как у нас с Норой.

Что за чушь я несу? Кого обманываю? Никакой это не перепих. Мне до сих пор ее не хватает. Я тоскую. Вижу стул – представляю ее верхом на мне

или себя перед ней на коленях. Смотрю на кухонную столешницу и вижу Нору с распущенными волосами, обольстительно мне улыбающуюся.

– Привет, – отвечаю я с неохотой, перебираясь через гору коробок. Эйден, конечно, и не думал их распаковывать. Сидел, дожидался меня. Да, я сейчас уберу в шкаф соломинки, порву пленку на упаковке стаканов и расставлю по полкам бутылки с ароматным сиропом.

Отмечаю время прибытия, надеваю передник. Греет мысль, что его смена заканчивается через полчаса, и тогда придет Поузи.

Часы тикают, появляется сменщица. В фойе тихо, посетителей нет, и я уже подобрался к коробкам. Сейчас все разберу по местам. В закутке сидит Лайла, молча катает машинку по столу. Какой-то мужчина в костюме рассказывает о восхитительном кофе, который он пробовал в Европе. Поузи кивком поздоровалась. Дела идут вяло, и я вспоминаю про реферат, оставленный на вечер. Как только его закончу, посмотрю одну серию на своем ноуте. Бонус за прилежание.

Как раз начинаю подметать пол, когда в кофейню заходит посетитель, и я иду к стойке. Поузи за кассой, я – на раздаче. Беру стакан, готовлюсь принять заказ и тут слышу знакомый голос. Волосы на загривке зашевелились.

– Карамельный латте с молотым льдом, – произносит Дакота. Она бросает взгляд за спину Поузи. Эйдена, что ли, ищет? Не знаю, сказать ей, что он уже ушел?

Попутно ее взгляд падает на меня. Не скажу, чтобы там появилась особая неприязнь – нет, взгляд вполне дружелюбный, просто уже не такой, как в старые добрые времена.

– Привет, – говорю я, и мои руки приходят в движение. Я выхватываю стаканчик у Поузи, сую черпак в емкость со льдом.

Поузи бросает на меня понимающий взгляд и удаляется в подсобку. Не знаю, чего мне сейчас больше хочется: поблагодарить ее или крикнуть вслед, чтобы вернулась.

– Как дела? – спрашивает Дакота.

Мельком на нее взглянув, отсыпаю из ковшика часть льда. В суете зачерпнул больше, чем нужно для блендера.

Как дела, значит? Тут все очень неоднозначно.

Тесса страдает. Я практически завалил «психологию обучения», тоскую по Норе и немножечко по Дакоте. То, что у нас нет перспектив, еще не значит, что я на раз плюнуть могу от нее отвыкнуть. В глубине души мне всегда будет небезразлична ее судьба. Может, потом, через несколько лет, когда она выложит фоточки с обручальным кольцом, выйдет замуж,

обзаведется детьми, я с улыбкой осознаю, насколько же рад за нее, и с меня свалится груз ответственности, но пока...

Останавливаюсь на кратком варианте ответа.

– Хорошо. А у тебя?

Пшикаю в стакан две струйки карамельного сиропа, включаю блендер. Пока он шумит, мы молчим. Наконец, я вручаю Дакоте готовый напиток.

Она делает долгий глоток.

– Все так же. Мне перезвонили по поводу съемок рекламы.

Вижу, что ее так и распирает от счастья. Я и сам, глядя на нее, заулыбался.

– Здорово!

Дакота поворачивается ко мне боком, и я в открытую ею любуюсь. Она распрямила волосы и сколола их за ушами в тугой маленький пучок. На лице ни грамма макияжа, выглядит просто отпад.

Спрашиваю ее, какая реклама. С застенчивой улыбкой она отвечает: реклама спортзала, и у нее назначена встреча с хозяином этой сети на предмет съемки целого видеокурса по фитнесу.

Пригубив напиток, Дакота мягко уводит разговор в сторону. Не хочет обсуждать свою жизнь.

– Можешь присесть на минутку?

Убедившись, что в фойе пусто, иду с Дакотой к дальнему столику. По пути любуюсь ее волосами. Они выглядят совсем иначе, не так, как я привык, реально *шикарно*. На толстовке – котенок, белый пушистый клубочек в забавных хипстерских очках. Приятно ненадолго переключиться.

– С утра заезжала Нора. Забрала какие-то вещи из того, что осталось, – сообщает Дакота.

Только, пожалуйста, не говорите, что она заявила сюда, чтобы устроить очередной скандал из-за Норы.

Я беспомощно пялюсь на дверь.

– Я думала, вы давным-давно съехались. Поэтому удивилась, что она с тем же водителем. И мне непонятно, почему она забралась так далеко от города.

Я и сам без конца размышлял, что теперь с Норой. Догадывался, что она начнет больше времени проводить в своем скарсдейлском особняке. Так и есть.

– Ну да, а куда ей еще податься?

Я без конца о ней думаю. Нашелся ли компромисс с мужем и родственниками? Родила ли Стейси? Чем Нора занимается? Сидит с ним в

огромном пустом доме? Я не ревную, мне всех их жалко. Ситуация патовая, и Нора, как видно, человек недюжинной воли. А я еще, помню, считал себя сильным. Да в сравнении с этим титаном, я – податливый алюминий.

– Логично. – Дакота подтягивает ногу на стул. – О тебе у меня тоже бывают мыслишки.

Ну вот, приехали...

– Правда? – спрашиваю с настороженной улыбкой.

Она трясет головой. Я так привык к ее прыгучим кудряшкам, что странно видеть ее с распрямленными волосами.

– Да не в этом смысле, – говорит Дакота, подтолкнув меня локтем.

Поузи поглядывает на нас из-за прилавка. Жаль, что она уезжает, я буду скучать по ней. Помню, она известила меня – мол, надо понынчиться с племянницей. Ее бабушка совсем сдала, и ей все труднее ухаживать за непоседой, больной аутизмом. Поузи – редчайшей души человек, как ни крути.

– А ты все еще с Эйденем? – спрашиваю я, не дожидаясь, пока Дакота начнет распространяться о своих «мыслишках» на мой счет.

Откинувшись на спинку стула, она отвечает с улыбкой:

– Ну типа.

– М-м-м. – Я считаю, что если добрых слов в чей-то адрес у тебя не нашлось, то лучше промолчать.

– Нора сказала, что ты ей совсем не звонишь.

Почему Дакота сидит тут со мной и разговаривает о Норе? Как-то странно все это.

Можно, конечно, представить – *на минуточку*, – что мы и вправду доросли с ней до таких отношений. То есть я не хотел бы расстаться врагами, как часто бывает. Я же не просто так ее полюбил, на то имелась причина. И как бы теперь ни обстояли у нас дела, когда-то она была мне близка. Мне вообще непонятны такие типчики, которые поливают грязью своих бывших. Вчера она слыла чикой номер один и офигенной телкой, а сегодня не достойна и не красива.

– Почему ты ей не звонишь?

В кафешку заходит клиент, я встаю.

– Вот и все, посидели, мне надо работать.

Подхожу к стойке, приподнимаю загородку, и вслед доносится голос Дакоты:

– Ты ей позвони.

Я сбит с толку, сконфужен и озадачен.

Так не бывает, чтобы стервозная бывшая помогала спасти отношения с

нынешней, особенно, если она ее ненавидит.

Глава 36

Нора

Обед почти готов. На кухне сработал таймер, и я выкатываю Амира в коридор. Здесь опять отирается Дженнифер, хотя я просила ее побыть наверху. Потихоньку привыкаю обходиться без помощи. В этих стенах вдруг стало чересчур просторно, раньше мне так не казалось. С трудом представляю себе, каково это – быть человеком, которому для полного счастья нужен такой громадный дом. Держась за угол коляски, везу Амира по изысканному пандусу из темного дерева, установленному специально для этой цели.

Невыносимо смотреть в исполненное отчаяния лицо его матери. Мне жаль и ее, и Амина, и Педру. Мне как-то до всех было дело, а на себя времени не находилось. Я так и не успела оплакать утрату. Есть еще кое-что, в чем не хочется себе признаваться. Если бы не авария, мы с ним разбежались бы. Развелись и жили бы счастливо, каждый сам по себе, оставаясь друзьями до скончания веков. Он женился бы, завел детей, и я была бы за него очень рада.

При мысли о детях засосало под ложечкой. Не хочу о них думать, ни мне, ни ему не станет легче от моих лишних терзаний. Я просто должна быть с ним рядом. Надеюсь, от моего присутствия Амиру немножечко легче.

После аварии я несколько месяцев была как прикованная. Ночевала в больнице, не отходя от постели, а потом мы переехали в особняк. Этот дом считался подарком на свадьбу от его родни, хотя на ту пору мы были женаты уже два года.

– Я приготовила капусту и испекла хлеб, – рассказываю ему, не зная толком, слышит ли он меня. Дженнифер уверена, что он все слышит и понимает, но откуда ей знать? По-моему, это что-то из области благих надежд.

Отдергиваю шторы, распаиваю ставни. Когда он в последний раз был на улице? Надо спросить у Дженнифер.

Сую в духовку квадратики с кленовым сиропом. Бывает, наложу себе тарелку еды и думаю: как жаль, что он не может полакомиться вместе со мной. Мне не хватает живости и оптимизма Амира. Я люблю рассказывать ему о нашем прошлом, вспоминать, какими мы были шальными. Вы не поверите, но как-то раз он даже улыбнулся.

С тех пор как мы в последний раз виделись с Лэндоном, я много думала обо всем. Просто бывает, что мы до конца жизни привязаны к людям судьбой. У Лэндона есть Дакота, у Стейси – Амин, у Тессы есть Хардин, а у Амира есть я.

По кухне разносится запах капусты, и я с трудом прогоняю воспоминания, как целовала Лэндона после каждого съеденного кусочка. Мне нравилась вся эта чепуха. С ним вообще было классно.

Он дарил мне надежду. Не знаю, на что именно, это так запросто не объяснишь.

А когда-то Лэндон уважал лишь стряпню своей матери и не притрагивался к тому, что готовила я. Забавно, ведь его мать – худшая повариха на свете. Боже, она даже жареный сыр умудрялась спалить.

Я беру в рот кусочек капусты, и в воображении всплывает лицо Лэндона, такое милое и обворожительное.

Сгребаю еду в ведро с отходами.

– Давай погуляем, – предлагаю Амиру. Беру со столика книгу и неспешно вывожу его во внутренний дворик. Воздух студёный. Стоит последняя неделя октября. Завтра – Хэллоуин. Я так долго скрывалась от окружающих, что мне уже и не хочется покидать дом на холме, выходить в людный город.

Здесь очень тихо, мы не живём впритирку с соседями, и мне это очень нравилось – в те времена, когда для меня было важно, что нравится, а что нет.

Безучастные глаза Амира широко раскрыты. Может, ему больно? Дженнифер говорит, что не больно, но опять же, откуда ей знать?

Открываю книгу, зачитываю главу. Пусть слушает. Я без понятия, нравился ему «Гарри Поттер» или нет, мы об этом не разговаривали. Я много знаю о нем: кто его близкие, какие он любит смотреть передачи, но это лишь капля в море в сравнении с тем, что мне известно о Лэндоне.

Читаю быстрее, хочу выкинуть Лэндона из головы.

– София! – по саду разносится зычный бас Дженнифер.

Ведь просила же посидеть наверху! Что тут неясного?

Круглобокая нянька выкатывается из дверей, спешит по газону.

– Я тут вся оборалась! – кричит она, мельтеша в воздухе короткими ручками. – К тебе пришли. Какой-то парень, он отказывается уходить.

– Ко мне или, может, к нему? – Хочется надеяться, что семейству Амира надоели тяжбы. У меня есть адвокат, и я, как жена Амира, буду отстаивать его землю.

– К тебе, дорогуша. Я сказала, что ты в саду, но он упорно сидит и не

хочет уходить! – Дженнифер всю трясет. Не представляю, как она справляется с пациентами, если ее способен вывести из себя безобидный курьер или кто он там.

– Хорошо, тише. Иди в дом, последи за ним.

Сердито набычившись, Дженнифер удаляется. Наверное, она хочет сказать, что и так глаз с него не спускала.

Размышляя над тем, нужна ли мне Дженнифер в няньках, учитывая, что я сама со всем управляюсь, захожу в гостиную.

И у меня перехватывает дух: на диване сидит Лэндон. У него довольно уверенный вид – не помню такого в нашу последнюю встречу. Красавчик, и на лице куда больше волос, чем я думала.

И руки крупнее, чем раньше.

И будто бы стал выше ростом?

– Как ты тут оказался? – спрашиваю я, хотя гораздо актуальнее было бы спросить, как он меня отыскал.

Тут же вспоминаю про два пропущенных вызова от Стейси. Наверняка ее рук дело.

– Дженнифер сказала, что ты в саду, – отвечает он, проигнорировав мой вопрос.

– Правда?

– Да. И приготовила кофе, чтобы не тоскливо было ждать, – говорит он с очаровательной щенячьей улыбкой, от которой я без ума.

Ну да, только Лэндону под силу расположить к себе безучастную Дженнифер. Он посиживает на диванчике, совершенно чужой в этом большом и безжизненном доме. Зачем он пришел? Как он вообще узнал, куда идти?

– Я тебя отвлекаю? – спрашивает Лэндон, перехватив мой поспешный взгляд на дверь. Я снова окидываю его взглядом. Он возмужал и как будто поблек, словно немного померк его внутренний свет. На нем белая футболка, поверх – голубая рубашка на пуговицах. Невыразимо хорош! Такой милый, родной. Волосы отросли на макушке. Сколько мы с ним не виделись? Несколько месяцев? Или лет?

– Ничего. Я сидела с Амиром в саду.

Наблюдаю, как Лэндон реагирует на мои слова, но в его лице ничего не меняется. Посмотрев на меня, он задумчиво потирает колени.

– Как дела? – спрашивает он.

Лэндон осматривается в комнате. Живопись из гостиной исчезла. Я решила пустить эти деньги на благотворительность, в помощь семьям, чьи близкие погибли, сев за руль в пьяном виде. Одно такое полотно – и семья

на год избавлена от забот о счетах за лечение. Все шесть картин сейчас у оценщика.

– Тружусь как пчелка, – отвечаю. – Ты, очевидно, тоже? Тесса сказала, тебя повысили в должности.

Он кивает.

– Ага.

– Ну, круто, поздравляю. Наверное, у них впервые такой молодой руководитель.

В духовке срабатывает таймер. Сама не знаю, для кого я пеку. С Мэгги и Дакотой я больше не живу, у Лэндона не ночую, а Дженнифер употребляет лишь капкейки без глютена. Так и стоят мои кексики, свеженькие и разукрашенные, на гранитной столешнице и ждут, чтобы ими полакомились. Через три дня, когда подсыхает глазурь, они отправляются в мусорный бак.

– Не угостишь своим лакомством?

Улыбка – как нож по сердцу.

Кивнув в знак согласия, я предусмотрительно умалчиваю о том факте, что рецепт этих самых квадратиков с кленовым сиропом я позаимствовала у его мамы. Она пообещала не говорить ему, что мы часто общаемся. Я дорожу нашей дружбой и тешу себя фантастической мыслью, что в моей жизни она стала постоянной величиной. Хотя кого я обманываю? Иногда, когда сильно прижмет, я позволяю себе помечтать о том, что моя жизнь могла бы сложиться счастливей.

Я рассказала Карен об Амуре, чтобы опередить Лэндона. Нет, может быть, он и затронул бы с ней эту тему, просто мне захотелось избавиться сразу от всех наших тайн. Карен всегда мне симпатизировала. А Кен даже нашел адвоката, который здорово помог утрясти дела с родными Амира. Мне не нужны мужнины деньги, я просто хочу, чтобы от меня отстали. Я с радостью съеду отсюда, переберусь в съемную комнату и, если понадобится, буду работать в две смены.

Я не верю в «благие намерения» этой семьи. Даже сестра моя заодно с ними. Я осталась совсем без поддержки. Дженнифер – дерганая, помощи от нее не дожدهшься, и к тому же я не уверена, что ее не подмазывают деньгами. Она на все согласится, только ручку позолоти. Мне хотелось бы думать, что я – как дом Старков, а семейка Амира – как Ланнистеры, но если кто-то развяжет войну, то как знать.

– Так угостишь? – напоминает Лэндон, разогнав затянувшееся молчание.

– Да запросто.

Светские беседы – не в нашем с ним духе, так что, раз он не решается, я беру быка за рога.

– Как ты меня отыскал?

– Думаешь, ты одна у нас супершпион?

Мы смеемся. Приятно развеяться, как в былые времена.

– Можно спросить тебя кое о чем? – начинает Лэндон.

Наверное, не стоит говорить ему, что он может спрашивать меня обо всем, что ему заблагорассудится. Я ужасно соскучилась по его голосу.

– Валяй, спрашивай. – Пробегаю пальцами по взлохмаченной косе. Если бы я знала, что он придет, то оделась бы по-другому. Легинсы пропахли капустой и сладким сиропом, на блузке красное пятнышко от вина, прямо на воротнике. А вдруг он заметит? Он так и поедает меня глазами, задерживаясь на открытых местах, на лице, на плечах.

– Ты здесь часто бывала, пока жила в городе?

У меня свело горло.

– Почти каждую ночь. Меня подвозили. То Клифф, то водитель.

– Клифф? – переспрашивает Лэндон.

Знакомое ему имя. Еще бы, один из ближайших друзей Амира. Ему взбрело в голову последить за мной, вот дурак! Дошел до самого дома Лэндона. Мол, до него дошли слухи, что я встречаюсь с каким-то студентом. А заложил меня долбаный Митч, который обслуживал бар в ту ночь, когда я предложила Лэндону где-нибудь встретиться.

Мы сидели втроем, Лэндон, Дакота и я. Ситуация та еще, но когда я увидела за стойкой Митча, то сразу смекнула, что он доложит Клиффу. В общем, я рада, что Хардин его отделал. По заслугам, нечего шпионить. Вспомнила про Хардина и закипела. Я за него так болела, а он снова все запорол с бедной Тессой.

Услышав знакомое имя, Лэндон не давит и не выпрашивает. Переходит к другому вопросу.

– А почему ты решила, что если я узнаю про Амира, то сразу начну о тебе плохо думать?

Как ему удастся так формулировать, что отвечать уже нечего? Он – единственный из моего окружения, который высказывается без обиняков, говорит, что плохо, что хорошо, и запросто признает недостатки. Побольше бы в мире Лэндонов!

– Я даже не представляла, что может быть как-то иначе. Когда мы повстречались, я не искала мужчину; в лучшем случае, согласилась бы на приятельские отношения. На меня такие проблемы свалились – врагу не пожелаешь. Я все пыталась сделать как лучше для мужа, для семьи, на

любовь времени не оставалось.

У него легонько дернулись плечи – совсем чуть-чуть.

– Нора, я с самого начала тебе говорил... – От звука его голоса мне становится немного легче – самую малость. Я сильно истосковалась. Не ожидала, что буду так грустить, ведь прошло всего ничего. – Лучше бы ты все мне рассказала, я не стал бы тебя осуждать.

Лэндон поворачивается ко мне, и мое сердце сжимается. Это лицо не создано для грусти.

– Я бы просто решил, что ты храбрая.

У меня перехватывает дыхание. Надо бы отвернуться и не смотреть на него. Не смотреть.

– Я бы просто подумал, что ты способна на самопожертвование.

Когда до меня дошел смысл его слов, я поняла, что слетаю с катушек. Исчезла вся зажатость, как будто кто-то снял груз с моих плеч.

Лэндон неотрывно глядит мне в глаза.

– Я бы решил, что ты сильная, невероятная женщина. Я попытался бы перевалить на себя часть твоей ноши.

– Вряд ли кто-то способен на такое, – мягко возражаю я.

– А я попытаюсь.

Любит ли он меня? Реально ли все изменить?

Найдется ли место еще одному человеку в моей беспокойной судьбе? И честно ли будет устроить ему такую подставу, втянув в свою жизнь, если я сама еще не поняла, как со всем управляться?

– Я хотел бы с ним познакомиться, – говорит Лэндон, вставая.

А ведь день так безоблачно начинался!.. Приходит мальчишка и опрокидывает все вверх тормашками, летит к чертям мой тихий размеренный быт. Онемев от потрясения, я киваю и тоже встаю. Призвав на помощь остаток духа, иду к двери, ведущей во внутренний дворик.

Не говоря ни слова, Лэндон пересекает безразмерную кухню и выходит на улицу следом за мной. Что-то еще бормочет про капусту, но я не оборачиваюсь. Просто не знаю, о чем говорить и зачем он явился.

– Я читала в саду, – объясняю ему по дороге. Мы подходим к Амиру, и Дженнифер резвенько утекает.

Здесь сразу стало уютнее в присутствии двух дорогих мне мужчин. Они оба важны для меня, каждый по-своему. Из-за Лэндона даже цветы ароматней и ярче. Мне всегда хотелось иметь собственный сад. Я очень люблю природу, цветы и деревья, но и городскую жизнь с оживленными кафе я тоже люблю.

– Лэндон, это Амир.

Указав на мужа, я наблюдаю за реакцией Лэндона. На его лице все та же спокойная улыбка. Взглянув Амиру в глаза, он представился. В нем не чувствуется неловкости. У него есть одно завидное свойство: он – как дуновение ветерка для любой живой души, что встречается ему на пути.

Лэндон с улыбкой склоняется и берет с травы книгу. Усевшись на лавку чуть поодаль от Амира, открывает ее на том месте, где у меня лежит крохотная закладка. И начинает читать:

– Наш выбор, Гарри, гораздо больше говорит о том, кто мы есть на самом деле, чем наши способности.

Эпилог

Лэндон

Одно лето и зиму спустя...

Свадьба прошла одним махом. Сначала мы были помолвлены и думали, что впереди у нас долгие годы несуетной жизни и спешить ни к чему, а потом вдруг как-то разом очутились в эпицентре приготовлений.

Я привык игнорировать мамино любопытство – ей все не терпелось узнать, когда мы планируем «запланировать». Лично меня и так все устраивало, а свою будущую я торопить не хотел, она уже это проходила. Но как-то раз заявляется Тесса со стопкой журналов для женихов и невест – и понеслось!

Невеста моя рьяно взялась за приготовления. По ее настоянию мы бегали и смотрели: места для мероприятий, цветы, подходящие к свадебным кексам, которые будут подавать в ресторане. Оказывается, свадьба складывается из тысячи мелочей. Пока эти две женщины планировали, как пройдет главный день моей жизни, я решил не превращаться в кивающего болванчика, который делает вид, будто шарит во всем этом бедламе. Мне было важно не запороть для нее это событие, и я очень старался.

Я помог выбрать отдушки, и невеста испекла мой любимый торт, заботливо украсив его фиолетовыми цветочками из сливочного крема, смысл которых знали только мы двое. Я был на подхвате в рамках того, что позволяла мне Тесса, планировщица свадьбы тире злобный бес, вселившийся в тело моей лучшей подруги.

Например, на прошлой неделе Тесса сорвала на меня всех чертей, когда узнала, что портной неправильно снял с Хардина мерки и теперь новые брюки едва доходят ему до лодыжек. Я от души посмеялся над фотографиями, а она фыркнула и швырнула в меня телефон. Страшно подумать, что эти чудики могут устроить на свадьбе. Тесса его избегает, а Хардин трещит о ней в каждом интервью. В прошлые выходные, вернувшись с учебы, я видел, как Тесса показала ему неприличный жест. Правда, Хардин был в телевизоре, разглагольствовал о своем книжном туре, а Тесса, пожалуй, немножечко перебрала со спиртным.

И вот я сижу за столом в окружении любимых и обожаемых мною людей, и да, я женат .

Женат на прекрасной, успешной и неунывающей женщине. Она сидит

рядом и болтает с моей мамулей о густых взбитых сливках и какой-то фигне без глютена.

Хардин уселся с другой стороны и в упор смотрит на Тессу. Та остановилась у гостевого стола, где вовсю кипит жизнь.

– Как дела? – спрашиваю я Хардина. Убрав ладонь со спины невесты, беру ее за руку. Обернувшись ко мне, она чмокает меня в щеку и возвращается к беседе с моей матерью.

Хардин, взглянув на меня исподлобья, запускает в волосы пятерню.

– Бэ-э, – изрыгает он и с кривой ухмылочкой добавляет: – А ты-то как? Почувствовал, что теперь ты законно повязан с одним человеком до скончания дней?.. Ну, если не принимать во внимание возможность развода.

Я закатываю глаза.

– Почувствовал, оптимист ты наш.

Он ухмыльнулся – и тут же запаниковал, увидев, что Тесса смешалась с толпой. Чуть приподнявшись на стуле, высматривает ее в помещении.

– Да вон она, у дверей, – подсказываю я.

Он успокаивается и смотрит на нее, не сводя глаз. Кен дает ей подержать на руках крошку Эбби, и Тесса хихикает – кроха дернула ее за волосы. За другим столиком – Стейси, делает селфи с бокалом вина. По обе стороны от нее – Тодд с Амиром. Амир облачен в костюм с галстуком под цвет Нориных глаз. Интересно, она по этому признаку подбирала ему галстук? Надеюсь, что да.

После развода все потихонечку утряслось. Нора по-прежнему руководит поместьем и отвечает за юридическую и врачебную стороны его жизни. Амир вошел и в мою жизнь, а благодаря тому, что Нора много рассказывала об их совместных проделках и приключениях, мне начинает казаться, что я с ним прекрасно знаком. Мой опыт в уходе за ним навел на мысль пройти специализацию «коррекционное образование». Да, придется чуть дольше учиться и брать новые займы, но почему-то я уверен, что преуспею.

Пока Стейси поправляет Амиру галстук, переключая внимание на сводного брата.

– И как думаете поступить со своими отношениями?

Хардин вздыхает.

– Пожениться, – отвечает он, пощипывая себя за губу.

– Правда? Она-то в курсе? – спрашиваю я, вскинув бровь.

Почему-то мне кажется, что Тесса еще не знает о его планах. Я слышал вчера, как она репетировала перед зеркалом, что ему скажет. Мне

жаль, что у нее совсем не осталось личного пространства, ведь мы теперь живем в доме вместе, втроем. Правда, женщины между собой чудно ладят. Я как-то спрашивал жену (никак не привыкну, чудно звучит) еще до свадьбы, не попросить ли мне Тессу съехать, раз уж мы скоро женимся, но она без усталости повторяет, что ей нравится иметь ее на подхвате.

Полагаю, мы с ней оба догадываемся, что Тессе просто некуда будет податься.

– Ну да. А почему бы нет? Вот вы поженились, хотя знаете друг друга всего ничего, а мы с Тессой знакомы многие годы.

Что ж, резонно.

– Ну да. Просто вы даже не встречаетесь... Впрочем, наверное, этот этап можно и пропустить.

Хардин лыбится во все табло – похоже, замышляет неладное.

– От перестановки слагаемых сумма не изменяется. Мы по-любому окажемся в той же точке.

Он салютует бокалом, и я салютую в ответ.

Еще несколько лет и зим спустя...

– Мамуля! – пронзительно верещит Эдди. У нее очень тоненький голосок, особенно когда она что-то выпрашивает.

Жена входит в комнату. Лицо покраснелось, к уху прижат телефон, и мне искренне жаль того, кто на том конце провода. Но едва она заговаривает с мини-подобием меня, раздражение испаряется без следа.

– Что, маленькая?

Скрестив руки на груди, монстренок уверенно заявляет:

– Папа сказал, что мне нельзя больше торта.

Нора переводит на меня взгляд, пытаюсь сохранить невозмутимый вид:

– И сколько папочка разрешил тебе съесть? Ты же знаешь, у нас через два часа ужин с тетей и дядей, а у тебя еще не готова домашка.

– Ну-у, – Эдди надувает пухлые губки, – тогда не готовь много, если мне нельзя столько съесть.

Прыснув от смеха, виновато прикрываю рот под суровым взглядом жены.

Маленький дьявол пытается перевести стрелки.

– Папа так тоже сказал.

– Я не говорил!

Обе дамы меня игнорируют.

– Эдди, никаких больше тортов. – Тон жены не допускает возражений. – Иди чистить зубы и заканчивай домашнюю работу.

Эдди выходит и неохотно плетется по коридору. Каштановые кудряшки колыхаются в такт ходьбе.

Оборачиваюсь к жене. Руки у нее теперь свободны, и она тянется ко мне. Сажая ее к себе на колени, и она обхватывает меня ногами за талию.

– Прекрати кормить ее сахаром перед едой. – Поцелуй в губы.

– Прекрати печь кексы в количествах, которые мы не в силах употребить. – Я пожимаю плечами, и Нора игриво шлепает меня по груди. У нее отросли длинные волосы, и когда она взмахивает головой, они щекочут мне ноги.

– Я очень соскучилась. – Она твердит это каждый божий день на протяжении учебного года.

– Кому-то же надо учить наших с тобой бесенят, – говорю я, не отрываясь от ее губ. – Я тоже скучал.

– Завтра мне снова на съемки, – сообщает Нора. – Мне только что сказали, что потребуется еще один дубль.

Вздыхаю. Она постоянно пропадает на работе, и мы почти с ней не видимся.

– И что на этот раз?

– Кто-то, – говорит она, приложив палец к моим губам, – умудрился уронить торт на самых последних кадрах. Так бывает, если на съемках используются не муляжи.

– Так вроде бы в этом весь смысл? – Мне тут же вспомнились фальшивые кексы, которые снимали на прошлый уик-энд. В кадре был настоящий свадебный торт, настоящие молодожены. Крикнули «Снято!», а я-то по дурости хватать кексик и в рот. Чуть зуб себе не сломал. Оказывается, режиссер попросил Нору украсить бутафорские кексы. Ну конечно, там платят. За день получается больше, чем готовить на две свадьбы.

– Когда-нибудь я брошу работу, ты будешь учить детишек на дому, и мы сможем заниматься этим дни напролет, – заявляет она мечтательно и трется об меня грудью.

Я легонько ее отстраняю.

– Какой же пример мы покажем детишкам? – Провожу легонько языком вдоль ее скулы. – Пока рано, ребенок, – шепчу ей за ушко.

– Дети научатся любить своего супруга и готовить тортики. Наштампует себе армию любвеобильных пекарей. – У Норы задорно вспыхивают глаза, и я глажу ее по длинным шелковым волосам. – Точно! Будем колесить по стране, печь кексики и обучать. И никогда больше не придется ходить в скучный офис.

Целую ее в шею и представляю деревенскую глушь.

– Чш-ш. – Целую в шею. – Ты же насквозь городская. Ты и дня не протянешь в краю, где вокруг только злаки и никаких учреждений.

Она что-то пробует мне ответить, но тут к нам врывается дочь с запутавшейся в волосах детской расческой.

– Мамочка! – верещит дитяtko.

Она вскакивает.

– Твоя очередь, – говорит Нора, прикусив мне губу как раз в тот момент, когда в комнату входит дочурка.

Среди этого бедлама – по одну руку растущая дочь, по другую жена, которую так и распирает от смеха, – мое сердце переполнено радостью. Черт, я счастливейший парень на свете!

Да, порой людей связывает трагедия, связывает безнадежностью и мраком. Но случается, среди слез и безысходности, когда жестокая память режет по сердцу злые узоры, все-таки промелькнет в душе искорка света. Дуновение счастья раздует искру в смелое пламя, свет разгонит тьму, и ты постигнешь новую связь. Которая будет пылать ярче солнца.

Слова благодарности

Ну, в общем, когда я впервые обмолвилась на Wattpad, что собираюсь писать книгу о Лэндоне (на ту пору его звали Лайам), я тогда только что покончила с «После 3». Я выписала сцену свадьбы Лэндона, а вот его невестушка все время отлынивала – никак не хотела мне показаться. Что самое странное... Я все пыталась ее обрисовать, упорно, настойчиво, а она закрывалась. Я гадала, как они познакомились, какая она из себя и как они докатились до жизни такой, но невеста по-прежнему оставалась безлика. Их история обрастала подробностями, однако ее личность мне была неизвестна. И вот я взялась за перо, и тогда голова окончательно затуманилась. Когда я заканчивала писать «Ничего больше», там тоже не было ясности. Персонажи, как обычно, перехватили инициативу, ну и флаг им в руки. Точно так же, как и вы, я понятия не имела, кто она, пока не начала вбивать на клавиатуре слова. Спасибо за то, что любите Лэндона так же сильно, как я.

Адам Уилсон: Это – наша шестая совместная книга (седьмая, если считать Imagines). Я каждый раз поражаюсь твоему терпению и готовности импровизировать, и тому, что ты разрешаешь (в определенных пределах) поступать мне по-своему. Спасибо, что тебе не в лом подмечать несуразности, в которых оказался повинен Wattpad, и за то, что ты был моим рыцарем и верил в меня, когда мне хотелось порвать черновики. Я и так без конца тебя благодарю, просто мне кажется, что тебе это надо не только услышать, но и прочесть. Удачи во всем! Я в восторге от твоего проекта «Галерея 13» и остальной крутизны, которую ты креативишь.

Кристин Двайер: Я очень ценю все, что ты делаешь, все, чем ты помогаешь. С тобой невозможно схалявить, и ты постоянно смешишь. Люблю тебя искренне, всей душой!

Эшли Гарднер: Спасибо за навигацию в издательском мире. Не хочу никакого другого агента, кроме тебя;)

Арон Левиц: Дружок мой единорог, я счастлива быть твоим другом-эמודи. Ты нереальный и клевый, и даже я становлюсь с тобой интереснее. Я рада, что у меня есть такой товарищ. Ты меня здорово уравниваешь (закатываю глаза), спасибо за бурю идей и дух соперничества. Я в курсе, что я нужна тебе, чтобы подобраться к моему

муженьку, но меня это совершенно не парит.

Пол О'Халлоран: Пол!.. Даже не знаю, с чего начать. Ты работаешь за меня гораздо больше, чем я сама. Ты на гребне волны, в прямом смысле. Не представляю, как бы я справилась без тебя со всеми этими поездками, переводами и остальной лабуденью. Поверь, я очень ценю!

Челс, Лорен, Бри и Трев: Вы играете важную роль в этой книге, как и во всей моей жизни: Р Мне очень повезло с друзьями. Вы много для меня значите, и спасибо за подарки с Ником Джонасом.

Урсула: Ну что, у нас все по-прежнему: Р Ты – моя лучшая подруга, помощница и мыслительный центр. У нас до кучи нереальных воспоминаний, и сколько еще впереди! Жду не дождусь! Спасибо, что не пыталась увести у меня Майлза. Lololol

Отдел производства и продаж: Спасибо за эффективную работу в столь сжатые сроки! Обещаю проставиться на девятерых.

И, конечно, самое важное для меня – это читатели. Я каждый день благодарю судьбу за то, как все удачно сложилось. Осуществилась моя давнишняя мечта, и я ни на что на свете ее не променяю.

notes

Примечания

1

Абуэла – «бабушка» (исп.). Абуэлита – ласкательное имя: «бабушка-малютка».

Рисовый пудинг, блюдо перуанской кухни. Дословно, рис с молоком.